

<http://spero.socpol.ru>

№1. Весна 2004

Журнал издается Независимым институтом социальной политики

<http://www.socpol.ru>

Редакционная коллегия

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна , к.э.н., директор НИСП
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна , к.э.н., зам. директора НИСП, директор программы международного сотрудничества НИСП
Ответственный редактор	Добрякова Мария Сергеевна , к.соц. н., директор публикационной программы НИСП

Координаты редакции

Москва, Глинищевский переулок, д. 3

Тел.: (095) 786 6718

Факс: (095) 292 9651

E-mail: spero@socpol.ru

Редакционный совет журнала

Сильванская Марина Павловна (<i>председатель</i>)	к.и.н., Московский центр Карнеги, консультант журнала <i>Pro et Contra</i> Московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д.э.н., профессор, Президент Института Национального проекта «Общественный договор», Президент Международной конфедерации обществ потребителей
Васильев Сергей Александрович	д.э.н., представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от правительства Ленинградской области, Председатель Комитета Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению, научный руководитель Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
Вишневский Анатолий Григорьевич	д.э.н., действительный член РАЕН, руководитель Центра демографии и экологии человека ИНП РАН, главный редактор информационного бюллетеня «Население и общество», главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Малева Татьяна Михайловна	к.э.н., директор НИСП, главный редактор журнала
Полетаев Андрей Владимирович	д.э.н., профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ-ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к.э.н., директор проекта РОО «Открытая Россия»

Содержание

От главного редактора	4
<u>Экспертное мнение</u>	
Гонтмахер Е. Ш. Российская социальная политика как сфера взаимной ответственности государства, бизнеса и гражданского общества	6
Малева Т. М. Социальные страты и социальная политика в современной России.....	14
Шахнович Р. М., Юдашкина Г. В. Влияние локального рынка труда на формирование спроса на труд в условиях экономического роста	26
<u>Мнение зарубежных экспертов</u>	
Квист Дж. Социальные реформы в скандинавских странах в 1990-е годы: использование теории нечеткого набора для оценки соответствия идеальным типам.....	41
<u>Социальное законодательство</u>	
Синявская О. В. Основные векторы развития законодательства в отношении инвалидов в 2000–2004 гг.	67
<u>Новое в аналитике: обзор научных публикаций</u>	77
<u>Календарь событий</u>	8

От главного редактора

Итак, в Интернет-пространстве появляется еще один журнал. Зачем и кому он нужен, кроме его создателей? Новый амбициозный проект НИСП? Или дань моде? Или же попытка восполнить некую лакуну? Ответ на эти вопросы в конце концов даст наш читатель, мы же хотим пояснить наш замысел и ожидания.

Роль социальных факторов развития и социальной политики возрастает во всем мире, и Россия не является исключением. Однако и по сей день границы возможностей и ответственности социальной политики, ее место и роль в экономическом и общем цивилизационном процессах в общественном и политическом сознании не очерчены. Более того, вопрос о содержании и методах социальной политики относится к числу дискуссионных и в научном понимании. До выработки общей или хотя бы преобладающей позиции по данной проблеме в российской науке еще далеко.

Между тем, до сих пор нет ни одного периодического издания, посвященного системному анализу и экспертным дискуссиям по проблемам современной социальной политики. Было бы преувеличением утверждение, что проблемы социальной политики игнорируются либо находятся на обочине научной дискуссии. Нет, это не так. Однако это обсуждение либо погружено в иные контексты, либо носит фрагментарный характер.

В последнее время в российском обществе стал ощущаться социальный запрос на научное осмысление содержания, механизмов и результатов социальной политики. Первоочередной задачей социальной политики последних лет становится установление диалога между государством и гражданским обществом, призванного выработать новые «правила игры» и договориться о разделении сферы ответственности. Этот диалог невозможен без появления еще одного субъекта – Независимого Эксперта. Журнал и призван сыграть эту роль.

Его цель – представлять результаты самых последних исследований в области социальной политики, выполненных в России и за рубежом, способствовать организации научной дискуссии по актуальным проблемам социальной политики, представлять исследователей, работающих в сфере социальной политики.

Мы надеемся, что журнал внесет свою лепту в решение весьма широкого круга задач:

- *методологических* – дискуссии о содержании и проблемах социальной политики, критический анализ известных или демонстрация новых методов исследований социальных проблем и т.п.;
- *аналитических* – критический анализ процессов в социальной сфере и экспертиза политических решений;
- *информационных* – представление результатов новых исследований по социальной политике, профессиональные обзоры, анализ изменений в социальном законодательстве, информирование об успешном социальном опыте и т.п.;
- *просветительских* – статьи наиболее авторитетных российских авторов, переводы зарубежных статей;
- *укрепление экспертного сообщества* – межрегионального, междисциплинарного, международного.

Журнал будет ориентирован на глубокий экспертный анализ проблем современной социальной политики как в России, так и за рубежом. Мы будем предоставлять страницы журнала экспертам разных научных дисциплин – экономистам и юристам, социологам и демографам, психологам и экономгеографам, словом, специалистам, в чьей сфере научных

интересов находятся проблемы социального развития и социальной политики в различных их ракурсах.

Мы исходим из понимания, что в реальной жизни социальная политика, даже если ее рамки формируются на федеральном уровне, реализуется в российских регионах. В нашем журнале мы будем стремиться к эффективному сотрудничеству с экспертами из российских регионов.

В то же время сегодня невозможно анализировать и решать социальные проблемы вне глобализационного контекста. Мировой опыт в социальной политике богат и разнообразен, и Вы сможете познакомиться с наиболее заметными последними публикациями зарубежных исследователей на эту тему.

Наш журнал адресован исследователям социальной политики в России и за рубежом, федеральным и региональным политикам, а также представителям различных ветвей власти, вовлеченных в решение социальных проблем, практикам – работникам НКО, работающим в сфере социальной политики, журналистам, которые серьезно интересуются социальными проблемами. В результате мы надеемся создать журнал о социальной политике для профессионалов; площадку для экспертной дискуссии на различные темы социальной политики; источник профессиональной информации для журналистов.

И последнее. Мы все хотим жить в экономически сильной и социально стабильной стране. Это невозможно без взвешенной, активной и эффективной социальной политики, адресованной главному экономическому субъекту – гражданам страны. Журнал носит название СПЭРО – «Социальная Политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры». Однако это не просто аббревиатура. По латыни *spero* означает «надеюсь». Социальная политика должна давать надежду гражданам своего государства на устойчивое социальное развитие.

Т. М. Малева

Экспертное мнение

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СФЕРА ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Гонтмахер Евгений Шлемович,

д.э.н., зам. министра здравоохранения и социального развития Российской Федерации

I

Социальная политика, сложившаяся в России 1990-х годов, носила в основном пассивный характер, так как центр реформаторских усилий был направлен на финансово-экономическую сферу. В результате на социальном поле сосуществовали многочисленные остатки советской системы (особенно в образовании, здравоохранении и культуре), робкие рыночные новации (проверка нуждаемости, попытка введения страховых начал в пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание), а также такие вновь появившиеся уродливые явления, как единая тарифная сетка по оплате труда работников бюджетной сферы, переход от страховых взносов к единому социальному налогу (ЕСН), массивное развитие неформальных платежей. Кроме того, из-за бюджетных сложностей государство было вынуждено резко уменьшить финансирование социальных программ; то же самое произошло и при приватизации предприятий. Население в значительной степени перешло на самообеспечение за счет неформальной занятости и ведения натурального хозяйства.

В этих условиях говорить о какой-либо цельной социальной политике было практически невозможно. Речь шла максимум о поддержании внешних атрибутов социальной стабильности, подавлении наиболее вопиющих социальных язв и провалов. Что, оглядываясь на прошедшее десятилетие, и было обеспечено.

С 2000 года ситуация вокруг социальной политики начала кардинально меняться. Во-первых, обозначился серьезный экономический рост (сначала в сырьевых, а затем и перерабатывающих отраслях). Как следствие, во-вторых, начали расти усредненные показатели доходов населения. В-третьих, новое политическое руководство страны заявило о необходимости очередного этапа реформ. В их числе оказалась пенсионная реформа и реформа системы социального страхования в целом.

Однако, подводя предварительные итоги 2000-2003 гг., можно с уверенностью констатировать, что системных сдвигов в социальной политике обеспечено не было. Причин тому несколько.

1. Социальные реформы так и не стали приоритетными в деятельности государства. Основное внимание уделялось поддержанию финансовой стабильности (снижение инфляции, формирование профицитного бюджета), реформе естественных монополий, де бюрократизации экономики. Единственным социальным направлением, по которому началось реальное движение, стала пенсионная реформа.
2. Мешанина в разграничении полномочий в сфере социальной политики и ее финансового обеспечения между различными уровнями государственной власти и местным самоуправлением.
3. Институты гражданского общества (неправительственные организации, профсоюзы, объединения работодателей) из-за своей общей слабости оказались неготовыми к формированию собственных конструктивных предложений в сфере социальной политики.

4. Экспертное сообщество оказалось сильно ослабленным из-за отсутствия притока молодых кадров, которые предпочитают заниматься финансовыми и экономическими вопросами, а также из-за косности системы высшего образования, не готовящей специалистов по социальной политике.

5. Риторика политических партий, органов законодательной власти сводилась к чистому популизму (требования радикального повышения зарплат, пенсий, пособий, объемов финансирования образования, здравоохранения, культуры).

6. Как итог: отсутствие полноценного диалога между всеми субъектами, формирующими социальную политику, что предопределило скудость идей и конструктивных предложений.

Перечень причин, не позволивших сделать социальную политику 1990-х годов прошлого века осмысленной, можно продолжить, но уже названные из них дают представление о степени неразработанности даже концептуальных подходов к формированию современной социальной политики. Сложность заключается еще и в том, что нынешний этап развития России продолжает оставаться переходным от советской системы к желаемой долгосрочной модели, многие параметры которой все еще не ясны. Однако общемировые тенденции говорят о существенной активизации «человеческого фактора» как неперемного условия общественного и экономического прогресса, социального благополучия. В этом смысле формирование долгосрочной социальной политики может стать катализатором и многих других трансформаций нынешней российской действительности.

II

Государство остается, несмотря ни на что, основным актором в сфере социальной политики. Это еще более усиливается новой конфигурацией власти: практически однопартийная Дума, огосударствление (по новому законодательству) местного самоуправления. Тем самым на государство ложится основная ответственность за ее эффективность и перспективы развития. В этих сложных условиях как законодательной, так и исполнительной власти важно соблюдать баланс: не бросать «социалку» на произвол судьбы, но, с другой стороны (что более актуально), не пытаться заполнить государством все возможные социальные щели.

Попробуем очертить желательные сферы социальной ответственности эффективного демократического государства, включающего в себя федеральный и региональный уровни власти.

1. Законопроектная работа (разработка соответствующих документов, их принятие и контроль за реализацией).

При этом неперемногом условием подготовки проектов законов, решений исполнительной власти должно быть консультирование с представителями гражданских (неправительственных) организаций, в том числе представляющих интересы бизнеса, и экспертного сообщества. Для такого рода действий государство должно выработать специальные регламенты, являющиеся обязательными для исполнения в работе властных структур. Аналогичный подход должен быть и при контроле за реализацией введенного в действие законодательства. Это позволит, во-первых, стимулировать становление институтов гражданского общества и, во-вторых, покончить со старинной российской практикой неисполнения действующих законов.

2. Мониторинг за ситуацией в стране, в том числе в социальной сфере, проводящийся не только по части статистики, но и (что не менее важно) в области общественного мнения. На этой основе государством выявляются общенациональные и региональные приоритеты (болевые точки), для работы с которыми ведется законопроектная деятельность (см. предыдущий пункт), разрабатываются и финансируются федеральные (региональные) целевые программы (см. последующий пункт).

3. Финансирование общенациональных (а для региональных властей – региональных) программ. Например, на федеральном уровне – это борьба со СПИДом, туберкулезом, другими социальными заболеваниями. На региональном – обустройство мигрантов, бездомные дети и пр. Особенностью такого рода программ может быть их совместное финансирование с бизнес-сообществом, для чего необходимо выработать специальные регламенты и процедуры, выявляющие экономический интерес собственно предпринимателей в такого рода проектах и не допускающий произвола (давления) властей в отношении бизнеса.

4. Распределение налоговых поступлений прежде всего в пользу местного самоуправления (муниципалитетов). Сейчас соотношение в этих поступлениях федеральной и региональной властей, а также местного самоуправления составляет 60:30:10, а желательный баланс должен быть ближе к обратному.

Очевидно, что реализация всех этих пунктов (хотя бы одно исключение делает достижение поставленной цели невозможным) потребует, во-первых, политической воли, во-вторых, политического же терпения на многие годы вперед и, в-третьих, тесного и равноправного сотрудничества власти с гражданским обществом и бизнесом.

Сейчас, к сожалению, трудно утверждать, что эти три пункта являются фактом политической жизни:

- инициированная в последние годы реформа местного самоуправления фактически делает его третьим (низовым) уровнем государственной власти, оставляя тем самым явно недостаточное пространство для самоорганизации граждан. Тем самым практически подрываются корни формирования сколько-нибудь значимого гражданского общества, и, в свою очередь, государство обрекается нести основную финансовую, а значит и политическую ношу ответственности за благосостояние собственного населения;
- контакты власти с лидерами общественных организаций зачастую превращаются в имитацию диалога, причем с обеих сторон: мы делаем вид, что выслушиваем, а они делают вид, что удовлетворены результатами этого «выслушивания»;
- взаимоотношения власти и бизнеса никак не могут в стадию цивилизованного диалога. Еще несколько лет назад отдельные представители бизнеса фактически вертели властью как хотели (вплоть до продажи государственных должностей), теперь же бизнес запуган и дезориентирован той же властью и общественным мнением.

Таким образом, пока не сделан даже первый шаг по запуску механизмов переходного периода. Остается надеяться на послевыборный период нынешнего президента, который, получив второй мандат, начнет выстраивать и реализовывать свою стратегию.

III

Попробуем обрисовать принципы желательной модели участия гражданского общества в социальной политике.

Сейчас на лозунговом уровне активно обсуждается идея передачи полномочий от власти в негосударственный сектор. Но для дальнейшего продвижения необходимо отчетливо понимать, что под гражданским обществом подразумевается целых три актора:

- собственно общественные организации (по распространенной англоязычной аббревиатуре – NGO);

- конкретные граждане и образуемые ими семьи («первичные ячейки общества»);
- местное самоуправление (в негосударственном понимании этого явления).

Если начать с последнего актора, то в условиях огромной территориальной протяженности и разнообразия жизни местное самоуправление (очень подходящее слово – community) – наиболее эффективная и одновременно наиболее демократичная система территориальной самоорганизации граждан. При этом на местном уровне должна быть сосредоточена вся полнота ответственности за поддержание общественного порядка, благоустройство территории, школьное обучение, здравоохранение первичного звена, социальное обслуживание инвалидов и престарелых, досуговая деятельность в отношении детей, а также значительные (по принципу «контрольного пакета») полномочия в области охраны окружающей среды. Наиболее затратная и проблемная сфера – коммунальное хозяйство – должна быть приватизирована и работать по договорам с потребителями воды, тепла и других услуг. Для этого требуется выстроить и соответствующую налогово-бюджетную систему, о которой уже говорилось выше. Налоги, закрепленные за местным самоуправлением, и их ставки должны быть установлены таким образом, чтобы большинство (а не исчезающее меньшинство как сейчас) communities могли быть финансово обеспечены.

Бюджеты местных сообществ должны быть построены исключительно по программному принципу, а не по расходным статьям, как сейчас. На каждый финансовый год определяются приоритеты и цели по каждому из выделенных выше направлений, которые контролируются через систему показателей. (Кстати, типовые методики составления таких программ должны были бы быть разработаны на федеральном уровне.) Распределение программных средств должно происходить там, где это возможно через систему социального заказа. Таким образом можно будет передавать значительную часть функций общественным организациям и частным предприятиям, например, в сфере социального обслуживания и досугового обеспечения. Вмешательство в деятельность местного самоуправления со стороны государства должно быть жестко ограничено законом и сведено лишь к наиболее вопиющим случаям.

Даже этот короткий набросок образа желаемого местного самоуправления показывает, насколько далеки от него нынешние реалии. Тем более, что недавно принятое законодательство о реформе местного самоуправления делает его фактически еще одним уровнем государственной власти, хотя, согласно действующей Конституции России, местное самоуправление отделено от государства. Например, региональные власти получают фактическую свободу действий в отношении снятия и назначения мэров, регулирования финансового положения местных бюджетов. Предлагаемые изменения в распределении поступающих в бюджетную систему налогов фактически не касаются местного самоуправления, т.е. оно по-прежнему будет зависеть от дотаций из региональных и федерального бюджета.

Если обратиться к NGO, то описанное выше состояние местного самоуправления не позволяет активистам неправительственных организаций стать новым поколением мэров и глав муниципалитетов. Сохраняющаяся зависимость от государства делает навыки их общественной работы во многом бесполезными, а превращаться в бесправных чиновников самого низового уровня они не захотят. Тем самым стимулирование развития гражданского общества может привести к столкновению NGO с государством в лице «местного самоуправления», что не будет полезным для налаживания сотрудничества с властью и не станет шагом к консолидации общества.

Огосударственное местное самоуправление объективно не сможет организовать и процесс делегирования многих своих социальных функций в пользу NGO и частных организаций. Как результат – все разговоры о компактном государстве закончатся ничем, а общественная

активность самоорганизующихся граждан будет существенно ограничена и по-прежнему будет канализоваться в социально неприемлемых (маргинальных) формах.

Развитию NGO препятствует и отсутствие установленных в федеральном законодательстве льгот для доноров благотворительной деятельности, а также многочисленные фискальные препятствия для организации деятельности NGO.

Что касается третьего актора – собственно человека и его семьи, то, как указано выше, в России до сих пор не создано благоприятных условий для самоорганизации людей и для деятельности по интересам, а также для осуществления конституционного права на местное самоуправление. Нужно ли удивляться общественной апатии и распространению антиобщественных явлений (алкоголизм, наркомания, насилие в семье, мелкая преступность и пр.)?

Человек – с социальной точки зрения - ущемлен и как работник. В начале 1990-х годов были сделаны робкие попытки ввести в России институт обязательного социального страхования как совместной деятельности работника и работодателя. Был даже введен 1-процентный страховой взнос из заработной платы в Пенсионный фонд Российской Федерации. Но эта первая ласточка более равномерного распределения ответственности за собственное благосостояние между самим работником и работодателем была задумана с введением ЕСН в 2001 г. Тем самым, во-первых, Министерство финансов и Министерство экономического развития продемонстрировали непонимание принципиальной разницы между страховым взносом и налогом, и, во-вторых, было выражено неверие совокупному российскому работнику. Он по-прежнему никак не мотивирован непосредственно участвовать в процессе социального страхования, ему безразличен этот институт, так как существование ЕСН (наряду с другими налогами) создает настроения безосновательной надежды на государство.

Для того, чтобы что-либо поменять в этой сфере, необходимо менять экономическое поведение человека, его мотивации. И начинать надо с введения реального софинансирования работником расходов на поддержание его благосостояния.

Конечно, было бы опрометчивым директивными методами просто перераспределить ответственность за выплату части страховых взносов на самого работника. Во многих случаях это фактически будет означать снижение выдаваемой ему на руки заработной платы. Путь другой: социальное страхование является формой общественного договора между работником, а точнее – его представителями (например, профсоюзами), и работодателями. Поэтому необходимо законодательно перенести проблему установления размера обязательных страховых взносов и меры ответственности каждой из сторон за полноту и своевременность их выплат в сферу социального партнерства. Государство может при этом выполнять роль арбитра.

Не исключено, что придется вернуться и к идее, в свое время высказанной академиком А.Г.Аганбегяном, о передаче работнику в виде части его оплаты труда нынешних бюджетных расходов на образование, здравоохранение и поддержание жилищно-коммунального хозяйства. Именно тогда отпадают многие препятствия для реализации на деле давно заявленного принципа – деньги следуют за учеником, пациентом и т.д.

IV

О социальной ответственности бизнеса последнее время много говорят, но мало кто понимает, что это такое. Одни считают, что поскольку российские бизнесмены разбогатели за счет государственной собственности, то теперь они должны взять на себя решение всех социальных проблем страны. У обывателя социальная ответственность бизнеса ассоциируется со знаменитыми словами Александра Лившица: «Делиться надо!». Сами

предприниматели нередко настаивают на том, что главное для них – создавать рабочие места, платить налоги и достойную зарплату.

Последние годы все внимание было сконцентрировано на экономических реформах – электроэнергетики, железных дорог, финансовой сферы. А социальные реформы оказались за скобками (кроме пенсионной). Но этого недостаточно. Следующее президентское четырехлетие станет социальным, так как без этих реформ никакого удвоения ВВП не будет. «Социалка» в том виде, в котором она сегодня существует, является тяжелым тормозом, сдерживающим экономическое развитие страны.

Рабочая группа, которую возглавляет заместитель главы Администрации Президента Игорь Шувалов, определила пять приоритетов. И практически все они – социальные. Это доступное жилье для населения. Конечно, вопрос отчасти финансовый, экономический, но он поставлен именно в социальном плане. Здравоохранение, реформа профессионального образования, социальные проблемы военнослужащих. И даже в вопросах, связанных с Калининградом, есть социальный аспект. Должны ли предприниматели, как сообщество, отстраняться от участия в их решении?

Не надо забывать, что бизнес вытащил страну из полного экономического провала, который у нас сложился в 1990-е годы. Советская экономика рухнула, и что с ней делать, никто не знал. А предприниматели не просто приватизировали госсобственность, они взяли на себя ответственность за эти предприятия, за тех, кто на них работал. В результате, несмотря на многочисленные апокалиптические прогнозы, масштабного социального кризиса в стране так и не случилось.

Какой смысл вкладывается в понятие «социальная ответственность бизнеса»? Только благотворительность и «делиться надо»?

Не надо идти на поводу этих распространенных стереотипов «общественного мнения». Пришла пора крупным предпринимателям заняться знаковыми социальными программами, выходящими за рамки их предприятий и территорий, где они расположены. И такие примеры уже есть. Например, Федерация Интернет-образования, фонд «Открытая Россия», которые создала компания «ЮКОС». Зона их действия уже давно вышла за пределы и корпоративных, и социальных интересов нефтяного бизнеса. Но это пока, увы, исключение.

У нас сегодня есть четыре насущные проблемы, которые вполне вписываются в экономические интересы бизнеса: здравоохранение, образование, вынужденные переселенцы и офицеры, увольняемые в запас в ходе военной реформы. Судите сами: демографическая ситуация в стране такова, что через 10-20 лет возникнет серьезный дефицит рабочих рук. И кроме того, многое ли наработает больной, плохо образованный человек? Так что «социалка», по большому счету, – выгодное вложение денег. В данном случае интересы общества и предпринимателей должны совпадать.

В то же время бизнес не должен подменять собой государство, а лишь дополнять его в вопросах, до которых у власти не доходят руки. Предприниматели, помимо всего прочего, заинтересованы и в том, чтобы в стране не было социальной напряженности. Значит, проблема бедности, люди, попавшие в группу социального риска, – тоже его забота. Например, здравоохранение. Есть такая категория: дети-инвалиды, живущие без родителей в детских домах. К сожалению, их сотни тысяч. Оказывается, многим из них не сделана операция по удалению заячьей губы – нет денег. Не надо объяснять, что это означает для ребенка, как трудно ему будет пробиться в жизни. А сколько детей у нас умирают от такого порока сердца, как «синдром внезапной смерти»? Им тоже нужна операция, и она не так сложна. У нас есть проблемы с питанием беременных женщин. И кого они рожают? Минздрав провел Всероссийскую диспансеризацию детского населения, результаты – катастрофические. Две трети российских детей – больные. Причем, это была поверхностная, не глубокая диспансеризация. А если покопать?

Возьмем образование. Те же самые дети-инвалиды, которые живут в интернатах: слабослышащие и слабовидящие. Последний раз им учебники печатали еще в советское время, и сегодня им не по чему учиться. Что они будут делать, когда вырастут, если не получат специальности? Станут нахлебниками у государства. И, между прочим, бизнесу выгодно, чтобы эти люди были не потребителями ВВП, а его производителями. Вот тогда предприниматели могут с чистой совестью ставить вопрос о снижении налогов. Ведь расходы на содержание инвалидов сократятся.

Бизнес мог бы задуматься о том, чтобы постепенно, в рамках какой-то программы, полностью взять на себя подготовку квалифицированных рабочих кадров. Раньше ведь было очень распространено внутривзаводское обучение. А сегодня с профтехобразованием – пиковая ситуация. И не надо ждать, когда государство наполнит всю систему ПТУ и техникумов современным оборудованием, подготовит преподавателей. Мы просто потеряем экономику. Не будет нормальной квалифицированной рабочей силы – не будет и роста ВВП. Да и кого мы будем завозить для работы на станках – молдаван, украинцев, турок?

В России сегодня находятся сотни тысяч вынужденных переселенцев. Это русские из Киргизии, из других стран. Телевидение иногда показывает сюжеты о том, как они живут. В каких-то бараках, сараях. Их «сбрасывают» в деревни, чтобы не мозолили глаза. Тогда как среди них много тех, кто мог бы работать. Наиболее активные, конечно, как-то вкручиваются, но остальных надо обучать, трудоустраивать. А не содержать их пожизненно. То же самое касается и офицеров запаса. Еще молодые, здоровые мужики – в 40-45 лет выходят на пенсию. Но разве на эти деньги проживешь, поставишь детей на ноги? Кем они идут работать? Охранниками, водителями, тогда как их потенциал намного выше.

Что касается участия бизнеса в «борьбе с бедностью», то сначала надо понять, что такое бедность. Это не только недостаток денег в семейном бюджете. Да, у нас 25 процентов населения имеют доходы ниже прожиточного минимума. Но есть и такие, у кого средств вроде бы и немало, однако нет доступа, например, к качественному здравоохранению. Это разве не бедность? В экономической науке существует теория, которая рассматривает бедность как лишение человека каких-то признанных прав. Допустим, он не может открыть собственное дело. Чиновники так все зарегулировали, что через бюрократические препоны не проберешься. Это тоже бедность, потому что, если у человека будет собственное дело, он сам обеспечит себя всем необходимым. А сейчас он либо сидит на шее у бюджета, либо полностью зависит от крупного предпринимателя, который может в любой момент выгнать.

Бедность многолика. И для ее преодоления нет простого решения. Да, безусловно, надо поднимать доходы населения. Для того, чтобы пенсионеры не попадали в зону бедности, базовая пенсия должна быть на уровне прожиточного минимума. Но если мы возьмем ситуацию по врачам и учителям, то на первый план выходит реформа оплаты труда в бюджетной сфере. А это – задача государства, и здесь не надо преувеличивать возможности бизнеса.

Со своей стороны бизнес должен предпринять все возможное для того, чтобы платить зарплату работникам только официально. В любой стране есть практика, когда платят наличными в конверте. Все дело в масштабе. У нас он за пределами здравого смысла. Но решать эту проблему должен не только бизнес. Вопрос «белой» и «серой» зарплаты – это вопрос цивилизованности общества. Уже сейчас работник может поставить работодателя в условия, когда тот будет вынужден честно платить ему зарплату. Да, найдутся и такие, которые начнут сопротивляться. Но в крупных компаниях, как правило, уже давно платят только «белую» зарплату.

Надо подумать и о повышении зарплаты. Хотя в этой сфере есть устойчивые предрассудки. Например, в качестве недостатка приводится следующий факт: в России оплата труда составляет всего 10 процентов себестоимости продукции, а на Западе – 40 процентов. Но эти две цифры нельзя сравнивать друг с другом. У России одна структура расходов населения, а

у той же Финляндии – другая. Например, в Финляндии и Швеции люди из своей зарплаты полностью платят за квартиру, за медицинскую страховку. Так что если из трех тысяч долларов половина останется на жизнь, и то хорошо. А у нас работодатель платит единый социальный налог, который обеспечивает людям минимальные социальные гарантии. Поэтому, если говорить о вкладе бизнеса в борьбу с бедностью, то эту тему лучше не трогать. Иначе мы скатимся к элементарным вещам, наподобие «взять, все разделить и раздать нуждающимся». Социальная ответственность бизнеса не в этом. А в том, что он должен заниматься не только экономикой, но и решением важнейших проблем общества. Но в той степени, в которой это ему самому выгодно.

* * *

Дорогу осилит идущий.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Малева Татьяна Михайловна,

к. э. н., директор Независимого института социальной политики (НИСП)

Социальная политика 1990-х: исторический экскурс

Роль человеческого фактора и социальной политики возрастает во всем мире. Возрастает также понимание и признание этого факта. Современная Россия не является исключением. Между тем, хотя эти проблемы в российском обществе в последние годы вызывают повышенный интерес, само понятие «социальная политика» по-прежнему не определено и дискуссионно. Границы возможностей и ответственности социальной политики не очерчены – ни в научном, ни в общественном, ни в политическом смыслах. Смешаны два понимания: практически у любого действия в экономической сфере есть (или могут быть) социальные последствия. Совершенно очевидно, что, например, приватизация внесла определенную лепту в процесс доходной и имущественной дифференциации общества. Однако само по себе это еще не социальное действие и не социальное реформирование. С другой стороны, есть необходимость в реформировании самих институтов социальной сферы, а у этих преобразований есть экономическая цена. Пример тому – реформы в области здравоохранения, образования, социальной защиты населения и пр. Первое и второе – не одно и то же. В общественном же сознании и часто даже в научном понимании эти процессы не разделяются, а воспринимаются синкретично. Опасность, однако, в том, что в подобной неопределенности в отношении социальной политики возникают неоправданные социальные ожидания.

В России 1990-х с точки зрения формирования социальной политики можно выделить два этапа. Первый этап, который приходится на первую половину 1990-х, в большей степени связан именно с первым обстоятельством: социальная политика в основном имела дело с последствиями экономических преобразований и выстраивала свои институты как реакцию на экономические реформы и на изменение принципов финансирования социальной сферы. Сами социальные реформы по существу стояли на месте. Могут быть разные точки зрения на социальные процессы в этот период. Был ли коридор возможностей? Очевидно, да. Очевидно, в социальной политике можно было бы пойти по иным траекториям. Но история не знает сослагательных наклонений. Ясно одно – первые кабинеты правительства действовали без оглядки на социальную сферу. Социальная сфера не представляла политической опасности, и это дало возможность для реализации целого ряда экономических реформ. Более того, эти предположения внешне оправдались. Драматическое падение уровня жизни, которое имело место в этот период для подавляющего числа россиян, рост социальной и доходной дифференциации, на которую Россия потратила всего три года в противовес, например, США, которым потребовался для такого же разрыва почти три десятилетия, развитие открытой и скрытой безработицы, разрушение прежних социальных схем в отсутствие новых и пр. – в этом контексте пророчества о социальном взрыве не выглядели фантастическими. Однако взрыва не произошло, население продемонстрировало редкую социальную толерантность, и в этом смысле нужно отдать должное интуиции власти. Между тем, за этим внешним политическим благополучием кроются драматические изменения, которые коротко можно сформулировать следующим образом: все экономические субъекты, и население в том числе, нашли свою нишу в новых институциональных координатах и выработали адаптационные схемы поведения.

На рубеже 1996–1997 гг. начался второй этап в формировании социальной политики. Отношение к ней изменилось: от деклараций о приоритете социальных проблем власти действительно обратили свой взор к социальной сфере. Что послужило причиной изменения

этого отношения? Видимо, прагматичность. К середине 1990-х годов созрело понимание, что в финансово-бюджетных терминах поддержание социальной сферы в том виде, в котором она сложилась к этому моменту, – дело дорогостоящее. Стало очевидным, что драматические демографические события, неразвитые институты социальной сферы, неблагополучные социальные процессы, особенно в сфере доходов населения, и прочие негативные факторы стали тормозом для дальнейшего экономического роста. В середине 1990-х годов по существу было очевидно лишь одно крупное экономическое достижение – достижение финансовой стабилизации. На рубеже 1995-1996 гг. удалось преодолеть гиперинфляцию, однако финансовая стабильность – еще не гарантия экономического роста, а лишь ее предпосылка. Нужны были новые идеи и источники экономического роста. Стало ясно, что многие из этих источников кроются именно в социальной сфере. Такие социальные реформы, как новое трудовое законодательство, пенсионная реформа, развитие страховых институтов в здравоохранении, реформа образования и пр., по своему внутреннему содержанию представляют собой крупнейшие институциональные реформы.

Социальная политика любого государства должна опираться на более или менее точное представление о социальной структуре общества, на поддержку и развитие которого она направлена. Только в этом случае можно попытаться оценить ее итоги и перспективы.

Так как же выглядит социальная пирамида российского общества спустя 13 лет после начала институциональных и экономических реформ? За этот период были осуществлены крупнейшие преобразования, изменившие всю архитектуру российской экономики и российского общества. Однако вновь и вновь задаются вопросы: каковы результаты реформ? каковы их уроки? каковы их перспективы?

В поисках среднего класса...

К числу остро дискуссионных вопросов относится и проблема среднего класса в современной России. Оно и неудивительно. Факт формирования среднего класса можно было бы рассматривать в качестве важного свидетельства и даже критерия эффективности реформ, который свидетельствует о прочности всей системы экономических, социальных и политических институтов. И наоборот, отсутствие среднего класса можно было бы воспринимать как символ неудачи социально-экономических преобразований в России. Именно в силу политического характера проблема среднего класса окутана густой оболочкой предрассудков и мифов.

До сих пор предпринимаются попытки опровергнуть существование среднего класса в России. Есть и попытки постановки «русской пьесы в голливудских декорациях» – желание найти в российских реалиях социальные группы, которые как братья-близнецы похожи на западноевропейский или американский средний класс. Продолжающаяся в академических кругах теоретическая дискуссия о сущности среднего класса в трансформирующемся обществе не в состоянии дать ответа на вопрос о том, насколько успешно происходит (и происходит ли вообще) формирование среднего класса в современной России. Сейчас слово – за эмпирическими исследованиями.

Несколько месяцев назад вышла в свет коллективная монография «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии»¹. Книга базируется на масштабном репрезентативном социологическом обследовании населения, охватившем 5 тыс. российских домохозяйств, которые представляют 12 регионов России. Благодаря этому исследованию

¹ Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Авторский коллектив: Аврамова Е. М., Малева Т. М. (руководитель), Михайлюк М. В., Ниворожкина Л. И., Овсянников А. А., Овчарова Л. Н., Радаев В. В., Рощина Я. М., Сурков С. В., Фирсова Н. Ю. Московский центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002.

сегодня удалось познать некоторые тайны и, хотя бы отчасти, развеять тот туман, которым сопровождается общественная дискуссия вокруг проблемы российского среднего класса.

Как определить, что такое «средний класс»? Если мы спросим об этом экономиста, он даст определение в терминах дохода или, в лучшем случае, в терминах материальных активов. Социологи разделятся на две группы. Первые назовут средним классом людей с относительно высоким уровнем образования и должностным положением. Другие на первый план выдвигают критерий самоощущений, так называемую социальную самоидентификацию. Кто же из них прав?

Наверное, в эволюционно развивавшихся рыночных экономиках такой проблемы либо не существует, либо она не имеет подобной остроты. Все перечисленные критерии обладают высокой консистентностью: люди с высшим образованием обладают высокой конкурентностью на рынке труда и в других экономических сферах, имеют высокий доход (неважно – трудовой или предпринимательский) и, как результат, высоко оценивают свой статус в обществе. В конечном итоге все сходится на одних и тех же социальных группах, и столь сложная методологическая задача, как та, которая стоит перед нами, решается относительно легко. Не случайно преобладающим подходом в современной западной науке является доходная стратификация, построенная на вычленении групп населения по уровню материальных активов. Между тем, в современной России эта проблема существует. Неудивительно, что представления о границах и составе этого слоя существенно варьируются, и различные исследователи оценивают их на уровне от 15 до 60-70% населения страны. И проблема вовсе не в том, что они используют различные эмпирические базы, иногда сомнительные, как было уже упомянуто выше. Глубинная причина – в том, что все исследователи вкладывают различный смысл и пользуются различными определениями среднего класса. Не будем спорить – данный феномен многогранен, противоречив и сложен, как и судьба самого термина «средний класс». Есть все основания согласиться и с первым, и со вторым, и с третьим. А вывод прост: средние классы не могут быть описаны одним интегральным критериальным признаком. Средние классы – социальная совокупность, характеризующаяся цепочкой признаков, к которым относятся: *материальные ресурсные признаки* – уровень доходов (расходов, потребления); объем накопленных сбережений; уровень имущественной обеспеченности; *нематериальные ресурсные признаки* – уровень образования, профессионально-квалификационная позиция, должностная позиция; *признаки социального самочувствия (самоидентификация)* – стратегии успешного экономического поведения; самооценки успешности адаптации к новым экономическим условиям; самооценки комфорта нынешней жизни и пр.

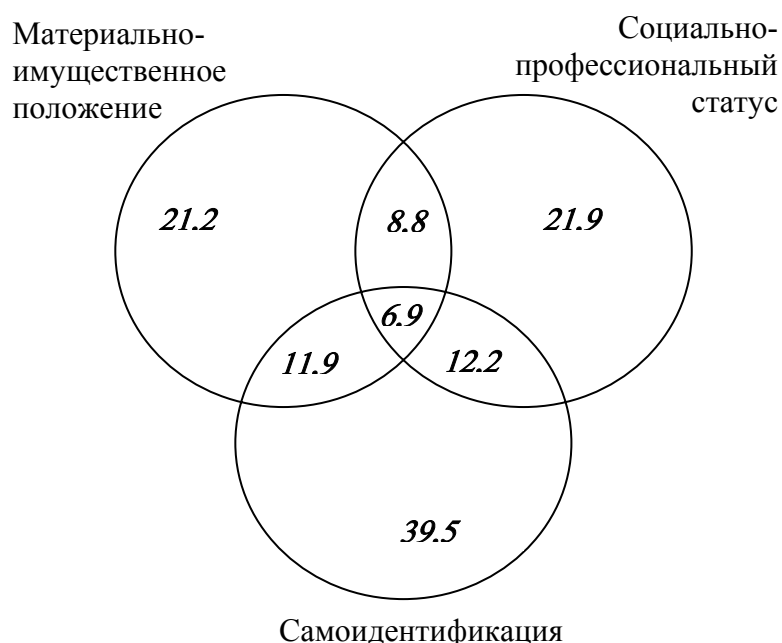
Как показало исследование, с точки зрения социально-профессиональных позиций к среднему классу относятся 21,9% домохозяйств, по материальному положению – 21,2%, а по самоидентификационным оценкам – 39,5%.

Но что же в итоге? Какой же из этих классов можно назвать средним классом? Все три? Или только один? Какой из критериев имеет приоритетное значение? А может быть, это одни и те же домохозяйства и люди, которые одновременно обладают необходимым набором профессиональных характеристик, относительно материально обеспечены и чувствуют себя в социальном пространстве, как подобает представителям среднего класса? Если в отношении первых двух параметров подобная гипотеза является допустимой (бросается в глаза подозрительное совпадение количественных оценок – 21,9% и 21,2%), то их значительный разрыв с показателями самоидентификации, согласно которым к среднему классу относится почти 40% домохозяйств, сразу же заставляет отнестись к ней с большим сомнением. Логично допустить, что часть домохозяйств, действительно, является счастливым обладателем всех перечисленных характеристик, другая – только какими-либо двумя, а третьи являются носителем лишь одного из критериальных параметров. Кто же из них представляет собой «настоящий» средний класс?

На пересечении этих признаков находится около 7% российских домохозяйств, то есть семьи, обладающие всеми базовыми характеристиками среднего класса. Это бесспорный и наиболее стабильный средний класс, так называемое «ядро средних классов».

Вместе с тем группа домохозяйств, обладающих только двумя характеристиками, настолько близка к средним классам, что нельзя не принимать их во внимание, особенно, если мы хотим не только зафиксировать масштаб сегодняшнего среднего класса, но и попытаться понять, каковы перспективы его расширения, при каких условиях в него могут влиться новые социальные слои и какие именно из этих социальных слоев имеют наилучшие шансы. Двумя (любыми) признаками среднего класса обладают 12% российских семей. В результате обобщенный средний класс можно оценить в 19% от общего числа семей (см. рис. 1).

Рис. 1. Средние классы – эмпирическая структура, %

Много или мало?

Итак, средние классы составляют около 20%. Много это или мало – зависит от угла зрения. В любом случае эти результаты опровергают тезис «В России средних классов нет», как, впрочем, и антитезис «Подавляющее большинство россиян – средний класс».

20-процентная доля средних классов, хотя и уступает аналогичным оценкам размеров средних классов в развитых рыночных экономиках (60-70%), все же, на наш взгляд, достаточно весома, чтобы не замечать факт существования средних классов в современной России.

С другой стороны, тот факт, что лишь немногим более 50% российских домохозяйств обладают базовыми характеристиками, присущими среднему классу, не дает оснований и для излишнего оптимизма. Ведь по существу полученная конфигурация средних классов означает следующее. Общепринятой или, по меньшей мере, доминирующей, является точка зрения о том, что причиной резкого сокращения численности среднего класса в России стало драматическое падение доходов и качества жизни населения, которое привнесли экономические реформы начала 1990-х годов. Подтверждая действительно существенную

дефицитность этого ресурса, все же обратим внимание на то, что это отнюдь не единственная причина. Не менее значимым является факт, что социально-профессиональные параметры среднего класса отнюдь не так распространены, как следует из часто повторяемого утверждения, что Россия – страна с высокообразованным населением. Дефицитны оказались и наличие высшего образования, и, по-видимому, его качество, раз оно не дает возможностей найти высокооплачиваемую и престижную работу. В частности, весомая группа домохозяйств (21%) с довольно благополучным материальным положением и высокими самоидентификационными характеристиками тем не менее не может войти в обобщенный средний класс по той причине, что профессиональный статус его членов не просто не отвечает уровню, присущему средним классам, но оценивается как низший. И этот сегмент значительно больше, чем «потери», вызванные недостаточностью других критериальных признаков – материального положения (7,1%) и самоидентификации (3,3%).

Подтверждается, пожалуй, лишь социальный феномен, и ранее отмечавшийся российскими социологами: «субъективный» средний класс значительно превышает масштабы среднего класса «объективного», измеряемого уровнем благосостояния и социально-профессиональными характеристиками.

По-видимому, 50% – это максимальная оценка потенциала среднего класса в обозримой перспективе при условии успешного социально-экономического развития страны. Именно эти социальные группы, относящиеся сегодня к средним классам лишь частично, не утратили шансов на перемещение в ядро средних классов и превращение в полноценный стабильный и уверенный средний класс.

Эмпирические измерения дают основания для большого числа нетривиальных заключений.

- Лишь немногим более трети домохозяйств (8,8% из 21,9%), обладающих набором признаков среднего класса с профессионально-социальной точки зрения, имеют удовлетворительное материальное положение. В упрощенных терминах это означает, что лишь треть образованных научилась зарабатывать.
- С другой стороны, не более трети российских семей с достатком (8,8% из 21,2%) имеют достаточно сильные профессиональные позиции. Опять же упрощая, можно сказать, что только треть умеющих зарабатывать, достаточно образованы.
- Чуть более половины среднеобеспеченных семей (11,9% из 21,2%) относят себя к средним классам. Таким образом, материальный достаток далеко не для всех является гарантией высокой социальной самооценки.
- Меньше трети семей (11,9% из 39,5%), субъективно относящих себя к средним классам, имеют на то объективные основания, если судить по уровню их материального положения. Иначе говоря, субъективный средний класс значительно шире среднеобеспеченных групп населения.
- Также немногим более половины домохозяйств (12,2% из 21,9%) с социально-профессиональными характеристиками, присущими среднему классу, уверенно относят себя к таковому. Тем самым, образование и профессия не всегда являются основанием для высокой самооценки.
- Меньше трети «субъективных» средних классов (12,2% из 39,5%) объективно таковыми являются с социально-профессиональных позиций. Другими словами, субъективный средний класс существенно превосходит по размеру социально-профессиональный средний класс.

Все это вместе говорит о высокой неконсистентности критериев, по которым идентифицируются российские средние классы, что в свою очередь, свидетельствует о крайней незрелости социально-экономической структуры как самих средних классов, так и общества в целом. Действительно, общество, где лишь треть образованных научилась

зарабатывать и, наоборот, только треть умеющих зарабатывать достаточно образованы, далеко отстоит от идеалов стабильного и экономически эффективного социума, где наличие высшего образования служит достаточно прочной гарантией занятости и относительно высоких доходов, что, в свою очередь, автоматически ведет к высокой самооценке своего социального положения. Ярко выраженная рассогласованность, «размытость» и разнонаправленность базовых социально-экономических характеристик среднего класса, которые в идеале должны были действовать одновременно и в этом случае выступали бы гарантией формирования не только массового, но и стабильного среднего класса, – вот, пожалуй, главный вывод, который следует из эмпирических измерений средних классов в России.

Средние классы и другие... (эскиз российской социальной пирамиды)

Итак, средние классы в России, хотя и невелики по своему размеру, все же существуют. Проблема, однако, не исчерпывается констатацией этого факта. Гораздо более важным является вопрос о том, каково социальное окружение средних классов? Какие социальные слои (классы, группы) имеют шансы на приближение или вхождение в средние классы? И кто, наоборот, является аутсайдером? Наконец, эти слои необходимо выделить, чтобы ответить на вопрос, чем же принципиально отличаются средние классы от остальных.

Низшие слои составляют немногим более 10% от числа российских домохозяйств. С точки зрения материального положения эти семьи находятся за чертой бедности. Взрослые члены этих семей не обладают высшим образованием, тем самым, мало конкурентоспособны на рынке труда или же обречены на занятость на низкооплачиваемых и непрестижных рабочих местах. Наконец, они не испытывают иллюзий по поводу своего социального положения, относя себя к низшим слоям общества.

В отношении же прочих диагнозов неочевиден. Очевидно только то, что между средними классами и низшими слоями находится группа, занимающая промежуточное социальное положение, которую можно описать формулой «уже не низшие, еще не средние»². И их в России подавляющее большинство – 70% от общего числа российских домохозяйств (см. рис. 2). Эта часть населения обладает некоторыми социальными и экономическими ресурсами и, следовательно, шансами на перемещение в ядро среднего класса. Сегодняшние исследования показывают, что из 70% российских домохозяйств из этой группы у 33% этих шансов больше, у 37% – меньше (см. рис. 3).

Таким образом в общих чертах российская социальная структура сложилась на рубеже 1990–2000 гг., т.е. на этапе смены двух экономических стадий и перехода от экономического падения к этапу экономического роста³.

Динамика доходов населения на этапе экономического роста: политические альтернативы

Хотя упомянутое исследование ставит под сомнение общепринятую точку зрения, согласно которой единственной причиной неразвитости российского среднего класса является низкий уровень доходов населения, все же этот фактор заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. Ведь общественная рефлексия и социальная напряженность по этому поводу не спадает на протяжении десятилетия.

² В терминах западной методологии эту группу уместно назвать *lower middle*.

³ Напомним, что обследование населения, по результатам которого выстроена стратификационная структура, проводилось в ноябре-декабре 2000 г.

Рис. 2. Укрупненные социальные страты в современной России

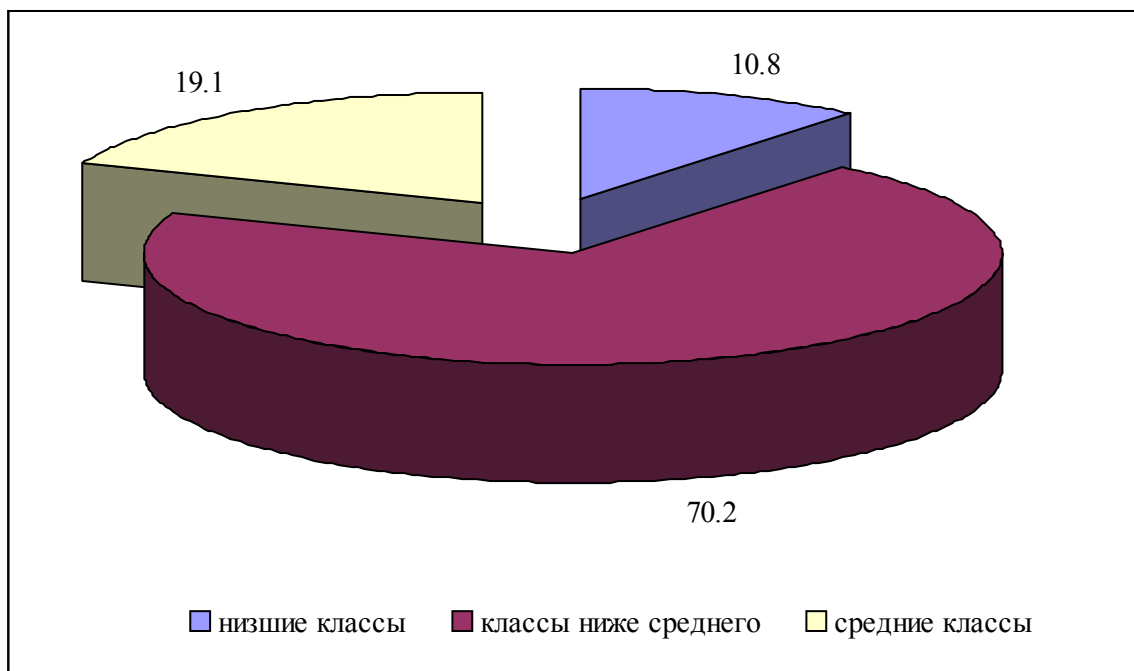
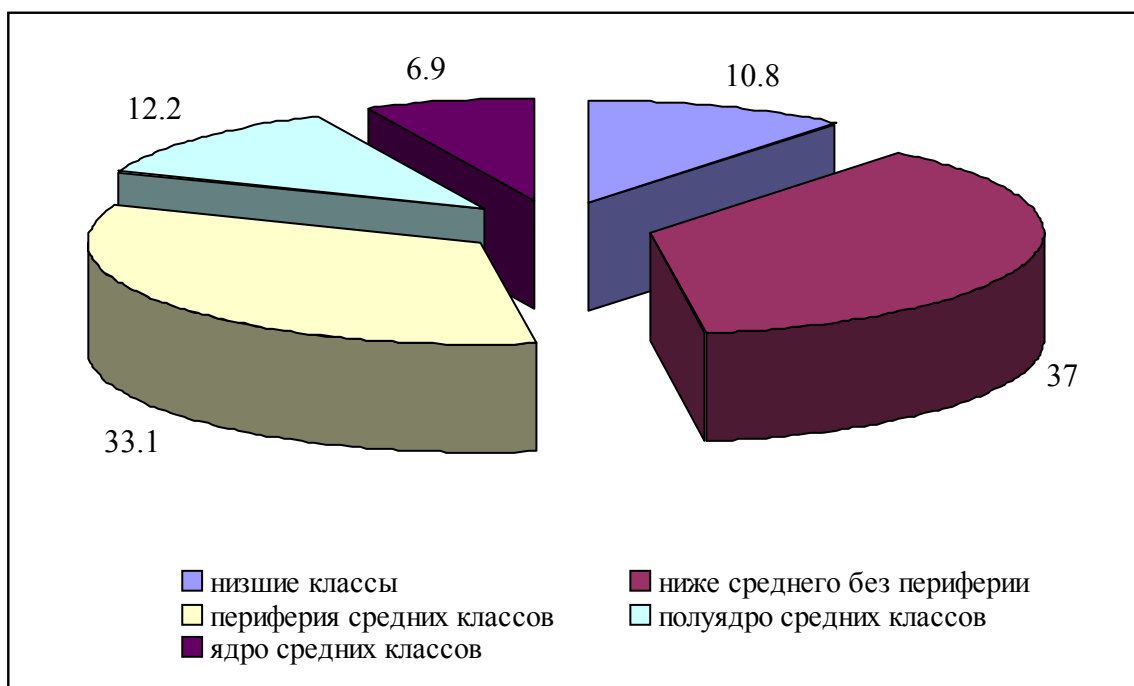

Рис. 3. Детализированные социальные слои, % от общего числа домохозяйств

Является ли экономический рост гарантией роста доходов населения? Утвердительный ответ на этот вопрос обычно воспринимается как само собой разумеющееся, и результаты последних лет, казалось бы, дают дополнительный аргумент в его пользу. Действительно, экономические и социальные итоги 2000–2003 гг. могли бы внушать оптимизм (см. табл. 1). На фоне относительно высоких темпов экономического роста динамика реальных доходов населения оказалась еще более внушительной и, например, по предварительным итогам 2003 г. составила 114,5% по сравнению с предшествующим годом. В этом отношении последние четыре года – пример сочетания двух подходов: с одной стороны, положительная экономическая динамика привела к оживлению в ряде экономических

секторов и, как следствие, к росту оплаты труда и доходов занятых в них работников; с другой стороны, рост доходов государственного бюджета, расширение налоговой базы, улучшение налоговой дисциплины позволили правительству осуществить ряд социальных мероприятий, а именно: индексацию минимального размера пенсий и минимальной оплаты труда в бюджетной сфере экономики.

Между тем, положительный тренд доходных индикаторов в 2000–2003 гг. нельзя трактовать однозначно. Во-первых, как показывают расчеты (см. Таблица 1,

Рисунок 4), в 2002 г. произошло лишь восстановление докризисного (1998 г.) уровня реальных доходов населения. В этом смысле реальная положительная динамика доходов имела место лишь в течение 2003 г. Во-вторых, с точки зрения доходов население – не единый агрегат. И в контексте выделенных выше страт – низшие, средние, ниже среднего – динамика доходов и ее перспективы выглядят несколько иначе.

Материальное положение первой группы (низших и бедных) в значительной мере зависят от усилий правительства и социальных программ. В большинстве своем эти люди относятся к традиционно бедным категориям (пенсионеры, безработные, многодетные семьи, инвалиды и пр.), материальное положение которых в основном определяется мощностью государственных финансов и системы социальной защиты. В то же время существует относительно новая категория бедных – так называемые «работающие бедные», занятые главным образом в бюджетных секторах экономики, а также в депрессивных отраслях с абсолютно низким уровнем заработной платы, которая даже если и превышает прожиточный минимум, то никак не покрывает даже витальные потребности семьи. Рост доходов данной социальной группы – результат прямого государственного регулирования, осуществляемого посредством механизма индексаций минимальных пенсий, оплаты труда и размера пособий.

Рисунок 4. Уровень среднестатистических денежных доходов населения, заработной платы и пенсий к уровню 1997 г. (1997 г.=100%)

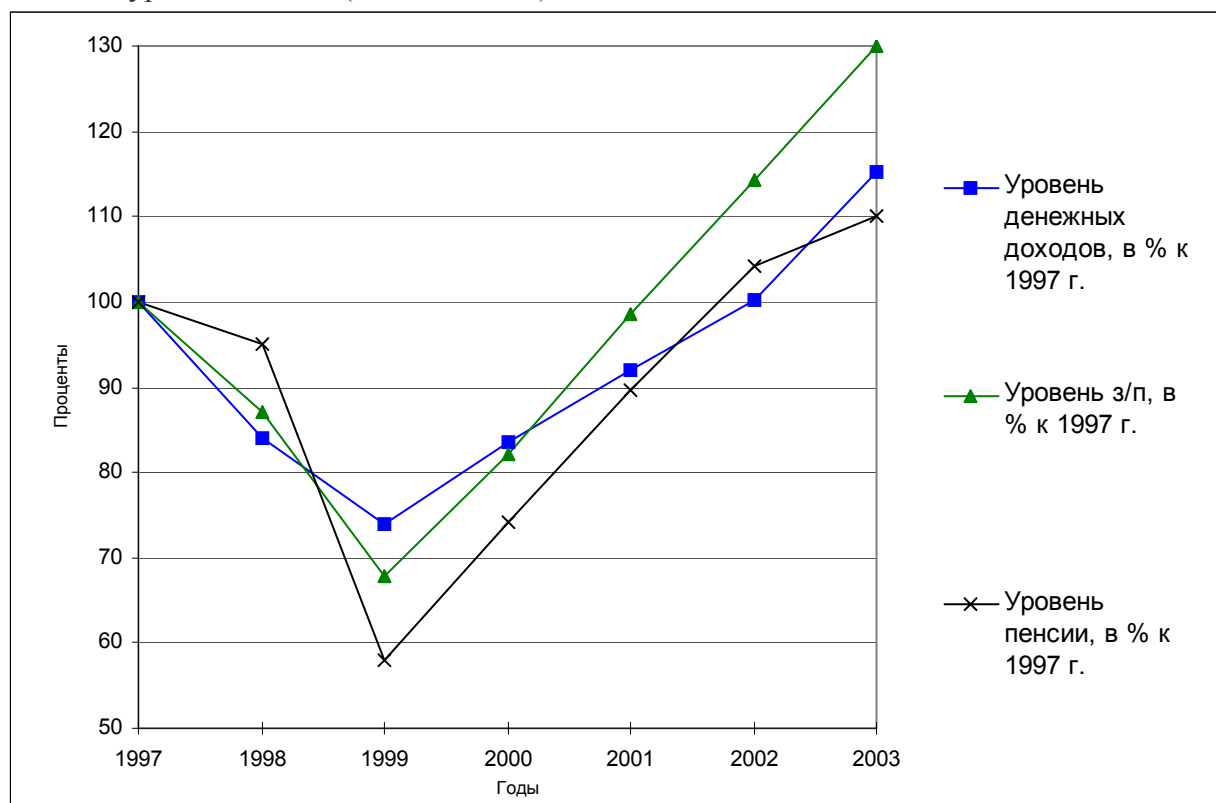

Таблица 1. Основные индикаторы уровня и динамики доходов населения в 1992–2003 гг.*

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Среднедушевые денежные доходы населения в ценах 2001 г., руб./мес.	2825,2	3277,2	3703,2	3110,7	3141,8	3330,3	2797,5	2461,8	2781,8	3060,0	3335,4	3819,0
Динамика реальных денежных доходов населения, в процентах к предыдущему году	52	116	113	84	101	106	84	88	113	110	109	114,5
Уровень денежных доходов к 1997 г. (1997 г. – 100%)	84,8	98,4	111,2	93,4	94,3	100,0	84,0	73,9	83,5	91,9	100,2	114,7
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в ценах 2001 г., руб.	4442,9	4460,7	4103,8	2954,8	3132,1	3288,7	2861,1	2231,7	2700,3	3240,4	3758,9	4149,8
Динамика средней начисленной заработной платы в процентах к предыдущему году	67	100,4	92	72	106	105	87	78	121	120	116	110,4
Уровень заработной платы к 1997 г. (1997 г. – 100%)	135,1	135,6	124,8	89,8	95,2	100,0	87,0	67,9	82,1	98,5	114,3	126,2
Размер средней месячной пенсии в ценах 2001 г., руб.	1070,6	1402,4	1360,4	1101,9	1201,1	1141,0	1084,0	661,2	846,4	1024,1	1188,0	1255,7
Динамика средней начисленной месячной пенсии в процентах к предыдущему году	52	131	97	81	109	95	95	61	128	121	116	105,7
Уровень пенсии к 1997 г. (1997 г. – 100%)	93,8	122,9	119,2	96,6	105,3	100,0	95,0	58,0	74,2	89,8	104,1	110,0
Минимальный месячный размер оплаты труда (на 1 января)	0,2	0,9	14,6	20,5	63,3	83,5	83,5	83,5	83,5	200,0	300,0	450,0
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, %, (до 1996 г. в разгах)	26,1	9,4	3,2	2,3	121,8	111,0	184,4	136,5	120,2	118,6	115,1	112,0
ВВП в сопоставимых ценах, % к предыдущему году	85,5	91,3	87,3	95,9	96,6	100,9	95,1	105,4	109,0	105,0	104,3	106,7

* – доходы/зарплаты/пенсии представлены с учетом деноминации 1998 г.;

– в 2003 г. средний размер назначенных пенсий дан за октябрь 2003, динамика – октябрь 2003 к октябрю 2002;

– величина прожиточного минимума в 2003 г. дана за 3-й квартал;

– МРОТ в 1992 г. дан за декабрь 1991 г.; в 1993 г. за декабрь 1992;

– МРОТ с 1 октября 2003 г. составляет 600 руб./мес.;

– минимальный размер средней месячной пенсии в 1992–2001 годах дан как средневзвешенный за год;

– темпы роста ВВП в 2003 г.: январь–сентябрь 2003 г. к январю–сентябрю 2002 г.

Таблица 2. Индикаторы доходной дифференциации в 1992-2003 г.*

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Коэффициент Джини	0,289	0,398	0,409	0,381	0,387	0,401	0,399	0,4	0,399	0,396	0,398	0,402
Коэффициент фондов	8	11,2	15,1	13,5	13	13,5	13,8	14	13,8	13,8	14	14,4
Уровень бедности	33,5	31,5	22,4	24,7	22	20,7	23,3	28,4	29,1	27,6	25	21,9
Квинтильные распределения доходов												
1-ая группа (с наименьшими доходами)	6	5,8	5,3	5,5	6,2	5,9	6	6,1	6	5,9	5,6	5,6
2-ая группа	11,6	11,1	10,2	10,2	10,7	10,2	10,4	10,4	10,4	10,4	10,4	10,3
3-я группа	17,6	16,7	15,2	15	15,1	14,8	14,8	14,7	14,8	15	15,4	15,3
4-ая группа	26,5	24,8	23	22,4	21,6	21,6	21,2	20,9	21,2	21,7	22,8	22,7
5-ая группа (с наибольшими доходами)	38,3	41,6	46,3	46,9	46,4	47,5	47,6	47,9	47,6	47	45,8	46,1

* – уровень бедности в 2003 г. дан за 3-й квартал;
 – коэффициент Джини, коэффициент фондов и распределение денежных доходов по 20-ти процентным группам даны за период январь–сентябрь 2003 г.

Средние классы в своей массе включены в относительно эффективные экономические сектора. Это работники, занятые в основном в так называемом вторичном экономическом секторе – в организациях и компаниях, занимающихся внешнеэкономическими операциями, общей коммерческой деятельностью по обеспечению функционирования рынка, в банковской сфере, в области финансов, кредита и страхования. Лидеры по уровню заработной платы в реальном экономическом секторе – отрасли топливно-энергетического комплекса (главным образом, разумеется, нефтедобывающая и газовая промышленность), цветная металлургия, строительство и транспорт. Именно эти сектора ощутили реальные результаты экономического роста и отреагировали, в частности, повышением доходов и оплаты своих работников. Другими словами, экономическое оживление – явление не тотальное, а локальное, и фокусируется в отдельно взятых секторах, отраслях, регионах. Речь, следовательно, идет о том, что экономический рост прямо коснулся только этого сегмента рынка вообще и рынка труда в частности.

Об этом свидетельствуют, в частности, индикаторы доходной дифференциации (см. табл. 2). Именно в 2003 г. – первом году реального роста доходов населения – произошло заметное сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (с 25% в 2002 г. до 21,9% в 2003 г.), но одновременно индикаторы доходного неравенства приблизились к уровням неблагополучных 1997–1999 гг., когда они достигали максимального значения: индекс Джини составил 0,402 и практически совпал со значением 0,401 в 1997 г., а фондовое соотношение составило 14,4 раз, что даже превышает наибольшую отметку 14 раз, достигнутой в 1999 г.

Что же касается наиболее проблемной социальной страты (70-процентной группы «ниже среднего»), то она оказывается вне зон действия обоих механизмов повышения доходов – экономического и социального. До этой группы импульсы, исходящие и от положительной экономической динамики, и от государственной политики регулирования доходов населения, либо не доходят вообще, либо доходят в ослабленном и усеченном виде⁴.

⁴ Строго говоря, деление населения на квинтильные (20-процентные) группы (см. табл. 2) не вполне совпадает с использованной выше методологией социальной стратификации, в основу которой наряду с уровнем доходов положен целый набор других факторов, причем характеризующих не только материальные активы, но и нематериальные ресурсные характеристики – уровень образования, положение на рынке труда, социальный статус. Однако на эмпирическом уровне

Следовательно, каждая политическая парадигма «работает» лишь на своем полюсном участке: политика прямого регулирования доходов достигает некоторого результата в зоне бедности, экономический рост способствует укреплению материального положения наиболее обеспеченных доходных групп. «Середина» оказывается наиболее уязвимым звеном и превращается в самую проблемную зону.

А это, в свою очередь, означает, что экономический рост отнюдь не автоматически решает проблему роста доходов населения и что возможности прямого регулирования доходов в действующей парадигме небезграничны. Сохранение этой парадигмы означает в лучшем случае стабилизацию ситуации в области доходов, но не сулит существенного улучшения материально-экономического положения основной массы российского населения. Это, в свою очередь, означает опасность консервации существующей социальной пирамиды.

1. Средние классы как наиболее успешная социальная группа получают возможность укреплять свое социально-экономическое положение и наращивать доходы, но не будут расти в количественном выражении;
2. Зона бедности будет иметь слабую тенденцию к сокращению, но, по-видимому, сохранит свои значительные масштабы;
3. Группа «ниже среднего» по-прежнему останется базовой социальной группой без четко очерченных перспектив вертикальной мобильности и выраженными рисками перемещения в зону бедности в случае негативных изменениях общей экономической конъюнктуры.

Проблема роста доходов населения – проблема не регулирования оплаты труда и социальной поддержки населения, как это традиционно понимается правительственными программами. В первую очередь это вопрос структурных и институциональных реформ. Проблема «работающих бедных», абсолютное большинство которых заняты в бюджетном секторе экономики и входят в состав слоя «ниже среднего», позиционируясь в нижних его сегментах, не может быть решена скромной индексацией оплаты труда бюджетников. Предельно ясно, что такое регулирование оплаты в лучшем случае не позволит этой социальной группе «свалиться» в зону открытой бедности, но отнюдь не решит проблемы достойного существования. Кардинальное решение проблемы – в реформе самого бюджетного сектора. Не будет также преувеличением утверждение, что Россия по-прежнему игнорирует существование такого огромного резерва, как развитие малого бизнеса. Несмотря на неоднократные декларации по поводу стимулирования этого процесса, роль малого бизнеса в экономике страны прискорбно низка. Доля мелких предпринимателей вплоть до настоящего времени не превышает 2–3% экономически активного населения. Как показывают социологические исследования, дело отнюдь не в ослабленном предпринимательском духе российских граждан и даже не в отсутствии инвестиций. Среди основных причин – сохранение большого числа административных барьеров, значительные транзакционные издержки, связанные с регистрацией юридических лиц, лицензированием деятельности, обязательной сертификацией товаров и услуг и пр., а также политические риски. Между тем, малый бизнес – это не только оживление целого ряда экономических секторов и не только развитие рыночной конкуренции. Это создание новых рабочих мест в количестве, которое несоизмеримо с беспомощными попытками искусственного конструирования рабочих мест на действующих предприятиях или столь же непродуктивными действиями по сохранению уже существующих, но неэффективных рабочих мест. Это – не зависящий от

высшая 20-процентная доходная группа на 70% совпадает с обобщенным средним классом, а низшие классы полностью входят в состав нижней 20-процентной группы. Следовательно, несмотря на отмеченные методические различия общие выводы относительно неоднородной динамики доходов населения сохраняют силу.

«нефтедолларов» рост доходов включенных в малый бизнес работников. Это реальный путь повышения экономической активности и материальной состоятельности российского населения.

Без такого рода преобразований социальная пирамида, в которой абсолютное большинство населения находится «между молотом и наковальней», не имея реальных экономических инструментов и надежных социальных гарантий, сохранится на долгие годы.

ВЛИЯНИЕ ЛОКАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА НА ФОРМИРОВАНИЕ СПРОСА НА ТРУД В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Шахнович Р. М., Юдашкина Г. В.
(Новосибирск)

На основе использования динамической модели спроса на труд на материалах промышленных предприятий Новосибирской области показаны изменения, происходящие в формировании спроса на труд в ходе экономических преобразований при переходе экономики от спада к росту. Дана оценка факторов, влияющих на спрос на труд, выявлены господствующие типы спроса на труд и особенности их проявления в различных группах локальных рынков труда.

В условиях начавшегося в России экономического роста проблема новых отношений, складывающихся на рынке труда, является одной из основных проблем, нуждающихся в изучении и привлекающих внимание исследователей. Однако в большинстве случаев основное внимание уделяется анализу факторов, влияющих на предложение труда, в то время как вопросы формирования спроса на труд остаются изученными недостаточно.

Другая не менее важная проблема состоит в том, что в условиях современной России рабочая сила характеризуется невысокой мобильностью (как меж-, так и внутрирегиональной), рынки труда локализованы, и поэтому между локальными рынками труда даже в пределах одного региона существуют значительные различия, прежде всего в уровне безработицы¹.

При проведении настоящего исследования ставилась задача получить ответы на два основных вопроса:

- какие изменения произошли в характере спроса на труд в период экономического роста по сравнению с предшествующим периодом (периодом рецессии);
- какое влияние на формирование спроса на труд оказывают отличительные особенности локальных рынков труда: уровень локальной безработицы и обособленность рынка (отдаленность данного населенного пункта от других населенных пунктов как возможных мест приложения труда).

При этом важно выявить, происходит ли жесткая сегментация («балканизация» [balkanization]²) локальных рынков труда, превращающая единый рынок в группу слабо связанных между собой «субрынков», и если да, насколько устойчивой она является.

Вместе с тем контролируются и другие факторы, которые могут влиять на спрос на труд. Прежде всего, это характеристики конкретного предприятия: размер, отраслевая принадлежность, структура уставного капитала, активность профсоюзной организации, наличие финансовой поддержки со стороны государства и т.п. Все это может оказывать

¹ В недавнем исследовании, посвященном региональным рынкам труда Бельгии [Estevão 2002], отмечается устойчивое различие в уровнях безработицы между провинциями Бельгии – небольшой страны с высокоразвитой транспортной инфраструктурой. Эти различия должны быть не менее устойчивы и в Новосибирской области, которая почти в шесть раз больше Бельгии по территории и имеет значительно менее развитую транспортную сеть.

² Kaufman and Hotchkiss 2003.

влияние на индивидуальный спрос на труд, предъявляемый предприятием, и, в конечном счете, на совокупный спрос на труд.

В анализе используется динамическая модель спроса на труд, позволяющая выявить изменения спроса на труд и его тип, который зависит от того, как предприятие меняет количество работников, реагируя на изменения заработной платы.

Теоретическая основа и методология исследования

История концептуального подхода к спросу на труд как динамическому процессу насчитывает уже несколько десятилетий. Первые работы, связанные с этой проблемой, относятся к 1960-м годам³, но наиболее активно исследования начали развиваться с конца 1970-х годов. Здесь следует выделить две статьи⁴, которые оказали существенное влияние на последующие работы. В первой из них были заложены основы анализа изменения уровня заработной платы в зависимости от колебаний объема производства и занятости в рамках переговорной модели. Во второй сделаны наиболее общие выводы из функции минимизации издержек при условии рациональных ожиданий для репрезентативной фирмы и предложена необходимая для анализа эконометрическая методология. После этого, начиная с середины 1980-х годов, стало появляться все больше работ, анализирующих спрос на труд на уровне фирмы, в том числе с использованием панельных данных⁵. Одновременно в рамках теории поведения профсоюзов [economics of the trade union] развиваются исследования формирования уровней заработной платы и занятости с точки зрения различных типов переговорных моделей⁶.

В 1990-е годы появились работы, посвященные анализу спроса на труд на микроуровне в странах с переходной экономикой: сначала в Югославии (анализировалось поведение «самоуправляемых» фирм)⁷, а затем и других странах: Венгрии, Чехии, Словакии, Польше, России⁸. Среди работ российских авторов можно выделить исследования С. Аукуционека и Р. Капелюшников⁹, однако их методология изучения поведения предприятий основывается на данных систематических опросов и интервью с руководителями.

Настоящее исследование, используя основные идеи динамической модели спроса на труд и переговорных моделей, дополняет и развивает вышеупомянутые работы, а также предшествующие работы авторов¹⁰. Оно охватывает период экономического роста российской экономики, что позволяет выявить изменения, происшедшие в последние годы. При этом решается задача не только определения типа спроса на труд со стороны предприятия, но и выявления его связи с локальным уровнем безработицы и местоположением муниципального образования, на территории которого расположено предприятие.

При проведении исследования мы исходили из следующих общетеоретических предпосылок: спрос на труд со стороны предприятия формируется в результате

³ См.: Brown and de Cani 1963.

⁴ См.: McDonald and Solow 1981; Nickell 1984.

⁵ См.: Hamermesh 1986; Brown and Ashenfelter 1986; Nickell 1986; Blanchflower et al. 1990; Machin et al. 1993.

⁶ См.: Eberts and Stone 1986; Farber 1986; Creedy and McDonald 1991; Booth 1995.

⁷ См.: Estrin and Svejnar 1993; Prasnikar et al. 1994.

⁸ См.: Basu et al. 1997; Singer 1996; Commander et al. 1995a, 1995b, 1996.

⁹ См.: Аукуционек 1994, 1997; Аукуционек и Капелюшников 1996; Капелюшников 2001.

¹⁰ См.: Шахнович, Юдашкина, Обозный 1999; Shakhnovich, Yudashkina 2000, 2001.

столкновения интересов фирмы (которые заключаются в извлечении прибыли (дохода), и работников (высокая заработная плата и сохранение занятости) при существенном воздействии государства на этот процесс; интересы фирмы выражают менеджеры, а интересы работников – профсоюзы и другие объединения рабочих.

Традиционный подход к анализу взаимоотношений фирмы и профсоюзов в рыночной экономике предполагает, что профсоюзы обладают некоторой монопольной властью на рынке труда, а фирма – некоторой рыночной властью на рынке производимого ею продукта. Это означает, что фирма объективно имеет возможность получать некоторую положительную экономическую прибыль (ренту), за распределение которой и идет борьба. При отсутствии такой власти считается, что любые попытки увеличить зарплату или занятость при конкурентной заработной плате приведут к банкротству фирмы. Вместе с тем предполагается, что стороны, участвуя в переговорном процессе, учитывают интересы друг друга и приходят к какому-то согласию (точке контракта), в противном случае был бы невозможен сам процесс производства.

В условиях переходной экономики России такой подход к описанию переговорного процесса при формировании спроса на труд нуждается в некоторой корректировке. Объектом перераспределения является добавленная стоимость, включающая бухгалтерскую прибыль, создаваемую данной фирмой (а при мягких бюджетных ограничениях и другими фирмами), что находит отражение в прямом или скрытом субсидировании отдельных фирм со стороны государства.

Что касается менеджеров, то целью любого из них является максимум дохода и успешная карьера. Однако достижение этой цели ограничено приоритетами собственников предприятия. Максимизация прибыли совпадает с целями собственников-аутсайдеров и дает менеджерам их поддержку. Однако при существенной доле в капитале фирмы собственников-инсайдеров целью менеджеров может стать и заработная плата, поскольку она является основным источником дохода данной группы собственников, а также занятость, если собственники-инсайдеры составляют значительную часть работников предприятия.

Для менеджеров старшего поколения стремление к сохранению занятости связано также и с некоторыми патерналистскими тенденциями и статусными моментами, поскольку численность работников предприятия во многом определяла статус его руководителя.

Цели государства (государственных чиновников) с формальной точки зрения заключаются в поддержании занятости и обеспечении достаточной прибыли, которая является налогооблагаемой базой для финансирования бюджетных расходов. Однако в переходной экономике государство, в целях снижения социальной напряженности в регионе, часто стремится обеспечить занятость, жертвуя при этом прибылью.

В качестве абстрактной исходной точки для классификации возможных вариантов формирования спроса на труд со стороны фирмы рассматривается точка равновесия краткосрочного спроса на труд в условиях конкурентного рынка труда, когда соблюдается равенство заработной платы и предельного дохода продукта труда при условии максимизации прибыли (минимизации издержек). Этой ситуации соответствует минимально приемлемая для работников заработная плата и соответствующая ей занятость.

Когда на принятие решений оказывают влияние нескольких сторон, преследующих собственные цели и обладающих разной переговорной силой, могут сформироваться различные типы (модели) спроса на труд.

1. Зарплата растет, а занятость снижается, при этом выполняется краткосрочное равновесие спроса на труд, соответствующее кривой спроса на труд (равенство стоимости предельного продукта труда и заработной платы). Такой тип спроса на труд в экономической

литературе описывается как модель «право управлять» [right-to-manage]¹¹. В ней предметом переговоров между фирмой и профсоюзами является уровень заработной платы, а определение уровня занятости остается на усмотрение фирмы.

В условиях переходной экономики такая ситуация может быть вызвана, во-первых, поведением профсоюзов в соответствии с моделью «право управлять». Другой причиной, порождающей такой тип поведения предприятия, может стать низкая доля собственников-инсайдеров в общей численности его работников. Государство в данном случае не проявляет сколько-нибудь существенной активности и не вмешивается в принятые решения.

2. Другим направлением развития ситуации может стать «социально эффективный набор исходов» (контрактов), соответствующий эффективному распределению труда¹². В этом случае повышение заработной платы сочетается с постоянным уровнем занятости.

В переходной экономике это можно рассматривать как ситуацию, когда в сохранении уровня занятости одновременно заинтересованы работники, среди которых значительна доля собственников-инсайдеров, профсоюзы, государство, стремящееся не допустить безработицу, и менеджеры, желающие обеспечить себе поддержку собственников.

3. Третьим типом спроса на труд является ситуация, когда заработная плата и занятость движутся в одном направлении, что соответствует описанной в экономической литературе модели «эффективного переговорного процесса» [efficient bargaining model]¹³. В ней предметом переговоров между фирмой и профсоюзами выступают как занятость, так и заработная плата.

Для переходной экономики такая ситуация соответствует положению, когда переговорная сила профсоюзов (трудовых коллективов) при поддержке государства направлена на рост не только заработной платы, но и занятости. Менеджеры, в свою очередь, могут использовать это положение для повышения статуса своего предприятия.

Роль государства здесь проявляется в том, что, осуществляя или не осуществляя субсидирование того или иного предприятия, оно влияет на уровень заработной платы независимо не только от величины занятости, но и от величины добавленной стоимости, созданной на предприятии.

4. Гипотетически возможен и еще один тип спроса на труд, при котором фирма сокращает занятость в ответ на рост заработной платы, однако уровень заработной платы находится ниже уровня предельного продукта труда. В литературе ситуация определяется как «издержки текучести рабочей силы»¹⁴. Ее можно трактовать и как возможность фирмы при принятии решений о заработной плате переложить на работников издержки, связанные с текучестью рабочей силы. Такая ситуация свидетельствовала бы о значительной переговорной силе фирмы по сравнению с работниками (профсоюзами).

5. Наконец, можно выделить пятый (промежуточный между первым и вторым) тип спроса на труд, когда рост заработной платы сопровождается снижением занятости, однако заработная плата находится на уровне выше предельного продукта труда. Эта ситуация может трактоваться как свидетельство значительной переговорной силы работников, которые при возможной поддержке государства в случае повышения заработной платы обеспечивают сокращение занятости более медленными темпами, чем это происходило бы при движении вдоль стандартной кривой спроса на труд.

¹¹ Booth 1995; Filer et al. 1996.

¹² Basu et al. 1997.

¹³ Booth 1995; Filer et al. 1996.

¹⁴ Prasnica et al. 1994.

Основываясь на данном подходе, можно выявить, в рамках какого из типов формируется спрос на труд со стороны предприятий и какое влияние на формирование типа (модели) спроса на труд оказывают состояние и особенности локального рынка труда, в том числе индивидуальные характеристики предприятия.

В контексте данной работы локальным рынком труда мы называем территориально обособленный рынок труда, который формируется в отдельных муниципальных образованиях Новосибирской области: областном центре – Новосибирске, городах – промышленных центрах областного подчинения, районах Новосибирской области. Это объясняется тем, что отдельные населенные пункты находятся на значительном расстоянии друг от друга, транспортная сеть развита слабо, и локализация рынков труда происходит на базе отдельных территорий (районов области) и крупных населенных пунктов. Критерием для выделения отдельных групп локальных рынков труда служат характеристики отдельных населенных пунктов и степень их пространственной близости друг к другу.

Для характеристики особенностей локальных рынков труда мы используем два показателя. Во-первых, уровень локальной безработицы, где выделяются три ее уровня: низкий (уровень безработицы существенно ниже среднего по области), средний (уровень безработицы равен или незначительно отличается от среднего по области), высокий.

Во-вторых, местоположение локального рынка труда, где выделяются четыре их группы. Прежде всего в качестве специфического локального рынка труда мы выделяем рынок труда областного центра – Новосибирска, который один формирует самостоятельную группу локальных рынков труда. Вторую группу образуют населенные пункты (районы области), находящиеся вблизи (в пределах транспортной доступности) областного центра. Отличительные особенности этой группы рынков труда связаны с тем, что при отсутствии рабочих мест в своем районе работники могут попытаться найти работу в областном центре, не меняя места жительства. Третью группу образуют районы, центры которых удалены от Новосибирска, но которые имеют железнодорожное сообщение, и их центры расположены в транспортной доступности друг от друга, так, что работающие, при необходимости, могут ездить на работу из одного райцентра в другой. Четвертую группу формируют практически полностью локализованные рынки труда – районы дальней и средней удаленности, не имеющие железнодорожного сообщения, жители которых без перемены места жительства не могут работать в ином крупном населенном пункте.

При проведении эконометрического анализа мы оценивали уравнения, основанные на теории динамического спроса на труд с издержками приспособления. Отправной точкой здесь обычно является стремление фирмы минимизировать свои будущие дисконтированные издержки при условии экзогенно заданного объема производства.

Конечное уравнение регрессионной модели, по которому проводились расчеты, выглядит следующим образом¹⁵:

$$\ln L_{i,t} = \mu \ln L_{i,t-1} + \alpha_0 \ln Q_{i,t} + \alpha_1 \ln Q_{i,t-1} + \beta_0 \ln w_{i,t} + \beta_1 \ln w_{i,t-1} + \gamma D_{i,t} + \delta_i + \omega_{i,t} \quad (1)$$

где L – занятость, w – заработная плата, Q – объем спроса (производства), D – вектор фиктивных независимых переменных, ω – ошибка, μ , α , β , γ , δ – оцениваемые параметры. Поскольку используются панельные данные, i обозначает фирму.

При проведении расчетов в качестве фиктивных независимых переменных были использованы отраслевая принадлежность, форма собственности предприятия, влияние государства в той или иной форме (от принадлежности государству доли капитала

¹⁵ Подробное обоснование такой спецификации модели представлено в работах: Singer 1996; Basu et al. 1997; Shakhnovich, Yudashkina 2000, 2001.

предприятия до оказания государством финансовой поддержки предприятию), активность профсоюза, размер предприятия, характеристики локального рынка труда.

В результате на первом этапе исследования была получена оценка традиционной модели спроса на труд, когда тем или иным способом устанавливается заработная плата, а занятость определяется на основе критерия минимизации издержек. Значения коэффициентов при соответствующих фиктивных независимых переменных показывают влияние на спрос на труд соответствующего фактора, в том числе и характеристик локального рынка труда.

Для выявления связи между характеристиками рынка труда и типом спроса на труд на втором этапе исследования проверяется гипотеза «эффективной переговорной модели». Используя известные переговорные модели¹⁶ и предполагая, что технология производства описывается функцией с постоянной эластичностью замещения, мы получили и оценили несколько видоизмененную регрессионную модель (см. уравнение (2), при этом контролировались характеристики того локального рынка труда, к которому принадлежит предприятие.

$$\ln L_{i,t} = \lambda_0 + \lambda_1 \ln Q_{i,t} - \sigma(1 - \xi) \ln w_{i,t} - \sigma\xi \ln w_t^a + \lambda_2 D_{i,t} \quad (2),$$

где w^a – альтернативная заработная плата, σ – постоянная эластичность замещения труда капиталом, ξ – вес, который фирма придает занятости по отношению к заработной плате.

Для содержательной трактовки данной модели ключевую роль играет величина ξ :

$\xi=0$ означает, что занятость никакого значения не имеет, коэффициент при альтернативной зарплате равен нулю, и мы, по сути, возвращаемся к уравнению (1) и первому типу спроса на труд;

при $\xi=1$ фирма придает равный вес заработной плате и занятости, коэффициент при собственной заработной плате фирмы равен нулю, и занятость целиком определяется альтернативной заработной платой. Это соответствует второму типу спроса на труд;

при $\xi>1$ мы имеем дело с третьим типом спроса на труд («эффективной переговорной моделью»); а при $\xi<0$ – с гипотетическим четвертым типом.

пятый (промежуточный) тип спроса на труд будет иметь место при $0<\xi<1$.

Спецификация альтернативной заработной платы является самостоятельной проблемой. Некоторые авторы определяют ее как функцию от некоторых переменных-индикаторов¹⁷. В качестве такого рода переменной-индикатора часто используется показатель локальной безработицы, исходя из предположения, что альтернативная заработная плата есть обратная функция от локальной безработицы, т.е. более высокий уровень безработицы предполагает более жесткий рынок труда и, следовательно, меньшую вероятность получения более высокой заработной платы на другом предприятии. В других случаях конструируется специальный показатель¹⁸.

В нашем исследовании реализованы оба подхода к спецификации альтернативной заработной платы. При конструировании специального показателя альтернативной заработной платы мы пришли к показателю следующего вида:

$$\omega_{i,t}^a = (1 - \rho_t^r) \omega_{e,t}^r + \psi_t^r \rho_t^r \omega_{e,t}^r \quad (3),$$

где w_e^r – средняя заработная плата в соответствующем районе Новосибирской области; ρ^r – вероятность стать безработным (доля безработных в данном районе), соответственно (1-

¹⁶ Prasnica et al. 1994; Basu et al. 1997.

¹⁷ Brown and Ashenfelter 1985; Basu et al. 1997.

¹⁸ Prasnica et al. 1994; Commander et al. 1996.

ρ^r) – вероятность иметь работу; ψ_i^r – коэффициент, характеризующий долю заработной платы, которую безработный получает в течение года в виде пособия по безработице, с учетом задержек по выплате пособия по безработице ($\psi_i^r = 0,575$, если задержки отсутствуют, $\psi_i^r = 0$, если период задержки составляет один год).

От предлагаемых другими авторами¹⁹ данный подход отличается тем, что учитывает такой важный элемент российской экономической действительности, особенно в период экономического спада, как задержки выплат пособий по безработице.

При определении показателя альтернативной заработной платы как конкретного показателя оценивается уравнение (2), в котором альтернативная заработная плата определена в соответствии с уравнением (3).

При определении показателя альтернативной заработной платы через косвенный показатель локальной безработицы оценивается уравнение (1), дополненное показателем локальной безработицы, а также показателем объема основных производственных фондов и оборотных средств, которыми предприятие обладало в 1991 г. (дата начала экономических преобразований). Это позволяет контролировать предполагаемую рядом авторов зависимость занятости на предприятии от величины его производственных фондов, доставшихся ему в наследство от предшествующей экономической эпохи.

В конечном счете, уравнение (1) получает следующий вид:

$$\ln L_{i,t} = \mu_1 \ln L_{i,t-1} + \mu_2 \ln L_{i,t-2} + \alpha_0 \ln Q_{i,t} + \alpha_1 \ln Q_{i,t-1} + \beta_0 \ln w_{i,t} + \beta_1 \ln w_{i,t-1} + \gamma D_{i,t} + \eta \ln K_{i,t} + \nu_1 Un_i^r + \nu_2 A_i^{1991} + \delta_i + \omega_{i,t} \quad (4),$$

где A_i^{1991} – среднегодовая стоимость производственных фондов и оборотных средства i -го предприятия в 1991 г., Un_i^r – локальный уровень безработицы, ν_1, ν_2 – коэффициенты.

В данном случае для определения типа спроса на труд следует учитывать значения коэффициентов при показателе заработной платы на предприятии (β_0) и показателе альтернативной заработной платы (ν_1):

$\beta_0 < 0$ and $\nu_1 = 0$ соответствуют первому типу спроса на труд;

$\beta_0 = 0$ и $\nu_1 > 0$ – второму типу спроса на труд;

$\beta_0 > 0$ и $\nu_1 > 0$ – третьему типу спроса на труд;

$\beta_0 < 0$ и $\nu_1 < 0$ – четвертому типу и $\beta_0 < 0$ и $\nu_1 > 0$ – пятому типу.

Для более точного анализа спроса на труд мы совместно оцениваем уравнения зарплаты и занятости. Для этого уравнение (4) дополняется уравнением заработной платы, которое учитывает возможность того, работники фирмы присваивают какие-либо специфические доходы, связанные непосредственно с особенностями их предприятия. Иными словами подвергается проверке гипотеза о том, что помимо экзогенных факторов на заработную плату могут влиять специфические особенности предприятия.

Уравнение зарплаты в таком случае имеет следующий вид:

$$\ln w_{i,t} = \phi_0 + \phi_1 \ln w_{i,t-1} + \phi_2 \ln(Q/L)_{i,t} + \phi_3 \ln(Q/L)_{i,t-1} + \phi_4 D_{i,t} + \phi_5 M_{i,t} \quad (5),$$

где Q/L – выпуск на одного работника, M – вектор переменных, характеризующих специфические особенности данной фирмы и воздействующих на заработную плату в ней.

¹⁹ Commander et al. 1996.

В качестве переменных вектора M включены следующие показатели: отношение объема дебиторской задолженности к объему выпуска, факт включения предприятия в реестр предприятий-монополистов (по данным Антимонопольного комитета) и уровень локальной безработицы.

Данные

Объектом нашего исследования стали крупные и средние предприятия промышленности Новосибирской области. Использована несбалансированная панель, включающая 199 предприятий всех основных отраслей промышленности, различных организационно-правых форм и форм собственности, за период 1993–2001 гг. На этих предприятиях производится более 85% всей промышленной продукции региона, занято более 80% промышленно-производственного персонала, сосредоточено (по стоимости) более 95% основных производственных средств предприятий области. Анализ охватывает период с 1993 по 2001 г., при этом выделяются периоды спада (1993–1998 гг.) и экономического роста (1999–2001 гг.), что и позволяет выявить изменения, происходящие в сфере спроса на труд при изменении тенденции экономического развития.

Источником информации выступали данные бухгалтерских балансов и статистической отчетности предприятий, предоставленные Новосибирским государственным областным комитетом статистики, данные о безработице по районам области, предоставленные Федеральной службой занятости; дополнительная информация о предприятиях, включая данные о доле государственной собственности и различных формах государственной поддержки, предоставлена Комитетом по управлению имуществом и Главным планово-экономическим управлением департамента экономического развития и промышленности Администрации Новосибирской области, данные, касающиеся деятельности профсоюзов, – Новосибирской областной федерацией профсоюзов. Все стоимостные показатели пересчитаны в цены 1993 г.

Результаты

Полученные в итоге проведенного исследования результаты можно свести в три основные группы. *Первая* группа включает общую характеристику спроса на труд на региональном (областном) рынке труда в целом (см. табл. 1). Данные показали, что по мере развития экономических преобразований, особенно после начала экономического роста, предприятия стали более динамично приспосабливаться к изменениям в экономике: возрастает краткосрочная эластичность занятости и по объему выручки (с 0,16 до 0,24), и по абсолютной величине заработной платы (с –0,12 до –0,15). Столь же заметен рост долгосрочной эластичности занятости и по объему выручки, и по заработной плате (с 0,61 до 0,76 и с –0,52 до –0,62, соответственно).

Среди других факторов, воздействующих на общий уровень спроса на труд, можно выделить деятельность профсоюзов: на тех предприятиях, где профсоюзная организация действует активно и заключен коллективный договор, занятость, при прочих равных условиях, выше. Эта разница невелика, но устойчива.

Таблица 1. Характеристики спроса на труд в Новосибирской области

	1993– 2001	1993–1998	1999–2001
Эластичность занятости по объему продаж¹			
Краткосрочная эластичность	0,191***	0,164***	0,267***
Долгосрочная эластичность	0,657***	0,613***	0,755***
Эластичность занятости по заработной плате¹			
Краткосрочная эластичность	-0,225***	-226***	-0,245***
Долгосрочная эластичность	-0,554***	-0,518***	-0,615***
Сильная профсоюзная организация с заключенным коллективным договором¹ (дамми)			
	0,052***	0,052***	0,043*
Дамми районов отдельных групп рынков труда²			
Районы рынков труда второй группы	0,023	0,014	0,037
Районы рынков труда третьей группы	-0,012	-0,016	-0,018
Районы рынков труда четвертой группы	0,040**	0,036*	0,044
Эластичность занятости по заработной плате и уровню безработицы			
Эластичность по заработной плате ³	-0,218***	-0,210***	-0,257***
Эластичность по уровню безработицы ³	-0,025**	-0,036***	-0,052
ξ ⁴	0,001	-0,305*	0,040
Эластичность заработной платы по объему продаж на одного работника и по уровню локальной безработицы⁵			
Краткосрочная эластичность	0,378***	0,341***	0,404***
Долгосрочная эластичность	0,523***	0,436***	0,607***
Локальная безработица	0,003	0,025	-0,185***

МНК-оценки; *** – значимо на 1-процентном уровне; ** – значимо на 5-процентном уровне; * – значимо на 10-процентном уровне.

¹ Уравнение 1.

² Уравнение 1, исключен областной центр (Новосибирск).

³ Уравнение 4.

⁴ Уравнение 2.

⁵ Уравнение 5.

Наиболее устойчивое отличие спроса на труд на локальном рынке труда (по сравнению с локальным рынком труда в региональном центре – Новосибирске) существует на локальных рынках труда четвертого типа – удаленных от Новосибирска и обособленных от других локальных рынков труда. Уровень занятости на них (при прочих равных условиях) несколько выше. Это вполне объяснимо, поскольку их обособленность, с одной стороны, оказывает давление на работодателей, вынуждая придерживать рабочую силу, с другой стороны, сами работники порою готовы соглашаться на большее снижение заработной платы для сохранения своего рабочего места.

Тип спроса на труд на общем региональном рынке труда мы определили, оценив эластичность занятости по заработной плате на предприятии и по альтернативной заработной плате. В течение всего периода коэффициент эластичности занятости по зарплате

отрицателен и статистически значим, причем в период экономического роста он возрастает (по абсолютной величине). Коэффициент при локальной безработице, которая выступает в качестве переменной-индикатора для альтернативной заработной платы, отрицателен и статистически значим (хотя и очень невелик) в период экономического спада и статистически незначим в период экономического роста. Это свидетельствует о том, что в период экономического спада спрос на труд формально ближе к четвертому типу, т.е. под давлением фирмы и угрозы безработицы рабочие вынуждены соглашаться на более низкую заработную плату. В период экономического роста спрос на труд уже соответствует первому типу. Этот вывод подтверждается и расчетами с использованием конкретного показателя альтернативной зарплаты.

Вместе с тем заработная плата определяется не только характеристиками рынка труда, но и особенностями самого предприятия. Эластичность заработной платы по производительности труда (выручке на одного работника) положительна и статистически значима, причем она возрастает при переходе к экономическому росту.

Вторая группа результатов дала возможность оценить влияние на спрос на труд особенностей локальных рынков труда, разделенных только по местоположению, при этом уровень безработицы для каждого локального рынка труда учитывался по его абсолютной величине. Расчеты, проведенные для каждой из четырех групп локальных рынков труда (см. табл. 2), позволили выделить как сходства и различия всех типов рынка труда. Эластичность занятости по объему выручки для всех групп рынков положительна и статистически значима. В большинстве случаев она возрастает после начала экономического роста. Наибольшую величину она имеет в областном центре: 0,231 в целом за период 1993–2001 гг. и 0,321 в период экономического роста 1999–2001; наименьшую – на рынках четвертой группы, т.е. удаленных и обособленных рынках труда: 0,110 и 0,070 соответственно.

Последнее вполне объяснимо: в областном центре рынок труда наиболее развит, а на удаленных и локализованных рынках в условиях спада и фирмы, и работники стремятся сохранить рабочие места. При переходе же к экономическому росту на рынках труда четвертой группы возникает ситуация, когда, с одной стороны, трудовые ресурсы уже есть на предприятии, а с другой – ресурсы местного рынка труда весьма ограничены.

Эластичность занятости по заработной плате отрицательна, статистически значима и возрастает (по абсолютной величине) в период экономического роста почти на всех локальных рынках. Единственное исключение – рынки четвертой группы: расчеты показали статистическую незначимость в период экономического роста. Очевидно, это объясняется замкнутостью таких рынков, когда при экономическом росте изменения занятости не зависят от (небольших) изменений заработной платы и, как уже отмечалось, существует ограниченность трудовых ресурсов.

Типы спроса на труд в различных группах локальных рынков труда имеют некоторые различия. В Новосибирске, особенно в период экономического спада, имел место четвертый тип спроса на труд что, возможно, объясняется тем, что влияние профсоюзов было крайне невелико, а на предприятиях, где их нет или они присутствуют формально, без заключения коллективного договора, существует возможность оказать давление на работников. При переходе к экономическому росту происходит смена типа спроса на труд: господствующим становится первый тип. В районах, находящихся вблизи Новосибирска, и на рынках труда третьей группы спрос на труд также оказался близок к первому типу. На удаленных и обособленных рынках труда ситуация особая: первый тип спроса на труда в период спада и зависимость занятости от объема выручки, но не от заработной платы, т.е. отсутствие «рыночной реакции» при переходе к экономическому росту.

Таблица 2. Характеристики спроса на труд на локальных рынках труда Новосибирской области

	Группа рынков труда			
	I группа	II группа	III группа	IV группа
1993–2001				
Эластичность занятости по объему продаж				
Краткосрочная эластичность	0,231***	0,186***	0,199***	0,110***
Долгосрочная эластичность	0,642***	0,628***	0,587***	0,563***
Эластичность занятости по заработной плате				
Краткосрочная эластичность	-0,282***	-0,106***	-0,224***	-0,115***
Долгосрочная эластичность	-0,567***	-0,676***	-0,213	-0,313**
Эластичность занятости по заработной плате и уровню безработицы				
Эластичность по заработной плате	-0,282***	-0,089**	-0,219***	-0,117***
Эластичность по уровню безработицы	-0,039*	-0,008	0,015	-0,033
ξ	-0,084	0,029	0,068	0,021
Эластичность заработной платы по объему продаж на одного работника и по уровню локальной безработицы				
Краткосрочная эластичность	0,447***	0,424***	0,407***	0,279***
Долгосрочная эластичность	0,015	0,446***	0,022	0,103
Локальная безработица	-0,019	-0,028	0,088	-0,004
1993–1998				
Эластичность занятости по объему продаж				
Краткосрочная эластичность	0,186***	0,198***	0,173***	0,115***
Долгосрочная эластичность	0,582***	0,753***	0,654***	0,547***
Эластичность занятости по заработной плате				
Краткосрочная эластичность	-0,287***	-0,099**	-0,212***	-0,166***
Долгосрочная эластичность	-0,519***	-0,821***	-0,245	-0,453***
Эластичность занятости по заработной плате и уровню безработицы				
Эластичность по заработной плате	-0,271***	-0,079	-0,216***	-0,172***
Эластичность по уровню безработицы	-0,061**	-0,012	0,030	-0,044
ξ	-0,596**	-0,665	-0,021	-0,497
Эластичность заработной платы по объему продаж на одного работника и по уровню локальной безработицы				
Краткосрочная эластичность	0,395***	0,483***	0,414***	0,286***
Долгосрочная эластичность	-0,003	0,544***	-0,295	0,218**
Локальная безработица	0,017	-0,037	0,124*	0,015
1999–2001				
Эластичность занятости по объему продаж				
Краткосрочная эластичность	0,321***	0,169***	0,235***	0,070**
Долгосрочная эластичность	0,750***	0,473***	0,401***	0,240
Эластичность занятости по заработной плате				
Краткосрочная эластичность	-0,292***	-0,123**	-0,293***	0,046
Долгосрочная эластичность	-0,666***	-0,308*	-0,213	0,641
Эластичность занятости по заработной плате и уровню безработицы				
Эластичность по заработной плате	-0,362***	-0,124**	-0,241**	-0,045
Эластичность по уровню безработицы	-0,390***	-0,008	0,190	0,047
ξ	0,007	0,327*	0,168	-3,453
Эластичность заработной платы по объему продаж на одного работника и по уровню локальной безработицы				
Краткосрочная эластичность	0,476***	0,485***	0,403***	0,237***
Долгосрочная эластичность	0,022	0,323**	0,864***	-0,085
Локальная безработица	-0,918***	-0,029	-0,063	-0,056
МНК оценки. *** – значимо на 1-процентном уровне; ** – значимо на 5-процентном уровне; * – значимо на 10-процентном уровне.				

Эластичность заработной платы по производительности труда положительна и статистически значима во всех группах локальных рынков труда. Наибольшую величину она имеет в Новосибирске (0,45), чуть ниже на рынках труда второй и третьей группы (0,42 и 0,41 соответственно) и заметно ниже в отдаленных и обособленных районах (0,28). Причем, если во всех районах (особенно в Новосибирске), кроме удаленных и обособленных, она возрастает при переходе к экономическому росту, то на рынках труда четвертой группы, напротив, снижается. Последнее свидетельствует о том, что в удаленных районах большее

влияние на формирование заработной платы оказывает общее состояние рынка труда, а не эффективность работы предприятия.

В *третью* группу результатов (см. табл. 3) мы включили выявленные особенности спроса на труд на локальных рынках труда, когда в их определении (локализации) учитываются не только местоположение, но и уровень безработицы.

При разделении локальных рынков труда на четыре группы по местоположению и три группы по уровню безработицы теоретически было возможно получить двенадцать типов локальных рынков труда. Однако имеющиеся данные позволили при расчетах за весь период 1993–2001 гг. выделить лишь десять типов. При разделении всей панели на периоды экономического спада и экономического роста было выделено девять типов рынков труда для периода 1993–1998 гг. и пять типов рынка труда для периода 1999–2001 гг. Однако тяготение большинства типов местоположения к тому или иному уровню безработицы оказалось обусловлено в отдельных случаях очень малым объемом статистической информации. Это еще больше сократило число анализируемых групп рынка труда. Вместе с тем «очищение» той или иной группы локальных рынков труда (по местоположению) от «нетипичных» для него элементов (по уровню безработицы) позволило получить более точные характеристики того или иного локального рынка труда.

Для рынка труда первой группы (Новосибирска) наиболее типичным, разумеется, был уровень безработицы, близкий к среднему по области, и результаты расчетов для этого рынка были близки, а для периода 1999–2001 гг. – идентичны результатам первой группы расчетов, когда локальные рынки труда разделялись только по местоположению. Заметим лишь, что после «перехода» новосибирского городского локального рынка труда из группы с «существенно ниже среднего по области уровнем безработицы» в группу с «близким к среднему по области уровню безработицы» тяготение в период экономического спада к четвертому типу спроса на труд стало более заметным. Существенно возросла и эластичность заработной платы по производительности труда, т.е. ее зависимость от результатов деятельности конкретного предприятия.

Вторая группа рынков труда продемонстрировала наиболее тесную связь с высоким уровнем безработицы. По сравнению с первым подходом здесь заметно возросли показатели эластичности занятости и по объему выпуска, и по заработной плате: соответственно с 0,19 до 0,26 и с –0,11 до –0,19. Очевидно, что в данной ситуации высокий уровень безработицы позволяет работодателям более свободно реагировать на изменение спроса на производимую продукцию. В условиях экономического роста на этом рынке снижается эластичность заработной платы по производительности труда: с 0,6 в 1993–1998 гг. до 0,37 в 1999–2001 гг. Это свидетельствует о том, что на уровень заработной платы большее влияние оказывает состояние данного локального рынка труда с данным уровнем безработицы и меньшее – специфика самого предприятия. Неудивительно, что в условиях высокой безработицы спрос на труд, особенно в период экономического спада, тяготеет к четвертому типу.

Таблица 3. Характеристики спроса на труд на локальных рынках труда Новосибирской области с учетом уровня локальной безработицы

1993–2001						
	Группы рынка труда					
	I группа	II группа	III группа		IV группа	
	Средний уровень безработицы	Высокий уровень безработицы	Средний уровень безработицы	Высокий уровень безработицы	Средний уровень безработицы	Высокий уровень безработицы
Эластичность занятости по объему продаж						
Краткосрочная эластичность	0,266***	0,258***	0,108***	0,261***	0,054***	0,150***
Долгосрочная эластичность	0,639***	0,579***	0,388***	0,418***	0,270***	0,811***
Эластичность занятости по заработной плате						
Краткосрочная эластичность	-0,335***	-0,186***	-0,136**	-0,250***	-0,127***	-0,079
Долгосрочная эластичность	-0,575***	-0,286*	0,098	-0,219	0,143	-0,538*
Эластичность занятости по заработной плате и уровню безработицы						
Эластичность по заработной плате	-0,351***	-0,191***	-0,137**	-0,235**	-0,117***	-0,089
Эластичность по уровню безработицы	-0,088***	-0,133**	0,037	-0,103	-0,057	-0,142
ξ	-0,202	0,207	-0,561	0,383**	0,580**	-0,938
Эластичность заработной платы по объему продаж на одного работника и по уровню локальной безработицы						
Краткосрочная эластичность	0,447***	0,492***	0,494***	0,275***	0,209***	0,348***
Долгосрочная эластичность	0,024	0,233	0,036	0,119	0,077	0,050
Локальная безработица	-0,137***	-0,124	0,075	-0,028	0,041	-0,182
МНК оценки. *** – значимо на 1-процентном уровне; ** – значимо на 5-процентном уровне; * – значимо на 10-процентном уровне						

Третья группа локальных рынков труда (по местоположению) интересна тем, что здесь оказалось возможным выделить две зоны уровня безработицы: среднего и существенно превышающего областной уровень. Здесь также наблюдается более высокий уровень эластичности занятости по объему выпуска и по заработной плате в зоне высокого уровня безработицы: соответственно 0,11 и 0,26 и -0,14 и -0,26, а также более низкая эластичность заработной платы по производительности труда: 0,49 и 0,28.

Четвертая группа рынков труда (наиболее удаленные и обособленные локальные рынки) в наибольшей степени характеризуется средним уровнем безработицы. При этом по сравнению с рынком труда областного центра, для которого также характерен средний уровень безработицы, на этой группе рынков существенно ниже уровни эластичности занятости и по заработной плате, и по объему выпуска, а также эластичности заработной платы по производительности труда. Удаленность и замкнутость этих рынков делает их наименее гибкими по сравнению с другими локальными рынками труда.

Выводы

Проведенное исследование изменений спроса на труд показало, что, в целом, рынок труда в промышленно развитых регионах России становится все более зрелым и приближается по характеру своего функционирования к рынку труда промышленно развитых стран. Он становится гибче и быстрее реагирует на изменения экономической конъюнктуры.

Получило подтверждение предположение о том, что существует устойчивое различие между относительно крупными локальными рынками труда: прежде всего, рынком труда областного центра, группой рынков труда близко расположенных районов и группой взаимосвязанных друг с другом удаленных рынков труда, с одной стороны, и наиболее удаленными и обособленными рынками труда, с другой. Последние наименее гибки и слабее реагируют на изменение экономической ситуации как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах.

Локальные рынки труда с более высоким уровнем безработицы (при прочих равных условиях) демонстрируют большую гибкость: большую эластичность занятости по объему выпуска и по заработной плате, но меньшую эластичность заработной платы по производительности труда.

Таким образом, предпринимая шаги в области государственной социальной политики, следует иметь в виду особенности локальных рынков труда. На рынках труда крупных городов общий рост экономической активности будет стимулировать повышение спроса на труд и ослабление остроты проблемы занятости без каких-либо особых воздействий со стороны государства. В некоторой степени этот вывод может иметь силу для объединенных рынков труда близко расположенных друг к другу более мелких населенных пунктов – районных центров. Однако для отдаленных и наиболее обособленных локальных рынков труда региона необходимы специальные программы по созданию там дополнительных рабочих мест и повышению спроса на труд.

Литература

- Аукуционек С. Опросы промышленных предприятий // ЭКО. 1994. № 5.
- Аукуционек С. Российский мотив – без прибыли // ЭКО. 1997. № 11.
- Аукуционек С., Капелюшников Р. Почему предприятия придерживают рабочую силу // МЭиМО. 1996. № 11.
- Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001.
- Шахнович Р. М., Юдашкина Г. В., Обозный Д. А. Заработная плата и занятость: как меняется поведение предприятий // ЭКО. 1999. № 7.
- Basu S., Estrin S., Svejnar J. Employment and Wage Behavior of Enterprises in Transitional Economy. 1997. WDI WP № 114.
- Blanchflower D., Oswald A., Garret M. Insider Power in Wage Determination // *Economica*. 1990. Vol. 57. P. 143–170.
- Brown J. N., Ashenfelter O. Testing the Efficiency of Employment Contracts // *Journal of Political Economy*. 1986. Vol. 94. P. 3–39
- Brown M., de Cani J. A measure of technological employment // *Review of Economics and Statistics*. 1963. Vol. 45. P. 386–394.
- Booth A.L. *The Economics of the Trade Union*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

- Commander S., Köllô J., Ugaz C., Vilagi B. Hungary // Commander S., Coricelli F. (eds.). Unemployment, Restructuring and the Labor Market in Eastern Europe and Russia. World Bank, 1995a.
- Commander S., Dhar S., Yemtsov R. Russia // Commander S. and Coricelli F. (eds.). Unemployment, Restructuring and the Labor Market in Eastern Europe and Russia. World Bank, 1995b.
- Commander S., Dhar S., Yemtsov R. How Russian Firms Make Their Wage and Employment Decisions // Commander S. et al. (eds.). Enterprise Restructuring And Economic Policy in Russia. World Bank, 1996.
- Eberts R., Stone J. On the Contract Curve: A Test of Alternative Models of Collective Bargaining // Journal of Labor Economics. 1986. No. 4. P. 66–81.
- Estevão M. Regional Labor Market Disparities in Belgium // IMF Working Paper 02/134. 2002.
- Estrin S., Svejnar J. Wage determination in labor managed firms under market oriented reforms // Journal of Comparative Economics. 1993. Vol. 17. No 3. P. 687–700.
- Farber H. S. The Analysis of Union Behavior // Ashenfelter O. C., Layard R. (eds.). Handbook of Labor Economics. Vol. 2. Amsterdam, N.Y.: North-Holland North Holland, 1986. P. 1039–1089.
- Filer R. K., Hamermesh D. S., Rees A. E. The Economics of Work and Pay. 6th ed. N.Y.: HarperCollins College Publishers, 1996.
- Creedy J., McDonald I. M. Models of Trade Union Behaviour: A Synthesis // Economic Record. 1991. Vol. 67. P. 346–359.
- Hamermesh D. The Demand for Labor in the Long Run // Ashenfelter O. C., Layard R. (eds.). Handbook of Labor Economics. Vol. 1. Amsterdam, N.Y.: North Holland, 1986. P. 429–471.
- Kaufman B.E., Hotchkiss J. L. The Economics of Labor Markets. 6th ed. Mason, Ohio: Thomson/South-Western, 2003.
- Maching S., Manning A., Meghir C. Dynamic Models of Employment Based on Firm-Level Panel Data // Van Ours J.C. et al. (eds.). Labor Demand and Equilibrium Wage Formation. Amsterdam, N.Y.: North Holland, 1993. P. 167–195.
- McDonald I., Solow R. M. Wage Bargaining and Employment // American Economic Review. 1981. Vol. 71. P. 896–908.
- Nickell S. An Investigation of the Determinants of Manufacturing Employment in the United Kingdom // Review of Economic Studies. 1984. Vol. 51. P. 529–557
- Nickell J.S. Dynamic Models of Labor Demand // Ashenfelter O. C., Layard R. (eds.). Handbook of Labor Economics. Vol. 1. Amsterdam, N.Y.: North Holland, 1986. P. 473–522.
- Prasnikar J., Svejnar J., Mihaljek D., Prasnikar V. Behavior of Participatory Firms in Yugoslavia. // Review of Economics and Statistics. 1994. Vol. 76. No 4.
- Singer M. Dynamic Labor Demand Estimation and Stability of Coefficients. Prague, 1996.
- Shakhnovich R., Yudashkina G. Some Aspects of Labor Demand During the Period of Economic Transition // Journal Of Human Resource Management. 2000. No. 2. P. 34–59.
- Shakhnovich R., Yudashkina G. Wage-Setting and Employment Behavior of Enterprises in the Period of Economic Transition // Forth International Conference *Enterprise in Transition* Proceedings. Faculty of Economics Split. Split-Hvar. 2001. May 24–26. P. 80–82.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ В 1990-е годы: использование теории нечеткого набора для оценки соответствия идеальным типам¹

Джон Квист

Датский национальный институт социальных исследований, Копенгаген

В статье описывается новый метод анализа политики – теория нечеткого набора, позволяющая точно операционализировать теоретические понятия. Данная теория используется для оценки соответствия скандинавских стран сформулированной ранее идеальной модели скандинавского государства благосостояния. Это позволяет оценить недавние социальные реформы и понять характер изменений: является ли он количественным или качественным, т.е. приводит ли реформа к изменениям на уровне типа или на уровне масштаба. Сопоставление систем натуральных и денежных пособий для трех категорий населения (семьям, безработным и престарелым) в 1990-е годы в скандинавских странах позволяет нам оценить модели социальной реформы. Последние имеют комплексный характер, однако при помощи теории нечеткого набора можно преодолеть трудности, связанные с разнообразием. Несмотря на многочисленные изменения, все четыре страны по-прежнему (хотя и в различной степени) следуют скандинавской модели социального государства. В целом, Финляндия и Швеция вводили больше ограничений этой модели, чем Дания и Норвегия, и все эти страны как расширяли свои социальные программы, так и сокращали их. Таким образом, устойчивость на уровне государства скрывает различия в развитии социальных сфер и программ. Предположительно, социальная политика осуществляется в рамках определенных границ, которые, в свою очередь, изменяются со временем и различаются в зависимости от типа социального государства; наиболее щедрые программы чаще подвергаются сокращениям, а наименее щедрые – совершенствуются.

Введение²

В исторической перспективе социальная реформа характеризуется распространением на уровне и масштаба, и щедрости. Обширная литература о развитии государства благосостояния показывает, что социальная реформа определяется хозяйственным развитием или политикой и анализирует на то, как институты (в частности, государственные агентства) справляются с экономическими и политическими трудностями [см.: Ashford 1986; Esping-Andersen 1990; Wilensky 1975; см. также обзор в работе: Huber et al. 1993]. Соответственно, социальная реформа менее обширна (или вовсе сокращается) в странах с относительно низкими экономическими показателями, слабой политической мобилизацией левых и/или католиков, а также слабым государством. Другой вопрос – действительно ли экономика, политика и институты играют одинаково важную роль для *недавних* социальных реформ и одинаково влияют на них, поскольку и цели, и контекст последних изменились [см.: Pierson 1996].

¹ Переведено по: Kvist J. Welfare Reform in the Nordic Countries in the 1990s: Using Fuzzy-set Theory to Assess Conformity to Ideal Types // Journal of European Policy. 1999. Vol. 9. No. 3. P. 231–252. Перевод М. С. Добряковой.

² Международные сравнительные исследования предполагают привлечение данных, знаний и идей многих людей. В частности, я хотел бы поблагодарить Чарльза Рейджина [Charles Ragin], Стайна Кунле [Stein Kuhnle], Питера Вертера Андерсена [Peter Werther Andersen], Дороти и Адриана Синфильда [Dorothy and Adrian Sinfield], Ханса Хансена [Hans Hansen], Микко Каутто [Mikko Kautto], Йенса Альбера [Jens Alber], Акселя Уэста Педерсена [Axel West Pedersen] и Майю Ибен Нильсон [Maja Iben Nielsson].

Скандинавские страны – благодатная почва для изучения этого вопроса, поскольку они относительно похожи между собой на уровне ключевых институциональных характеристик (например, таких, как всеобъемлющее социальное государство, которое иллюстрирует термин «скандинавская модель социального государства» [Nordic welfare model]), но различаются на уровне экономического и политического развития в 1990-е годы. Скандинавская модель социального государства долгое время считалась наиболее современным и зрелым выражением государства благосостояния и поэтому интересовала исследователей за пределами географических границ этих стран [Einhorn and Logue 1989]. Однако развитие последних лет в сфере экономики, политики и социальной сфере поставило под вопрос устойчивость и желанность скандинавской модели. Одни авторы призывают урезать или вовсе упразднить ее. Другие полагают, что произошедшие в 1990-е годы политические изменения в государстве благосостояния сделали скандинавскую модель историей. Данная статья анализирует эти дебаты и имеет целью прояснить указанные изменения путем эмпирического исследования социальной реформы в скандинавских странах в 1990-е годы.

Скандинавская модель благосостояния

В академических исследованиях пока не сложилось консенсуса относительно того, что же включает скандинавская модель благосостояния. Ее теоретическая концептуализация и эмпирическая реализация различны, например, в сфере здравоохранения, социальных добровольных услуг [voluntary work] и рынков труда [см. соответственно: Alban and Christensen 1995; Klausen and Selle 1995; Wadensjö et al. 1996]. Однако большинство исследователей социальной политики сходятся в том, что скандинавская модель характеризуется такими общими целями социальной политики, как укрепление солидарности и увеличение равенства [Esping-Andersen 1990]. Эти цели, в свою очередь, достигаются обширной и универсальной политикой [policies] высокого качества [Esping-Andersen and Korpi 1987]. Таким образом, в описании конститутивных элементов скандинавской модели благосостояния присутствуют и цели, и средства.

Мы выделяем следующие характеристики скандинавской модели благосостояния.

- Всеобъемлющий характер: государственная политика имеет широкий охват; по сравнению с другими странами, государство играет здесь большую роль, нежели рынок или гражданское общество.
- Полная занятость: политика направлена на обеспечение полной (читай: более полной) занятости населения и/или предупреждение безработицы, особенно длительной.
- Равенство: политика имеет целью увеличение равенства между различными гендерными, возрастными, классовыми, семейными, этническими, религиозными, региональными и прочими группами.
- Универсальность: право на основные социальные гарантии (в натуральном и денежном выражении) для широкого спектра социальных обстоятельств и жизненных ситуаций.
- Высокое качество этих гарантий: социальные услуги имеют высокое качество и предоставляются профессионалами в данной сфере [см.: Kohlberg 1991].
- Щедрость гарантий: денежные трансферты, особенно для низкодоходных групп, достаточно щедры, чтобы обеспечить «нормальный» уровень жизни.

Нет нужды говорить, что это определение *идеального типа* скандинавской модели благосостояния. Более того, предполагается, что описанные аспекты взаимодействуют друг с другом, усиливают действие друг друга: лишь все вместе они образуют то целое, которое мы

описываем как скандинавскую модель благосостояния [Esping-Andersen and Korpi 1987]. Соответственно, чтобы разобраться в характере недавних изменений в скандинавских государствах благосостояния, необходимо следовать *холистическому подходу* и одновременно проанализировать направления, масштаб и взаимосвязи всех изменений, связанных с социальной сферой.

Мы выбрали три сферы социальной политики, имеющие принципиальное значение для понимания сущности скандинавской модели благосостояния и происходящих изменений: социальная поддержка детей и семьи; решение проблем, связанных с безработицей; социальные схемы для престарелых [однако см. также: Kautto et al. 1999]. При этом данные сферы представляют особый интерес, если мы анализируем давление, оказываемое на скандинавские государства благосостояния.

Социальная поддержка детей и семьи – это сфера, в которой «ключом к скандинавской модели благосостояния» являются не столько денежные трансферты, сколько социальные услуги [Sipilä 1997]. Все западноевропейские государства благосостояния имеют развитые системы денежной помощи; их охват и размеры помощи существенно различаются от страны к стране, однако лишь в немногих странах сформировалась система поддерживаемых государством социальных услуг в объеме, который мы наблюдаем в скандинавских странах. В частности, политика поддержки детей и семьи в Скандинавии способствует также обеспечению занятости и гендерного равенства [см., однако: Leira 1992]. Кроме того, в настоящее время во всех четырех странах ведется активная дискуссия о роли семьи и других элементов гражданского общества для работы государства благосостояния. Все больше граждан высказываются в пользу того, что взрослые члены семьи должны иметь не только право выбирать себе работу, но и право заботиться о своих детях, а также находить для себя оптимальные пути сочетания работы и семейной жизни.

Меры, связанные с решением проблем безработицы, образуют область, в которой сочетание денежных пособий и предоставляемых услуг обеспечивают своего рода «защитный пояс» или компенсацию доходов и способствуют облегчению первичного или повторного выхода на рынок труда. Утверждается, что в Скандинавии эти схемы отличаются от принятых в большинстве других стран благодаря вниманию к проблеме вхождения на рынок труда и организации поддерживаемых государством программ в сфере занятости и образования. Устойчивость скандинавской модели зависит также от низкого уровня безработицы, который позволяет увеличивать доходы и сокращать расходы. В последние годы ведется много разговоров о том, как преодолеть желание не работать [work disincentives], сократить структурную безработицу и предотвратить долгосрочную безработицу, особенно среди молодежи.

Наконец, последняя и наиболее дорогая сфера социальной помощи – это *помощь престарелым*. Население Скандинавии, как и других индустриальных стран, стареет. Рост затрат на пенсии престарелым, в сочетании с увеличением числа пожилых людей, а также развитием технологий в сфере здравоохранения и социальной помощи, означают, что давление на эту сферу социальной политики будет ощущаться все сильнее. Возможно, это произошло в результате действий политиков, стремящихся избежать риска, но эта сфера социальной политики обсуждалась не так активно, как две другие. Тем не менее, если сложить их с мерами, связанными с решением проблем безработицы, то общий объем помощи престарелым составит более половины государственного социального бюджета, тем самым сделав ее естественной (если не неизбежной) мишенью для сокращения бюджета.

В следующем разделе мы опишем используемые нами методы и материал. Три дальнейших раздела посвящены концептуализации скандинавской модели в рамках социальной сферы и анализу соответствия ей скандинавских стран в 1990-е годы. Мы рассматриваем общее развитие и в заключение обсуждаем потенциал использования теории нечеткого набора для анализа социальной политики и, в частности, сравнительных исследований.

Метод и материалы

Различие между качественными и количественными методами стало конвенциональным в социальных науках, а также сравнительных исследованиях социального государства. Сила качественных методов заключается в их глубинном понимании отдельных случаев, в то время как их слабое место – в ограниченной репрезентативности и, следовательно, невозможности распространять выводы от анализа одного случая к другому. Количественные методы, напротив, хороши для обобщений, но, как правило, не дают глубокого понимания изучаемого вопроса [Ragin 1994]. Возможно, в силу этих «врожденных» особенностей ни тем, ни другим методам не удалось успешно оценить недавние изменения в сфере социального государства.

В данной работе мы предлагаем метод, который позволяет изучать одновременно качественные и количественные аспекты. Этот метод введен Чарльзом Рейджином для анализа социального разнообразия в сравнительных исследованиях [Ragin, forthcoming]. В качестве альтернативы традиционным количественным (ориентированным на переменные) и качественным (ориентированным на отдельные случаи) исследованиям Рейджин выдвигает теорию нечеткого набора [fuzzy-set theory]. В социальных науках ее «ядро» составляет восприятие отдельных случаев как таких конфигураций аспектов, что различие в одном аспекте может означать различие не только в степени, но и в качестве. В то же время, подход нечеткого набора позволяет тому или иному случаю участвовать в данной конфигурации лишь частично. Следовательно, использование подхода нечеткого набора позволяет нам изучать количественные и качественные различия одновременно – что и называется «разнообразием». Помимо прочего, он позволяет оценивать случаи относительно их соответствия определенным идеальным типам. Идеальный тип – в веберовском понимании – это аналитический конструкт, выполняющий для социальных исследователей функцию мерила, при помощи которого они определяют степень, в какой реальные эмпирические явления похожи друг на друга, и то, в чем они отличны от некоей предзаданной меры [Weber 1949]. Для наших целей это означает, что мы можем измерять то, насколько страны следуют скандинавской социальной модели, а также изменения в ее рамках.

Использование социальной теории нечеткого набора для изучения того, насколько те или иные национальные системы соответствуют идеальным типам, является довольно бесхитрым предприятием. Для этого требуется выполнить четыре основных действия.

1. Опираясь на теоретические и практические знания, выявить аспекты (наборы [sets]) идеального типа, которые позволяют сконструировать полезное пространство качеств. Этот шаг предшествует использованию собственно социальной теории нечеткого набора.
2. Выявить, насколько каждый конкретный случай соответствует определенному набору свойств, т.е. проставить значения, которые отражают степень соответствия: 0 – полностью не соответствует, 1 – целиком соответствует, 0,5 – занимает промежуточное положение, когда его нельзя однозначно отнести к данному типу или сказать, что он к нему не относится.
3. Используя принципы теории нечеткого набора, рассчитать, насколько каждый случай соответствует модели идеального типа, т.е. данному четкому месту в пространстве качеств.
4. На основе информации, полученной на предыдущем этапе, оценить однородность случаев с точки зрения их соответствия идеальному типу.

На основе теорий мы можем выбрать качества, условия или аспекты, которые образуют идеальный тип (в нашем случае – это скандинавская модель социального государства). Эти

аспекты [или особенности], в свою очередь, трансформируются в наборы [sets]. Например, предыдущие исследования показывают, что конститутивными особенностями скандинавской социальной модели являются «универсальность» и «щедрость»; таким образом, мы можем сформировать два набора: один на основе «универсальности», другой – «щедрости». Более того, возможные комбинации таких наборов образуют так называемое «многомерное пространство качеств». В нашем примере мы имеем двумерное пространство качеств, где звездочкой «*» обозначим отношения «и» (известные так же как «пересечение множеств»), а тильдой «~» – «не»; таким образом, получаем: универсальный*щедрый, универсальный*~щедрый, ~универсальный*щедрый, ~универсальный*~щедрый (например, «~универсальный*щедрый» означает «не универсальный и щедрый»). Эти комбинации наборов служат точками отсчета в пространстве качеств, и мы будем называть их «идеальнотипическими позициями» [ideal-typical locations], поскольку их можно трактовать как выражение *идеальных типов* – ведь страны редко будут полностью соответствовать сразу двум и более особенностям (т.е. иметь соответствующее значение – 1). Число идеальнотипических позиций рассчитывается как 2^k , где k – количество наборов [Ragin, forthcoming].

Соответствие случая (в нашем контексте – страны) идеальному типу может варьироваться от полного соответствия до полного несоответствия. Возможно также *частичное соответствие*, и тогда наборы качеств становятся «нечеткими» [fuzzy] – в отличие от «жестких» [crisp]. В жестких наборах случаи либо полностью соответствуют идеальному типу (и имеют значение «1» или «да»), либо полностью ему не соответствуют (значение «0» или «нет»). В нечетких наборах, как и в жестких, наличие качества так же оценивается при помощи значений «0» и «1», где «0» означает полное несоответствие, а «1» – соответствие. Однако во многих случаях реальное значение оказывается где-то посередине. Например, о большинстве европейских стран нельзя сказать, что они абсолютно соответствуют идеальному типу щедрой страны либо абсолютно ему не соответствуют. В социальной теории нечеткого набора такие случаи рассматриваются как частичное соответствие тому или иному набору качеств, где степень соответствия выражается значением от 0 до 1. Таким образом, использование нечетких наборов позволяет изучать одновременно качественные и количественные вариации. Для нас это означает, что страну с достаточно щедрой системой льгот мы отнесем к группе щедрых стран, однако ее участие в этой группе (соответствие набору) будет меньшим, чем для стран с более щедрыми льготами. Сочетание качественных и количественных оценок при помощи нечетких наборов позволяет нам изучать комплексное разнообразие.

Важную роль в теории нечеткого набора играет *принцип отрицания* [principle of negation]. Например, если степень соответствия страны идеальному типу щедрости составляет 0,6, то степень ее соответствия типу не-щедрости составит 0,4 (вычитаем первое значение из 1). Эта операция следует логике частичного соответствия, когда случаи могут одновременно частично соответствовать и частично не соответствовать тому или иному аспекту. То, в какой степени страна щедра, показывает и то, в какой степени она не щедра.

Значения, показывающие соответствие страны идеальному типу, были названы «жесткими позициями» [crisp locations] в пространстве качеств. Эти значения рассчитываются согласно принципам теории нечеткого набора [см.: Ragin, forthcoming]. Так, согласно *принципу минимума*, соответствие того или иного случая идеальнотипической позиции в пространстве качеств определяется на основе минимального значения, указывающего на соответствие данному набору. Это противоречит распространенной логике опоры на средние, медианы и другие аналогичные инструменты социальных наук. Однако в логике нечеткого набора высокое значение по шкале, например, универсальности, не обязательно означает такое же высокое значение по шкале щедрости; наличие хотя бы минимального значения указывает на участие страны в группе стран с универсальными и щедрыми системами социальной помощи. Цепь никогда не бывает сильнее своего самого слабого звена.

Принцип нечеткого набора дает нам некоторые преимущества по отношению к традиционным методам, ориентированным на изучение отдельных случаев, и методы, ориентированные на изучение переменных [Ragin 1994]. Представьте два щедрых социальных государства, при этом в одном из них социальная система универсальна, а в другом – нет. В рамках подходов, ориентированных на переменные, это интерпретировалось бы как два примера одного явления: щедрые государства с разной степенью универсальности. В рамках подходов, ориентированных на изучение отдельных случаев, эти государства рассматривались бы как совершенно различные, причем их сходства и различия не поддавались бы количественной оценке. Как и в подходах, ориентированных на изучение отдельных случаев, теория нечеткого набора рассматривает эти два государства как качественно различные, однако позволяет формализовать утверждения относительно степени их сходства и различия. Это осуществляется посредством анализа их жестких позиций: один случай соответствует скандинавской социальной модели (идеальнотипическая позиция «универсальный*щедрый»), а другой – другой модели (~универсальный*щедрый), которую, в свою очередь, можно охарактеризовать как особую форму социальной модели в духе Бисмарка.

Поскольку теория нечеткого набора позволяет нам оценить степень соответствия данным наборам, этой информацией можно воспользоваться для выявления того, как изучаемые случаи расположены относительно идеальнотипических позиций и друг друга [Ragin, forthcoming]. Тем самым мы сможем выявить, например, сопоставимы ли скандинавские страны как отдельные случаи одного идеального типа – скандинавской социальной модели. Рассматривая их различную степень соответствия последней, мы увидим, имеет ли смысл подобное ранжирование. Оценивая различие значений во времени, мы сможем проследить модели социальных реформ и их влияние на степень соответствия скандинавских стран идеальной модели.

Теория нечеткого набора предоставляет нам инструмент, позволяющий определить, являются ли изменения маргинальными, когда *различия касаются степени*, либо фундаментальными, когда *они касаются качества*. Так, если новая жесткая позиция страны остается рядом с той же идеальнотипической позицией, что и прежде, то это различия в степени. Если же, напротив, она сместилась к другой идеальнотипической позиции, то это различия в качестве. В нашем случае вопрос касается позиции скандинавских стран и изменения их позиции по отношению к идеальнотипической позиции, которую занимает скандинавская социальная модель, и их позиции по отношению друг к другу.

Проиллюстрируем эту логику на основе двух качеств, которые обычно связывают со скандинавской социальной моделью, – универсальности и щедрости. Для простоты изложения в таблице 1 представлены нечеткие значения соответствия идеальным типам универсальности и щедрости для четырех гипотетических стран: Равноправии, Транзитивстана, Позаслугии и Долларлэнда. Значения варьируются от 0 (полностью соответствует) до 1 (полностью не соответствует). Значения от 0 до 1 выражают частичное соответствие следующим образом: значение от 0,83 до 0,99 указывают на *почти полное соответствие* стран модели универсальности/щедрости; от 0,67 до 0,82 – *достаточное соответствие*; страны со значением от 0,51 до 0,66 *более или менее соответствуют* модели; 0,5 – точка перегиба, страна с таким значением *и не «соответствует», и не «не соответствует»*; страны со значением от 0,33 до 0,49 *более или менее не соответствуют* модели; от 0,17 до 0,32 – *скорее не соответствуют*, от 0,01 до 0,16 – *почти совсем не соответствуют*. Эти девять интервалов мы будем использовать в дальнейших рассуждениях для перевода категорий значений нечеткого набора в вербальные понятия.

Таблица 1. Использование теории нечеткого набора для оценки соответствия четырех гипотетических стран идеальному типу скандинавской социальной модели

	<i>Универсальность (У)</i>	<i>Щедрость (Щ)</i>	<i>Скандинавская социальная модель (У*Щ)</i>
Равноправия	1,00	0,71	0,71
Транзитивстан	0,84	0,28	0,28
Позаслугия	0,36	0,88	0,36
Долларлэнд	0,14	0,00	0,00

В таблице 1 Равноправия полностью входит в группу стран с универсальной социальной системой и «достаточно соответствует» группе щедрых стран. Транзитивстан «почти полностью соответствует» универсальной группе, но «скорее не соответствует» щедрой. В Позаслугии ситуация почти противоположная: она «скорее не соответствует» универсальности, но «почти полностью соответствует» щедрости. Долларлэнд менее всего из четырех стран соответствует универсальному и щедрому типу: он «совсем не соответствует» щедрости и «почти совсем» – универсальности.

Кроме того, опираясь на принцип минимума, таблица 1 показывает, насколько эти гипотетические страны приближаются к сформулированной ранее скандинавской социальной модели (универсальный*щедрый). Согласно этому принципу, соответствие Равноправии скандинавской модели равняется 0,71, поскольку наименьшее значение ее соответствия двум наборам качеств составляет 0,71; таким образом, она достаточно близка к скандинавской модели. Долларлэнд, напротив, совсем ей не соответствует, поскольку его наименьшее значение равно нулю. Позаслугия и Транзитивстан, в свою очередь, «более или менее и скорее не соответствуют» скандинавской модели.

Конечно, на основе принципов отрицания и минимума можно оценивать соответствие случаев и другим идеальным типам. Например, значение Позаслугии в модели Бисмарка (~универсальный*щедрый) составляет 0,64; Транзитивстан на 0,72 пункта соответствует «модели Бевериджа» (универсальный*~щедрый), а Долларлэнд – на 0,86 соответствует остаточной модели (~универсальный*~щедрый).

Значения зависят от контекста и диапазона, который используется в нечетких наборах. Далее в статье мы не увидим такого разброса значений соответствия скандинавской модели, как в случае описанных гипотетических стран. Логично предположить, что скандинавские страны будут скорее соответствовать скандинавской модели по многим аспектам, чем не соответствовать. Однако задачей данной работы как раз и является проанализировать, насколько это действительно так и можем ли мы выявить вариации модели социальной реформы во времени, а также между странами, сферами и программами.

Возможная слабость теории нечеткого набора – в очень высокой степени соответствия между идеальными типами и значениями участия в нечетком наборе. Это, в свою очередь, обуславливает особое внимание к аналитическому конструированию идеального типа, эмпирическим индикаторам его конститутивных элементов, эмпирическим данным, используемым для оценки соответствия (участия), критериям, на основании которых определяются точки качественного перелома, а также переводу данных в нечеткие интервальные значения и вербальные оценки [см. также: Ragin, forthcoming]. При этом исследователь не может опираться на средние значения или другие относительные параметры, которые принято использовать в социальных науках, но должен полагаться на свои теоретические и практические знания. Средние значения зависят от выборки, а идеальные типы – нет. Подобное непосредственное и активное участие исследователя делает его уязвимым для критики относительно выбора неверных аспектов, эмпирических индикаторов, точек качественного перелома и неверного перевода данных в вербальные

оценки. Для обогащения научного диалога важно, чтобы исследователь максимально открыто рассказывал о том, почему он сделал именно такой выбор (поскольку его выбор повлиял на результаты), – точно так же, как объясняются акты выбора во многих других типах исследования. Дополнительным аргументом в пользу такой открытости является то, что социальные исследования не так богаты данными, как естественные науки. В случае межнациональных сравнений дефицит релевантных сопоставимых данных порою делает не самые подходящие данные единственным источником. Однако исследователь должен это пояснять.

Проиллюстрируем эти практики и вопросы на примере. На основе теоретических и практических знаний мы выделили аспекты скандинавской модели в каждой из трех социальных сфер (см. ниже, а также следующий раздел). В первой сфере – поддержки детей и семьи – выделены три конститутивные аспекта: щедрые денежные пособия, универсальность поддержки детей и высокое качество заботы о детях. Это позволило идентифицировать эмпирические индикаторы, точки качественного перелома и критерии перевода данных в интервалы нечеткого набора. Все выводы опираются на следующие теоретические и практические рассуждения.

- *Щедрость* измеряется влиянием семейных пособий на семейный доход после вычета налогов. На основе трех стилизованных типов семьи (различающихся числом и возрастом детей) выявляется среднее увеличение (в расчете на одного ребенка) чистого доступного дохода, поступившего благодаря семейным пособиям. Если семейные пособия в этой стране таким образом увеличивают доход на 6 и более процентов, мы оцениваем эту страну как полностью относящуюся к группе стран с щедрыми пособиями; в то время как если эта доля составляет 1,4% и менее, т.е. она незначительна по отношению к издержкам воспитания детей, то эта страна совсем не относится к данной группе.
- *Универсальность* измеряется долей детей, охваченных услугами государственных или частных учреждений по уходу за детьми (детских садов и т.п.). Услуги по уходу за детьми в неформальном секторе, которые порой получают широкое распространение, здесь не учитываются, однако они и не имеют непосредственного отношения к нашему идеальному типу. Правда, существует и множество других схем по уходу за детьми, которые потенциально могут исказить любое измерение доли охвата детей детскими учреждениями. Например, пособия и отпуска для матерей и отцов детей младше 3-х лет влияют на любые попытки измерить такого рода охват. Дети старше 6-ти лет часто охвачены школьными или дошкольными учреждениями. Поэтому чтобы получить наименее искаженную оценку, мы рассматриваем только детей от 3 до 6 лет. Категория универсальности не так проста, как может показаться на первый взгляд. Ведь нет такой цели – и никогда не было – поместить всех детей в детские учреждения. Поэтому вместо того, чтобы в качестве интервальной шкалы использовать процентный охват от 0 до 100, мы используем точку качественного перегиба: 80% означает полное соответствие, 20% – полное несоответствие. Достаточно высокий уровень отсева (80%) позволит учесть сравнительно высокий уровень участия на рынке труда скандинавских матерей и бабушек, которые традиционно занимаются воспитанием детей.
- *Качество* заботы о детях можно измерять различными способами. В американских исследованиях в качестве одного из основных параметров, определяющих благополучие детей и их дальнейшие успехи, называется число детей, приходящихся на одного сотрудника детского учреждения [Howes 1997; Peisner-Feinberg and Burchinal 1997]. Другие оценки качества, например, образование сотрудников, оказывались не доступны за весь период исследования и для всех стран. То, какое число детей на одного сотрудника свидетельствует о хорошем или плохом качестве

заботы о детях, зависит от возраста и иных характеристик детей. Однако для детей в возрасте 3-6 лет соотношение, когда на одного сотрудника приходится менее 3 детей, несомненно свидетельствует о высоком качестве заботы, а более 9 – о низком [Brazelton 1992]. Менее 6 детей на одного сотрудника – это признак хорошего качества заботы о детях.

В таблице 2 приводятся эти эмпирические индикаторы и их соответствие интервалам нечеткого набора для сферы поддержки детей и семьи, а также двух других социальных сфер: мер по решению проблем, связанных с безработицей, и социальной помощи пожилым [подробную информацию см.: Kvist 1999].

Большая часть материала получена на основе проводимых в настоящее время международных исследований социальной защиты «Социальная безопасность в скандинавских странах» [NOSOSCO/NOSOSCO 1992, 1995, 1996, 1997, 1998] и «Элементы социальной безопасности» [Hansen 1997, 1998].

Таблица 2. Уточнение эмпирических индикаторов и перевод данных в интервалы нечеткого набора и вербальные оценки

Сфера	Эмпирический индикатор	Полностью соответствует	Почти полностью соответствует	В достаточной степени соответствует	Более или менее соответствует	Промежуточное положение	Более или менее не соответствует	Скорее не соответствует	Почти совсем не соответствует	Совершенно не соответствует
		1,00	0,83–0,99	0,67–0,82	0,51–0,66	0,50	0,33–0,49	0,17–0,32	0,1–0,16	0,00
Семья	<i>Щедрость</i> измеряется как среднее увеличение чистого доступного дохода, поступившего в результате семейных пособий (%)	≥ 6,00	5,20–5,99	4,40–5,19	3,60–4,39	3,50–3,59	2,80–3,49	2,10–2,79	1,40–2,09	< 1,40
	<i>Универсальность</i> измеряется как доля детей в возрасте 3-6 лет, охваченных услугами детских учреждений (%)	> 80	71–80	61–70	51–60	50	40–49	30–39	20–29	< 20
	<i>Качество</i> измеряется соотношением числа детей и сотрудников в детских учреждениях	< 3,00	3,00–3,99	4,00–4,99	5,00–5,99	6,00	6,01–7,00	7,01–8,00	8,01–8,99	≥ 9,00
Безработные	Индекс <i>доступности</i> страхового пособия по безработице ^a (0 – 100)	> 86	75–86	68–74	51–62	50	40–49	30–39	20–29	< 20
	<i>Щедрость</i> измеряется как средний уровень замещения пособия по безработице (%)	> 85,0	75,0–85,0	63,0–74,9	51,0–62,9	50,0–50,9	40,0–49,9	30,0–39,9	20,0–29,9	< 20,0
	Индекс <i>качества</i> политики занятости ^b	< 12,0	12,1–18,0	18,1–26,0	26,1–36,0	36,1–37,0	37,1–49,0	49,1–61,0	61,1–73,0	> 73,0
Пожилые	<i>Универсальность</i> пенсий по старости ^c	Универсальная	–	–	–	Избирательная	–	–	–	Остаточная
	<i>Щедрость</i> измеряется как средний уровень замещения государственных пенсий по возрасту (%)	≥ 65,00	60,00–64,99	54,00–59,99	46,00–53,99	45,00–45,99	37,00–44,99	28,00–36,99	18,00–27,99	< 18,00
	Индекс интенсивности социальной заботы о престарелых ^d	≥ 45,0	40,0–44,9	34,0–39,9	27,0–33,9	26,0–26,9	19,0–25,9	13,0–18,9	8,0–12,9	< 8,0

Примечания

^a Сложный индекс, основанный на критериях охвата и размещения, а также требованиях для возможности повторного получения статуса для страхования по безработице.

^b Сложный индекс, рассчитываемый на основе уровне относительной и абсолютной безработицы среди молодежи.

^c Универсальность оценивается согласно критериям охвата и размещения государственных основных и дополнительных пенсий по возрасту, выводится трихотомия (универсальная, избирательная, остаточная).

^d Сложный индекс, рассчитываемый на основе доли престарелых, получающих помощь на дому или живущих в учреждениях для престарелых.

Поддержка семьи

Универсальные семейные пособия не являются уникальной особенностью скандинавских стран, поэтому в качестве определяющей особенности скандинавской модели мы будем рассматривать лишь щедрость, а не универсальность денежных пособий. Однако наиболее яркая особенность скандинавской модели поддержки семьи и детей связана со сферой услуг в области социальной защиты семей – с тем, как именно предоставляется помощь по уходу за детьми или, точнее, как описывается ее идеальный тип. Идеал заботы о детях в скандинавских странах можно описать как государственную поддержку – и, возможно, даже гарантию – универсальной помощи по уходу за ребенком, характеризующейся высоким качеством и опирающейся на солидарность. Идеал универсальности услуг предполагает, что каждый гражданин, независимо от его потребностей или заслуг, может получить помощь по уходу за детьми. Солидарность в этом случае означает наличие механизмов, позволяющим низкодоходным группам получать доступ к таким услугам. Высокое качество означает, например, что детские учреждения – это не просто место, где можно «припарковать» детей на время, пока родители на работе, но и интенсивная социализация.

В терминах теории нечеткого набора скандинавская социальная модель семейной поддержки имеет следующую идеальную позицию: щедрость*универсальность*качество. В таблице 2 приводятся эмпирические индикаторы и их соответствие значениям соответствия нечеткому набору. В таблице 3 показано соответствие скандинавских стран различным аспектам (наборам) скандинавской модели поддержки семьи. Для простоты изложения мы выбрали три ключевых момента: 1990–1991, 1993–1994 и 1996–1997 гг.

Таблица 3. Использование теории нечеткого набора для оценки соответствия скандинавских стран скандинавской модели поддержки семьи и детей, 1990–1997 гг.

Страна	Год	Щедрость денежных пособий (Щ)	Универсальность услуг по уходу за детьми (У)	Качество услуг по уходу за детьми (К)	Скандинавская модель поддержки семьи и детей (Щ*У*К)
Дания	1990–1991	0,56	0,94	0,53	0,53
	1993–1994	0,64	0,94	0,70	0,64
	1996–1997	0,65	1,00	0,70	0,65
Финляндия	1990–1991	–	0,63	0,66	0,63
	1993–1994	1,00	0,51	0,62	0,51
	1996–1997	0,82	0,70	0,62	0,62
Норвегия	1990–1991	–	0,61	0,74	0,61
	1993–1994	–	0,67	0,74	0,67
	1996–1997	–	0,67	0,74	0,67
Швеция	1990–1991	0,88	0,72	0,70	0,70
	1993–1994	0,79	0,70	0,62	0,62
	1996–1997	0,50	1,00	0,62	0,50

Примечания: К сожалению, нет данных о щедрости поддержки в Норвегии, а также щедрости поддержки в 1990–1991 гг. и качестве услуг по уходу за детьми в 1996–1997 гг. в Финляндии. Тем не менее, вероятнее всего отсутствие данных о щедрости поддержки в Норвегии не повлияло на оценку соответствия этой страны скандинавской модели поддержки семьи и детей, поскольку минимальное значение скорее всего здесь в области универсальности услуг по уходу за детьми. Предполагается, что данные о качестве услуг по уходу за детьми за 1996–1997 гг. остались на том же уровне, что и за 1993–1994 гг. Однако это смелое утверждение, учитывая существенное увеличение числа детских учреждений, что, вероятно, повлекло за собой некоторый компромисс с качеством, измеряемым как соотношение количества детей и количества работников.

Щедрость денежных пособий

В 1990 г. социальная система Дании из всех скандинавских стран была наименее щедрой. В 1991 г. объем семейных пособий был увеличен, а пособие на детей продлено: возрастное ограничение поднялось с 3 до 6 лет. В 1990-е годы произошли и другие положительные изменения, и в результате к 1997 г. Дания приблизилась к уровню «достаточно щедрой», обогнав в этом отношении в 1996 г. Швецию. Однако последнее оказалось в большей степени связано с сокращением объемов пособий в Швеции, нежели с улучшением датской системы.

В 1994 г. Финляндия была «полностью щедрой» в своей поддержке семьи и значительно превосходила в этом отношении другие скандинавские страны. Семейные пособия не подверглись общей тенденции сокращения, имевшей место в сфере социальной защиты в начале 1990-х годов. В 1994 г. объем пособий был даже существенно увеличен (примерно на 40%), при этом денежное пособие изменилось: вместо налоговых льгот оно стало выплачиваться напрямую, родителям-одиночкам выплачивалась дополнительная сумма. В 1994–1995 гг. семейное пособие номинально не изменялось, что повлекло за собой некоторый спад в уровне щедрости. В 1996 г. объем пособий был существенно сокращен и не индексирован на следующий год. Несмотря на переход от уровня «полностью щедрой» к уровню «достаточно щедрой» Финляндия остается наиболее щедрой скандинавской страной в сфере поддержки семьи.

Швеция была почти «полностью щедрой» в сфере поддержки семьи в начале 1990-х годов. Хотя основными элементами так называемого «кризисного пакета» являлись сокращения бюджетов социальных программ, семейные пособия увеличились фактически в два раза в рамках реформы налогов/льгот 1991 г. Однако до 1995 г. основное пособие на детей оставалось номинально неизменным и составляло 9 тыс. шведских крон на ребенка в год. Дополнительные пособия для многодетных семей были сокращены сначала в 1994 г., затем еще более – в 1995 г. и совсем прекращены для новых реципиентов в 1996 г. В результате этих сокращений в 1997 г. Швеция оказалась в промежуточной позиции, когда ее нельзя отнести ни к щедрым, ни к не-щедрым странам в сфере поддержки семьи.

Универсальность услуг по уходу за детьми

В 1990 г. услуги по уходу за детьми 3-6 лет были в Дании почти «полностью универсальными»; в 1996 г. они стали «полностью универсальными». Однако, несмотря на их политический приоритет и соответствующие активные дискуссии, на протяжении 1990-х годов в этой сфере сохранялись очереди, особенно в сфере услуг по уходу за младенцами и детьми, начинающими ходить. Отчасти это объясняется тем, что в Дании, как и в других скандинавских странах, помощь по уходу за ребенком является сферой ответственности местных правительств, муниципалитетов. Восприняв угрозы центрального правительства и его обещания предоставить дополнительные пособия, а также – что, возможно, более важно, – привлечь семьи, которые являются потенциальными налогоплательщиками, и предотвратить их миграцию, муниципальные власти совершили огромный рывок и с 1990 по 1996 гг. охватили такой помощью 68 тыс. детей в возрасте 0-6 лет. Тем не менее, рост рождаемости и снижение уровня безработицы вызвали повышенный спрос на услуги по уходу за детьми, который лишь отчасти удовлетворялся введенными в 1994 г. (правда, впоследствии они постепенно сокращались) усовершенствованными схемами отпусков. Таким образом, несмотря на существенное расширение сферы услуг по уходу за детьми и введение гарантии таких услуг в большинстве муниципалитетов, численность очередей на них сократились всего лишь с 16 тыс. человек в 1996 г. до 12 тыс. в 1998 г.

В Финляндии некоторое время существовала гарантия услуг по уходу за детьми: муниципалитеты были обязаны тогда предоставлять возможность ухода за детьми младше 3

лет. Однако в 1990 г. позиция Финляндии на шкале универсальности оценивалась лишь как «более или менее универсальная». По мере роста безработицы в последующие годы доля детей, охваченных детскими учреждениями, а вместе с ней и степень универсальности этой помощи стремительно падали. Отчасти это было связано с тем, что в целях экономии безработные предпочитали сами ухаживать за своими детьми; отчасти – с тем, что муниципальные власти запрещали безработным родителям пользоваться услугами по уходу за детьми, чтобы они могли экономить деньги в трудные времена. Исключение безработных из категорий лиц, имеющих доступ к социальным услугам, совершенно противоречит идее солидарности, ассоциируемой с идеальным типом скандинавской социальной модели. Это явление наблюдалось не только в Финляндии, но и во многих муниципалитетах других скандинавских стран.

Парадоксально, но увеличению степени универсальности и солидарности системы помощи по уходу за детьми в Финляндии, возможно, способствовали работы экономистов о мотивации труда и ловушках безработицы. По крайней мере, они призывали к расширению масштаба и увеличению гибкости системы услуг по уходу за детьми, и за словами следовало действие. В 1996 г. гарантии услуг по уходу за детьми распространились на всех детей в возрасте до 7 лет, что привело к существенному увеличению числа детей, охваченных детскими учреждениями: с 1995 по 1996 г. их стало больше примерно на 27 тыс. Семьи также могут получать пособие по уходу за детьми на дому, и в 1996 г. 55% семей с детьми в возрасте от 9 месяцев до 3 лет воспользовались этой возможностью – несмотря на 23-процентное сокращение размера данного пособия в этом году. В 1997 г. реформа была нацелена на увеличение гибкости и интенсивности использования услуг по уходу за детьми. Отчасти в результате этих мер позиция Финляндии на шкале универсальности постепенно улучшалась, и к 1997 г. она достигла уровня «достаточно универсальной» страны.

В Швеции с 1990 по 1997 г. доля детей, охваченных услугами детских учреждений, увеличилась на 45%, или 145 тыс. детей в возрасте 0-6 лет. Это значительное увеличение является результатом существенного распространения детских учреждений и аналогичных мест в сочетании с уменьшением ограничений на частные услуги по уходу за детьми. Позиция Швеции на шкале универсальности также существенно улучшилась с «достаточно универсальной» в 1990 г. до «полностью универсальной» в 1997 г. Как и Финляндия, Швеция предоставила работающим или учащимся родителям право на услуги по уходу за ребенком в течение дня, правда, условия для работающих и безработных родителей в разных муниципалитетах могут быть различными.

В Норвегии число детей в возрасте 0-6 лет, охваченных услугами детских учреждений, значительно (примерно на 38%) увеличилось с 1990 по 1996 г., прежде всего за счет услуг по уходу за младенцами и детьми, начинающими ходить. Тем не менее, доля детей, охваченных услугами детских учреждений, остается относительно небольшой. Нынешнюю позицию Норвегии на шкале универсальности можно описать как «достаточно универсальную». Это объясняется рядом факторов. Высокий уровень рождаемости вызвал повышенный спрос на эти услуги, в то время как расширение схем отпусков по уходу за ребенком и введение так называемого «учета времени» [time account] (возможность сокращения рабочего времени за счет сокращения отпуска по уходу за ребенком на период от 6 до 29 недель из 42 недель с полным сохранением зарплаты) уменьшили спрос на них. Другой фактор может быть связан с тем, что процесс передачи детей из рук матерей и бабушек под опеку соответствующих институтов шел не так интенсивно, как в 1960-е и 1970-е годы в Дании и Швеции. Более того, в 1998 г. была введена система пособий по уходу за ребенком на дому родителям, не прибегающим к услугам детских учреждений. В целом, Норвегия – пожалуй, самая традиционная из скандинавских стран – предпринимала довольно значительные шаги, призванные улучшить возможности родителей заботиться о своих детях, а также пользоваться услугами детских учреждений.

Качество услуг по уходу за детьми

Ни об одной из скандинавских стран нельзя сказать, что она целиком принадлежит к группе стран с высоким уровнем качества услуг по уходу за детьми, если измерять последний на основе соотношения числа детей и сотрудников детских учреждений. По этой шкале Дания переместилась от позиции «более или менее качественной» в 1990 г. к «достаточно качественной» в 1993 г., соотношение детей и сотрудников при этом уменьшилось с 5,8 до 4,7. В этот же период позиция Финляндии изменилась к худшему: данное соотношение увеличилось с 5 до 5,2. Несмотря на то, что ее позицию можно описать лишь как «достаточно качественную», Норвегия характеризуется наиболее высоким среди скандинавских стран уровнем качества услуг по уходу за детьми: в 1990 и 1993 г. рассматриваемое соотношение составило 4,5. Швеция сместилась с позиции «достаточно качественной» к «более или менее качественной». К сожалению, за 1996-1997 гг. данных нет, однако представляется маловероятным, что качество услуг по уходу за детьми, измеряемое как соотношение числа детей и сотрудников детских учреждений, могло увеличиться в период столь масштабного расширения этой сферы. Скорее можно предположить, что в стремлении увеличить количество детских учреждений качеством приходилось жертвовать в целях универсальности, и в результате оно оказывалось ниже удовлетворительного уровня.

Соответствие скандинавской модели поддержки семьи

В 1990-е годы в скандинавских странах произошли значительные изменения в сфере поддержки семьи и детей в отношении щедрости семейных пособий, универсальности и избирательности услуг по уходу за детьми. Однако описанные выше изменения ни в одной стране не привели к тому, чтобы она в результате оказалась не соответствующей скандинавской модели семейной поддержки, хотя Швеция и занимает промежуточную позицию, в то время как в 1990 г. она «лидировала». Швеция и Дания поменялись местами в этом отношении. Норвегия продемонстрировала большую стабильность, тогда как Финляндии удалось догнать остальные страны (поначалу она находилась под сильным воздействием экономического кризиса). При этом ни одна из скандинавских стран не близка к идеальной скандинавской модели.

Почти все скандинавские страны пережили всплеск борьбы в сфере услуг по уходу за детьми. В 1990-е годы во всех четырех странах произошло значительное увеличение числа детских учреждений, однако – в силу одновременного повышения уровня рождаемости, роста безработицы и введения новых или расширения старых схем отпусков по уходу за ребенком, а также возможностей домашних и частных услуг в этой сфере – это не привело к соответствующему повышению уровня универсальности. Тем не менее, универсальность – это единственный аспект, в отношении которого позиции всех описываемых стран улучшились, причем Дания и Швеция стали «полностью универсальными» в сфере услуг по уходу за детьми. Платой за это стало, однако, снижение качества этих услуг. Дания является единственной страной, в которой соотношение числа детей и сотрудников детских учреждений несколько изменилось к лучшему, при этом она является страной с наименьшей долей подготовленного персонала – что также свидетельствует о качестве услуг. Очевидно, что все четыре страны должны предпринять определенные шаги, прежде чем их можно будет назвать «полностью качественными» в сфере услуг по уходу за детьми.

В целом, модели социальной реформы в данных четырех странах различны. Несмотря на существенные сокращения семейных пособий Финляндия по-прежнему остается наиболее щедрой из скандинавских стран. Дания и в меньшей степени Норвегия, в общем, улучшили свои показатели в сфере поддержки семьи и детей. Наиболее жесткие и заметные сокращения имели место в Швеции и в меньшей степени в Финляндии, особенно в отношении семейных пособий. Однако все четыре страны при этом вводили новые или улучшали старые схемы пособий и услуг по уходу за ребенком, а также стремились

улучшить показатель «универсальности» этих услуг. Иными словами, во всех четырех странах мы наблюдаем как отступление, так и продвижение. Наконец, отметим, что модели социальной реформы не дают никаких четких указаний на полное слияние или полное расхождение национальных систем семейной поддержки в отношении щедрости, универсальности или качества.

Меры, связанные с решением проблем безработицы

На уровне идеального типа скандинавская модель решения проблем безработицы ассоциировалась с доступными и щедрыми денежными пособиями в сочетании с вниманием к политике занятости – например, активным программам развития рынка труда (ALMP) высокого качества. В основе этой модели лежит солидарность с безработными. Безработных не следует виктимизировать более того, чем они уже виктимизированы, что означает доступные и щедрые пособия. Помощь государства призвана содействовать их выходу на рынок труда посредством соответствующих программ (ALMP) и других мероприятий с аналогичными целями. Точно так же, все четыре аспекта в данном случае опираются на аргументы эффективности: если говорить коротко, то щедрость скандинавской модели была бы невозможна без высокого уровня экономической активности. При этом нет согласия относительно желанности или эффективности данной модели для решения проблем безработицы, равно как и относительно тех или иных конкретных программ в этой сфере.

Для наших целей, однако, достаточно выделить три конституирующие черты модели: доступные и щедрые денежные пособия, а также высококачественную политику занятости. В терминах теории нечеткого набора скандинавская модель решения проблем безработицы описывается следующим образом: доступность*щедрость*качество. В таблице 4 показано соответствие скандинавских стран этому идеальному типу.

Таблица 4. Использование теории нечеткого набора для оценки соответствия скандинавских стран скандинавской модели решения проблем безработицы, 1990–1997 гг.

<i>Страна</i>	<i>Год</i>	<i>Доступность денежных пособий (А)</i>	<i>Щедрость денежных пособий (Щ)</i>	<i>Качество политики занятости (К)</i>	<i>Скандинавская модель решения проблем безработицы (А*Щ*К)</i>
Дания	1990–1991	1,00	0,88	0,87	0,87
	1993–1994	1,00	0,87	0,97	0,87
	1996–1997	0,74	0,80	1,00	0,74
Финляндия	1990–1991	0,92	–	0,87	0,87
	1993–1994	0,65	0,79	0,43	0,43
	1996–1997	0,72	0,76	0,54	0,54
Норвегия	1990–1991	1,00	–	0,70	0,70
	1993–1994	1,00	–	0,67	0,67
	1996–1997	0,96	–	0,64	0,64
Швеция	1990–1991	1,00	1,00	0,81	0,81
	1993–1994	1,00	0,97	0,59	0,59
	1996–1997	1,00	0,85	0,69	0,69

Примечания: К сожалению, нет данных о щедрости Финляндии в этой сфере в 1990-1991 гг. и Норвегии в целом. Однако маловероятно, что они повлияли бы на нашу оценку соответствия Норвегии скандинавской модели, поскольку минимальное значение в ее случае связано, по всей видимости, не с щедростью денежных пособий, а в качеством политики занятости.

Доступность денежных пособий

В 1990 г. все скандинавские страны характеризовались «полностью доступными» схемами страхования по безработице, за исключением Финляндии, в которой, впрочем, эти схемы оценивались как «почти полностью доступные». К 1997 г. Дания спустилась на уровень «достаточно доступной» в результате действия новой «стратегии активации» в своей политике решения проблем безработицы, инициированной в конце 1980-х годов и получившей новый толчок в период реформ рынка труда в 1994 г. и позднее. После 1994 г. участие индивидов в программах обучения и сетях распространения информации о вакансиях уже не является основанием для повторного получения пособия по безработице. Прежний механизм представлял собой практически круговорот: безработные, рискуя лишиться своего пособия, получали предложение о работе, которое в свою очередь позволяло им снова получить статус безработного на следующий период. Таким образом, разрешение в 1994 г. максимального 7-летнего периода безработицы на самом деле оказалось сокращением прежнего возобновляемого 2,5-летнего периода. Какое-то время ситуация здесь была, пожалуй, наиболее мягкой среди западных социальных государств с точки зрения требований к продолжительности периода занятости, однако в 1997 г. она изменилась: теперь работать необходимо в течение трех лет как минимум 52 недели – вместо прежних 26.

Страхование по безработице в Финляндии являлось «почти полностью доступным» в 1990 г. несмотря на то, что оно не охватывало самозанятых. В 1992 г. оно стало «более или менее доступным», поскольку участие в активных программах развития рынка труда перестало считаться поводом для возобновления периода получения пособия. В 1995 г. эта система охватила и самозанятых. А в 1997 г. минимальный период занятости для права получения пособия по безработице был увеличен с 6 до 10 месяцев, а минимальный период занятости для получения статуса безработного – с 26 до 43 недель в течение двух лет. В результате, финское страхование по безработице опустилось на уровень «достаточно доступного».

Что касается норвежской системы страхования по безработице, то здесь не было никаких существенных изменений, которые повлекли бы за собой отклонение от положения «полной доступности»; правда, в 1997 г. был повышен уровень прежнего заработка, необходимый для получения страховки. Швеция сохранила «полностью доступную» систему страхования по безработице. Это более удивительно, чем в случае Норвегии, если учесть весьма различное экономическое развитие этих двух стран. В 1994 г. необходимый минимальный период занятости (труда) был увеличен с 4 до 5 месяцев в год. Однако понятие труда в шведской системе все еще весьма широко и включает участие в программах по развитию рынка и труда и отпускных схемах.

Щедрость денежных пособий

Дания являлась «полностью щедрой» в 1990 и 1993 г. и «достаточно щедрой» в 1997 г. Незначительные различия в уровне замещения пособий, происходящие с течением времени, являются преимущественно функцией развития реальной заработной платы и изменений в налоговой системе; правда, уровень пособий для молодых реципиентов в целом сократился наполовину в 1996 г. Финляндия и Швеция проводили более последовательную политику сокращения пособий. В Финляндии в силу недостаточной индексации и посредством уменьшения базы для расчета объема пособий это происходило незаметно. Тем не менее, и в 1994, и в 1997 г. Финляндия оставалась «достаточно щедрой». В Швеции сокращения оказались более заметными на фоне постепенного уменьшения соотношения заработка и коэффициента замещения с 90 до 75% (сейчас это соотношение составляет 80%). В результате с позиции «полностью щедрой» в 1990 г. Швеция опустилась до позиции «почти полностью щедрой» в 1997 г.

Качество политики занятости

Качество этой политики измеряется здесь как успешность удержания на низком уровне безработицы среди молодежи, как в абсолютных показателях, так и по отношению к общему уровню безработицы. Измеряемое таким образом, качество датской политики занятости поднялось с позиции «почти полностью качественной» в 1990 г. до позиции «полностью качественной» в 1997 г. Это связано прежде всего с относительно низким уровнем отношения молодых безработных к общему числу безработных (оно составляет примерно 1,4:1, т.е. 1,4 безработных в возрасте 16-24 лет на каждого безработного в целом), а также с сокращением уровня безработицы среди молодежи с 14% в 1993 г. до примерно 10% после 1994 г. Отчасти это объясняется начатой в 1994 г. реформой рынка труда, нацеленной на выработку «особого подхода» к молодежи.

Качество финской политики занятости было обусловлено жесткими условиями кризиса начала 1990-х годов. С позиции «почти полностью качественной» в 1990 г. она опустилась до «более или менее не качественной» в 1993 г. И хотя эта политика впоследствии улучшилась, к 1997 г. она все равно остается на уровне «более или менее качественной». Конечно, это связано с огромным давлением, вызванным обвалом безработицы. Несмотря на новые стратегии по проведению активных программ развития рынка труда, она оказалась не просто трудностями роста. К 1996 г., однако, масштаб программ в отношении молодежи расширился, охватив 11,8% молодых людей в возрасте 16-24 лет; в Дании и Норвегии эта доля составляет соответственно 10,9 и 4,2%. Аналогично, доля молодежи в общей численности безработных упала с 2:1 в 1990 г. до 1,7:1 в 1996 г.

Норвежская политика занятости являлась в 1990 г. «почти полностью качественной», однако к 1997 г. ухудшилась, став «более или менее качественной». Отчасти это объясняется увеличением доли молодежи в общей группе безработных. Позицию Норвегии следует анализировать на фоне ее недавно возникшего внимания к так называемой концепции «трудовой линии» [work line]. Согласно этой линии, приоритет следует отдавать борьбе с безработицей и незанятостью посредством интенсификации усилий по проведению программ ALMP и выделения так называемых «пассивных» пособий из числа денежных пособий на основании трудовой или иной деятельности. Удивительно сходство с датской «активной линией» [active line]. Однако до сих пор норвежская линия не была такой успешной, как датская – возможно, потому, что меры принимались скорее на словах, нежели на деле. Реформа 1994 г. – среди ее основных инициатив, и она дает право на обучение и образование только индивидам моложе 20 лет, тем самым дополняя Молодежную гарантию [Youth Guarantee], предлагающую особые схемы на рынке труда для остальной молодежи.

В целом, Швеция имеет более долгую традицию активных программ по развитию рынка труда, чем ее скандинавские соседки. Тем не менее, качество шведской политики занятости также попало под удар во время кризиса начала 1990-х: с позиции «почти полностью качественной» она сместилась до уровня «более или менее качественной», когда уровень безработицы среди молодежи поднялся с рекордно низких 3,7% в 1990 г. до 18,4% в 1993 г. Уровень безработицы среди молодежи несколько снизился в 1996 г. – до 15,7%, отношение численности безработной молодежи к общему числу безработных также снизилось: с 2,5:1 в 1990 г. до 1,9:1 в 1996 г. В результате к 1997 г. качество политики занятости поднялось до уровня «достаточно качественной».

Соответствие скандинавской модели решения проблем безработицы

В 1990-е годы произошли значительные изменения в отношении доступности и щедрости денежных пособий, а также качества политики занятости. Бросается в глаза, что Финляндия потеряла свое место в клубе стран, развивающихся по скандинавской социальной модели, когда в начале 1990-х годов ее меры по решению проблем безработицы были обезоружены

сильным экономическим кризисом. Однако в настоящее время она практически восстановила прежние позиции. Швеция также пережила довольно сложные времена после своего экономического кризиса, однако занимает позицию «достаточно соответствующей» скандинавской модели. Норвегия и Дания демонстрируют более стабильное соответствие. Тем не менее, все скандинавские страны пережили период отклонения от скандинавской модели.

Швеция и Норвегия характеризовались в это время «полностью доступными» и «почти полностью доступными» денежными пособиями, однако реформы рынка труда, начатые в 1994 г., и в частности уточнения понятия труда и ужесточение требований к нему привели Данию на уровень «достаточной доступной» в 1997 г. Введя более жесткую интерпретацию понятия труда и следуя примеру других скандинавских стран, включивших самозанятых в сферу действия этой политики, к 1997 г. Финляндия стала в этом отношении «достаточно доступной», как и Дания.

Щедрость денежных пособий в целом уменьшилась (о Норвегии нет данных). Тем не менее, денежные пособия по-прежнему остаются «полностью щедрыми» в Швеции и «достаточно щедрыми» в Дании и Финляндии. Кризис в Финляндии и Швеции поставил неразрешимые задачи перед политикой занятости, в частности в отношении молодежи. Эти страны не сумели удержаться на прежнем уровне качества, измеряемом как способность справляться с высоким относительным и абсолютным уровнем безработицы среди определенных групп населения. Дания является единственной скандинавской страной, которая продемонстрировала улучшение в этой сфере, и ее опыт может подсказать определенный компромисс или направления изменения отношений между доступностью денежных пособий и качеством политики занятости – возможно, побуждая переосмыслить скандинавскую модель решения проблем безработицы.

Социальная помощь престарелым

Пенсии по возрасту можно считать основой скандинавской социальной модели, поскольку, как правило, именно они внедряются в первую очередь, забирают львиную долю социальных расходов государства и потенциально влияют на все население. Универсальность пенсий по возрасту в сочетании с относительной щедростью пособий обычно считается особенностью скандинавской модели. Аналогично, социальная помощь престарелым должна быть доступна для всех, кто в ней нуждается, независимо от предыдущей работы и трудового вклада. Социальная помощь обеспечивает самостоятельность пожилым людям и их родным. В целом, идеал скандинавской модели социальной помощи престарелым – это щедрые универсальные пенсии по возрасту в сочетании с развитыми социальными услугами. В терминах теории нечеткого набора идеальный тип такой позиции описывается следующим образом: универсальная*щедрая*интенсивная. В таблице 5 показано, насколько скандинавские страны соответствуют данной модели в этих отношениях.

Универсальность денежных пособий

Все скандинавские страны сохранили универсальность системы денежных пособий престарелым. Сегодня, как и в начале 1990-х годов, всем гражданам гарантирована минимальная пенсия. Однако эта устойчивость скрывает внутреннюю реструктуризацию национальных пенсионных систем и изменение роли основных и дополнительных типов пенсий.

Таблица 5. Использование теории нечеткого набора для оценки соответствия скандинавских стран скандинавской модели социальной помощи престарелым, 1990–1997 гг.

Страна	Год	Универсальность денежных пособий (У)	Щедрость денежных пособий (Щ)	Развитость социальных услуг (Р)	Скандинавская модель решения проблем безработицы (У*Щ*Р)
Дания	1990–1991	1,00	0,73	0,96	0,73
	1993–1994	1,00	0,73	0,89	0,73
	1996–1997	1,00	0,63	0,91	0,63
Финляндия	1990–1991	1,00	0,82	0,80	0,80
	1993–1994	1,00	0,82	0,62	0,62
	1996–1997	1,00	0,72	0,56	0,56
Норвегия	1990–1991	1,00	–	0,81	0,81
	1993–1994	1,00	–	0,81	0,81
	1996–1997	1,00	–	0,85	0,85
Швеция	1990–1991	1,00	0,83	0,64	0,64
	1993–1994	1,00	0,80	0,58	0,58
	1996–1997	1,00	0,69	0,66	0,66

Примечания: К сожалению, нет данных о щедрости Норвегии. Уровень щедрости Финляндии в 1990–1991 гг. установлен на уровне 1993–1994 гг.

В Дании реформа налогов/льгот 1994 г., помимо прочего, сопровождалась введением системы расчета базовой государственной пенсии на основе заработка. Более важно то, что реформа увеличила относительный размер дополнений к государственной пенсии, подлежащих проверке на выявление других пенсионных доходов; тем самым сложился скрытый механизм, призванный отчасти смягчить эффект так называемой «демографической бомбы замедленного действия». Будущие пенсионеры, которые получают основной доход от дополнительной пенсии, основанной на коллективных соглашениях, будут получать государственную пенсию меньшего размера. Не исключено, что произошедшее в последнее время распространение таких коллективных соглашений также повлияет на структуру будущей датской пенсионной системы.

Финская пенсионная система включает государственную минимальную пенсию по возрасту и так называемую «трудовую» (дополнительную) пенсию, не имеющую каких бы то ни было ограничений по размеру. Введением проверки доходов по всей системе государственных пенсий Пенсионная реформа 1996 г. усилила роль государственной пенсии по возрасту, предоставив лишь минимальную пенсию индивидам с доходами ниже среднего на базе трудовой пенсии, что, в свою очередь, позволяет обеспечить поддержание привычного уровня жизни.

Гарантированная минимальная пенсия в Норвегии включает государственную базовую пенсию и специальное дополнение для индивидов, которые не имеют доходов или доходы которых от дополнительной пенсии незначительны. Есть также добавления для супругов и детей. Право на дополнительную пенсию, отражающую уровень заработков, имеют право индивиды, которые по крайней мере три года участвовали в программах страхования.

Шведская пенсионная система также включает также базовую и дополнительную пенсии. Базовая пенсия, в свою очередь, состоит из основной суммы и дополнительной, обе они рассчитываются по отношению к так называемой «базовой сумме» в шведском социальном страховании. Дополнительная пенсия отражает уровень прежних доходов. Однако Пенсионная реформа 1994 г. постепенно изменит шведскую пенсионную систему, и она станет в большей степени отражать прежний вклад индивида, нежели будет являться выраженной системой льгот [см.: Palmer 1998].

Щедрость денежных пособий

Модели щедрости пенсий по возрасту также удивительно схожи во всех скандинавских странах: к концу рассматриваемого периода они стали несколько менее щедрыми, по крайней мере если использовать выбранный здесь способ измерения. Датские пенсии сместились от уровня «достаточно щедрых» в 1990 г. к «более или менее щедрым» в 1997 г. Основная причина этого не столько в изменениях в законодательстве, сколько в увеличении реальной заработной платы, которому – в результате действия датского механизма индексации – не вполне соответствует увеличение объема пособий. Действительно, чтобы государственные основные пенсии по возрасту стали на самом деле подлежащими налогообложению, нынешним пенсионерам была предложена более чем щедрая компенсация во время реформы налогов/льгот 1994 г.

Финские пенсии сейчас стали несколько менее щедрыми, чем в 1994 г., однако в оба периода их можно охарактеризовать как «достаточно щедрые». Это развитие в значительной степени объясняется Пенсионной реформой 1996 г., сократившей щедрость пенсий четырьмя путями. Во-первых, она изменила систему индексации трудовых пенсий в оплате: соотношение зарплаты и цен вместо 50:50 стало 20:80, что привело к постепенному сокращению щедрости относительно увеличения реальной заработной платы. Во-вторых, при установлении размера трудовой пенсии будут учитываться последние 10 лет, а не 4 года, при этом будет возможность не учитывать максимум одну треть лет, когда уровень зарплаты был ниже среднего. В-третьих, происходит постепенное вытеснение дополнений к государственной пенсии. В-четвертых, как уже говорилось, государственная пенсия стала целиком проверяться относительно доходов от других пенсий. Однако истинное влияние этих изменений станет понятным лишь с течением времени, так что в начале следующего тысячелетия финская пенсионная система будет не такой щедрой, как в 1990-е годы, особенно если учесть, что это время совпадет с выходом на пенсию людей, родившихся в период демографического взрыва [с 1946 по 1964 гг.].

В Норвегии дополнительные пенсии супругам и детям в 1991 г. стали проверяться на нуждаемость. На следующий год была введена проверка доходов, согласно которой пенсия и зарплаты не могут превышать предыдущего уровня доходов. В то же время процедуры расчета дополнительной пенсии были изменены таким образом, чтобы сделать максимальную возможную пенсию менее щедрой. Несмотря на недостаток индикаторов эти изменения нельзя рассматривать как сокращения в рамках более крупной системы. Они были более чем компенсированы исключительным, 18-процентным увеличением (на 1 тыс. норвежских крон) размера государственной пенсии в 1997 г.

Швеция характеризовалась «почти полностью щедрыми» пенсиями в 1990 г. Однако начиная с 1993 г. базовая пенсия рассчитывается уже на основании 98, а не 100% от базовой суммы. В качестве частичной компенсации была увеличена проверяемая на нуждаемость дополнительная часть базовой пенсии. Однако реальный уровень замещения [net replacement rates] сразу не упал, поскольку параллельно с 1992 по 1993 г. произошло номинальное сокращение заработной платы среднего рабочего в сфере производства. Индексация пенсий обратно пропорциональна дефициту государственного бюджета. По этой причине в 1995 и 1996 г. базовая сумма индексировалась не полностью, а лишь на 60% от увеличения цен. Однако эта 60-процентная индексация была продолжена и в 1996, и в 1997 г. несмотря на улучшение состояния государственного бюджета. В результате этих изменений Швеция переместилась с позиции «почти полностью щедрой» в сфере пенсий на позицию «достаточно щедрой». В 1999 г. базовая пенсия будет основана на 99% базовой суммы, а в 2000 г. – на 100%, т.е. вернется на докризисный уровень.

Развитость социальных услуг

В 1990-е годы Дания характеризовалась «почти полностью развитым» уровнем социальных услуг для престарелых, измеряемым как доля престарелых людей, живущих в специализированных домах гостиничного типа и домах для престарелых или являющихся реципиентами таких услуг на дому. С 1990 по 1997 г. доля населения старше 80 лет, живущего в таких институтах, несколько уменьшилась: с 24,6% до 22,6%, в то время как доля пожилых людей старше 67 лет, получающих такого рода услуги дома, оставалась стабильной на уровне чуть более 19%. За распространенным в 1980-е годы лозунгом «как можно дольше оставаться в собственном доме» скрывались определенные изменения, которые не отражены в этих цифрах. В частности, получатели различных типов социальной помощи стали старше и слабее, и произошло смещение в пользу помощи на дому и жизни в домах гостиничного типа, нежели специализированных домов для престарелых.

Финляндия пережила наиболее существенное сокращение объема социальной помощи престарелым по сравнению с другими скандинавскими странами. Имея в 1990 г. «почти полностью развитую» систему социальной помощи, к 1997 г. она сместилась на уровень «более или менее развитой». Прежде всего это связано с 50-процентным сокращением объема помощи на дому людям старше 65 лет: с 21,4% до 11,5%.

В Норвегии также произошло сокращение объема услуг, оказываемых пожилым людям на дому, но оно было менее значительным: с 19% в 1990 г. до 15,6% в 1996 г. Однако доля людей старше 80 лет, проживающих в специализированных учреждениях, увеличилась: с 20,7% до 25,1%. В результате позиция Норвегии на шкале развитости социальных услуг престарелых улучшилась: от «достаточно развитой» система стала «почти полностью развитой». Как и в Дании, здесь произошло смещение в пользу домов гостиничного типа и аналогичных типов жилья для престарелых. В 1997 г. норвежский парламент принял решение о значительных инвестициях в сферу социальной помощи престарелым. Начиная с 1998 г. государство будет выделять муниципалитетам средства на построение большего числа домов гостиничного типа, а также целевые субсидии для социальной работы.

Швеция на протяжении всего рассматриваемого периода характеризовалась «более или менее развитой» системой социальной помощи престарелым. Эти цифры скрывают увеличение доли престарелых людей, проживающих в домах гостиничного типа и специализированных учреждениях, а также сокращения объема помощи на дому. В рамках общей децентрализации системы социальной помощи, происходившей в 1990-1993 гг., муниципалитеты получили общую ответственность за долгосрочные услуги по уходу за престарелыми людьми. Одним из следствий этого является сокращение доли реципиентов помощи на дому в возрасте старше 65 лет: с 17,4% в 1990 г. до 11,3% в 1993 г., с тех пор их доля не менялась.

Сокращение в Дании доли индивидов, проживающих в специализированных учреждениях, и увеличение числа людей, проживающих в домах гостиничного типа и получающих помощь на дому, отражает процесс де-институционализации. Он не столь заметен, как в других скандинавских странах (все они пережили увеличение доли индивидов старше 80 лет в домах гостиничного типа и специализированных институтах), отчасти потому, что они начинали с более низкого уровня, чем Дания. Однако в этих странах произошло также сокращение объема услуг, оказываемых на дому, до уровня, который в Швеции и Финляндии составляет половину от уровня Дании. Это, в свою очередь, отчасти можно объяснить трудностями местного правительства в поиске необходимого финансирования для социальных услуг в тяжелые времена.

Соответствие скандинавской модели социальной помощи престарелым

В 1990-е годы произошел ряд изменений в отношении универсальности и щедрости пенсий, а также развитости системы социальной помощи. Однако не было таких отступлений от общей линии, которые привели бы к исключению той или иной страны из числа стран, следующих скандинавской модели социальной помощи престарелым (по крайней мере, в том виде, в какой она формулируется и измеряется в данной работе). Следовательно, изменения в данной социальной сфере являлись количественными, а не качественными. Наиболее неблагоприятные изменения пережили пожилые люди в Финляндии: здесь система социальной помощи престарелым сместилась с уровня «достаточно соответствующей» идеальной модели до «более или менее соответствующей». Дания также пережила некоторый спад в этом отношении, однако меньшего масштаба. Норвегия и Швеция, напротив, постепенно приближались к идеальной скандинавской модели. Сейчас Норвегия ближе всех подошла к скандинавской модели социальной помощи престарелым.

Универсальность осталась отличительной особенностью скандинавских пенсионных систем. Каждый гражданин или житель этих стран имеет право на минимальную пенсию по возрасту. Однако в случае людей, имеющих работу или значительные доходы от пенсий и других источников, происходил переход к ключевой роли государственной дополнительной пенсии вместо базовой пенсии. Это осуществлялось прежде всего посредством изменений в базовой пенсии – например, введением или распространением системы проверки на нуждаемость и/или более значительным относительным весом дополнительных пенсий. Вопрос о том, повлияет ли этот скрытый механизм на политическую экономию универсального характера пенсий, остается открытым.

В то же время данный переход к ключевой роли дополнительных пенсий привел к некоторому сокращению степени щедрости пенсий (правда, о Норвегии нет данных, и тенденция здесь может быть обратной). В настоящее время пенсии в Швеции и Финляндии находятся на уровне «достаточно щедрых», а в Дании – «более или менее щедрых». Если бы датские дополнительные пенсии, основанные на коллективных соглашениях, были включены в анализ, возможно, скандинавские страны продемонстрировали бы больше сходства между собой [см.: Øverbye 1996]. Однако говорить о сходстве трудно, если мы обращаемся к вопросу о развитости сферы услуг скандинавской модели социальной помощи престарелым. Здесь мы постоянно обнаруживаем существенные различия между скандинавскими странами, как в степени развития, так и в его направлении.

Инструментов изменения множество. Неполная индексация пенсий являлась распространенным способом уменьшить щедрость пособий; другой способ – введение или распространение проверки доходов и/или увеличение относительного объема проверяемых на доходы дополнительных пенсий. Эти технические инструменты незаметны рядовому человеку, их действие отложено, следовательно, у них нет незамедлительных отрицательных последствий, к тому же их объяснение требует времени [Pierson 1996]. Поэтому они не привлекают особого внимания, несмотря на то, что в средне- и долгосрочной перспективе позволяют экономить значительную часть государственного бюджета. Универсальность пенсий – в отличие от технических инструментов их расчета – не подвергалась изменениям, поскольку это сразу бросилось бы в глаза, оказалось болезненным для некоторых групп и легко вывело на конкретных политиков, ответственных за это. В сфере социальной помощи одним из способов экономить средства являлась децентрализация (или удержание) ответственности за нее на местном уровне, особенно в случае кризисной экономики в Финляндии и Швеции. В более зажиточных Норвегии и Дании средства перетекали на местный уровень для улучшения качества социальных услуг престарелых.

Если Финляндия хочет в большей степени соответствовать скандинавской социальной модели, ей следует обратиться к проблеме развитости социальной помощи, где в ее случае вполне достаточно пространства для улучшений. Этот же совет можно дать и Швеции, хотя

поле для улучшений здесь не так велико. В Норвегии можно несколько увеличить уровень развитости социальной помощи, хотя не исключено, что наиболее актуальной здесь, как и в Дании, скоро станет проблема качества социальной помощи престарелым. Например, в Дании недавно были учреждены региональные Консультативные советы по оказанию помощи престарелым [Elderly Advisory Boards], призванные осуществлять общий контроль и принимать решения относительно типов активности, доступных пожилым людям, с тем, чтобы не только увеличить уровень демократического участия, но и улучшить качество помощи.

Обсуждение

Применение теории нечеткого набора обеспечивает эмпирическую базу для обсуждения общих вопросов развития государственной социальной политики, а также моделей социальной реформы в трех выбранных сферах. В таблице 6 показано, насколько эти страны соответствовали скандинавской модели в рассматриваемый период – в частности в 6-ом столбце приводится гармоническая средняя нечетких значений по данным трем сферам. Показано также соответствие стран этой модели в сфере семейной поддержки, решения проблем безработицы и социальной помощи престарелым (столбцы 3–5).

Таблица 6. Соответствие скандинавских стран скандинавской социальной модели, 1990-1997 гг.

<i>Страна</i>	<i>Год</i>	<i>Поддержка семьи и детей (Д)</i>	<i>Решение проблем безработицы (Б)</i>	<i>Социальная помощь престарелым (П)</i>	<i>Скандинавская социальная модель (гармоническая средняя Д, Б и П)</i>
Дания	1990–1991	0,53	0,87	0,73	0,70
	1993–1994	0,64	0,87	0,73	0,74
	1996–1997	0,65	0,74	0,63	0,67
Финляндия	1990–1991	0,63	0,87	0,80	0,76
	1993–1994	0,51	0,43	0,62	0,51
	1996–1997	0,62	0,54	0,56	0,57
Норвегия	1990–1991	0,61	0,70	0,81	0,70
	1993–1994	0,67	0,67	0,81	0,71
	1996–1997	0,67	0,64	0,85	0,71
Швеция	1990–1991	0,70	0,81	0,64	0,71
	1993–1994	0,62	0,59	0,58	0,60
	1996–1997	0,50	0,69	0,66	0,61

В 1990-е годы скандинавские страны по-разному развивались относительно идеальной скандинавской социальной модели. Финляндия пережила наиболее значительные перемены, сместившись с позиции «достаточно соответствующей» скандинавской социальной модели на позицию «более или менее соответствующей»; ухудшение позиций Швеции было менее существенным; Норвегия и Дания оставались стабильными. Однако эта модель скрывает вариации в развитии между различными социальными сферами. Например, в Дании улучшилась ситуация в сфере поддержки семей с детьми, но не улучшилась в сфере поддержки безработных и престарелых. В Швеции социальная помощь престарелым оставалась стабильной, однако помощь семьям и безработным изменилась в худшую сторону. Иными словами, экономический успех или неудача государства не означает автоматического расширения или сокращения социальных программ. Мы даже не можем выявить схожие модели для стран, переживающих с экономической точки зрения, соответственно, хорошие или трудные времена.

Возможно, наиболее яркой особенностью социальной реформы в скандинавских странах 1990-х годов является степень устойчивости и реструктуризации. Ни одна из стран не покинула «клуб» стран, следующих скандинавской социальной модели, несмотря на неблагоприятные экономические показатели в Финляндии и Швеции и значительные изменения в мире в целом.

Результаты эмпирического анализа позволяют предположить не только то, что скандинавские страны демонстрируют высокую степень устойчивости в «клубе» последователей скандинавской социальной модели, но и то, что социальные сферы и программы с высокой степенью соответствия данной модели подвергаются сокращениям в первую очередь, а сферы и программы с наименьшей степенью соответствия чаще всего получают распространение. Это показывает, насколько невозможно достичь амбициозных целей, поставленных скандинавской социальной моделью, а также то, что в трудные для экономики времена наиболее щедрые области подвергаются сокращениям, порою весьма жестким. Однако важно и то, что здесь показаны ограничения таких сокращений – черта, которую политики и население не хотят переходить. Социальная политика развивается в рамках верхних и нижних пределов. Это поднимает вопрос о том, существуют ли также пределы сокращениям – а не только пределы росту.

Любопытно, но при сравнении социальной реформы за продолжительный период времени принцип маятника можно выявить и на уровне государств, принадлежащих к одному идеальному типу. Дания и Норвегия преуспевали в 1990-е годы – десятилетие назад это было не так; для Финляндии и Швеции ситуация обратная [Marklund 1988]. Такая перемена ролей означает не только то, что скандинавские страны различаются по времени проведения социальной реформы, но и то, что они следуют одной и той же траектории, очерченной скандинавской социальной моделью.

Вопрос о том, привела ли социальная реформа 1990-х годов к большему сходству скандинавских стран, можно рассмотреть при помощи *суммы крайних значений дифференциалов* для нечетких значений. Это предполагает измерение различий между максимальным и минимальным нечеткими значениями, показывающими соответствие страны скандинавской социальной модели в соответствующие годы. Этот инструмент позволяет нам сказать, что начало данного периода характеризуется существенными различиями – в силу почти отклонения Финляндии от этой модели в 1990-1993 гг. Однако когда на втором рассматриваемом этапе, т.е. в 1994-1997 гг., позиция Финляндии улучшилась, а Дании – ухудшилась, сходство стало более выраженным. В целом, в конце рассматриваемого периода скандинавские страны стали несколько менее схожи между собой, чем в начале 1990-х годов.

Заключение

Сопоставление политики и оценка влияния изменений оказались возможны благодаря использованию теории нечеткого набора, предложенной Ч. Рейджином [Ragin, forthcoming]. Мы надеемся, что нам удалось показать ряд преимуществ данного подхода по сравнению с традиционными качественными методами, ориентированными на изучение отдельных случаев, и количественными методами, ориентированными на анализ отдельных переменных. Во-первых, опирающаяся на теоретические и практические знания теория нечеткого набора требует ясного определения изучаемого предмета (в данном случае скандинавской социальной модели), тем самым она стимулирует обмен идеями и накопление знаний. Во-вторых, анализ комбинаций или конфигураций аспектов, а не просто рассмотрение их как существующих независимо друг от друга, обеспечивает целостный подход к ситуациям, выходящим за рамки традиционных статистических методов. В нашем исследовании эти аспекты выступали в качестве конституирующих элементов скандинавской модели. В-третьих, случаи в рамках теории нечеткого набора могут лишь

отчасти соответствовать идеальному типу того или иного аспекта, что позволяет ближе подойти к изучению разнообразия реального мира, нежели это позволяют дихотомии «да/нет» в подходах, ориентированных на изучение отдельных случаев. В-четвертых, данный подход позволяет исследовать степень соответствия случаев идеальным типам и оценить их однородность. В частности, теория нечеткого набора предоставляет нам возможность сравнить разнообразие – различия в степени и качестве – стран и разных временных периодов, что прежде было невозможно. Таким образом, главный вклад теории нечеткого набора в изучение идеальных типов заключается в соединении подходов, ориентированных на изучение отдельных случаев, и подходов, ориентированных на анализ отдельных переменных.

Литература

- Alban A., Christensen T. (eds.). *The Nordic Lights*. Odense: Odense University Press, 1995.
- Ashford D. E. *The Emergence of the Welfare States*. Oxford: Basil Blackwell, 1992.
- Brazelton T. B. *Touchpoints: Your Child's Emotional and Behavioral Development*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1992.
- Einhorn E. S., Logue J. *Modern Welfare States: Politics and Policies in Social Democratic Scandinavia*. N.Y.: Praeger, 1989.
- Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Esping-Andersen G., Korpi W. *From Poor Relief to Institutional Welfare States: The Development of Scandinavian Social Policy* // Erikson R., Hansen E. J., Ringen S., Uusitalo H. (eds.). *The Scandinavian Model: Welfare States and Welfare Research*. N.Y.: M. E. Sharpe, 1987. P. 39–74.
- Hansen H. *Elements of Social Security in 6 European Countries*. Copenhagen: The Danish National Institute of Social Research, 1998.
- Hansen H. *Elements of Social Security. A Comparison Covering: Denmark, Sweden, Finland, Germany, Great Britain, Canada*. Copenhagen: The Danish National Institute of Social Research, 1998.
- Howes C. *Children's Experiences in Center-based Child Care as a Function of Teacher Background and Adult: Child Ration* // *Merrill-Palmer Quarterly*. 1997. Vol. 43. No. 3. P. 404–425.
- Huber E., Ragin C., Stephens J. D. *Social Democracy, Christian Democracy, Constitutional Structure, and the Welfare State* // *American Journal of Sociology*. 1993. Vol. 99. No. 3. P. 711–749.
- Kautto M., Heikkilä M., Hvinden B., Marklund S., Ploug N. (eds.). *Nordic Social Policy. Changing Welfare States*. L.: Routledge, 1999.
- Klausen K. K., Selle P. (eds.) *Frivillig organisering i Norden*. Copenhagen: Jurist- og Økonomforbundets forlag.
- Kohlberg J. E. (ed.). *The Welfare State as Employer*. N.Y.: M. E. Sharpe, 1991.
- Kvist J. *Documentation: Welfare Reform in the Nordic Countries in the 1990s* / Mimeo. Copenhagen: The Danish National Institute of Social Research, 1999.
- Leira A. *Welfare States and Working Mothers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Marklund S. *Paradise Lost? The Nordic Welfare States and the Recession 1975–1985*. Lund: Arkiv, 1988.

- NOSOSCO. Social Security in the Nordic Countries. Oslo: NOSOSCO, 1992.
- NOSOSCO. Social Security in the Nordic Countries. Helsinki: NOSOSCO, 1995.
- NOSOSCO. Social Security in the Nordic Countries. Copenhagen: NOSOSCO, 1996.
- NOSOSCO. Social tryghed i de nordiske lande. Copenhagen: NOSOSCO, 1997.
- NOSOSCO. Social tryghed i de nordiske lande. Copenhagen: NOSOSCO, 1998.
- Øverbuy E. How do «Organizational Designs» Influence Welfare Politics? A Study of the Nordic Pension Systems // Scandinavian Political Studies. 1996. Vol. 19. No. 3. P. 227–255.
- Palmer E. The Swedish Pension Reform / Mimeo. Stockholm: National Insurance Board, 1998.
- Peisner-Feinberg E. S., Burchinal M. R. Relations between Preschool Children's Child-care Experiences and Concurrent Development: The Cost, Quality, and Outcomes Study // Merrill-Palmer Quarterly. 1997. Vol. 43. No. 3. P. 451–477.
- Pierson P. The New Politics of the Welfare State // World Politics. 1996. Vol. 48. No. 2. P.143–179.
- Ragin C. Constructing Social Research. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 1994.
- Ragin C. Fuzzy-set Social Science. Chicago, IL: University of Chicago Press, forthcoming (опубликована в 2000 г.).
- Spiliä J. (ed.). Social Care Services: The Key to the Scandinavian Welfare Model. Aldershot: Avebury, 1997.
- Wadensjö E., Bjöklund A., Erikson T. (eds.). The Nordic Labour Markets in the 1990s. Amsterdam: North-Holland, 1996.
- Weber M. The Methodology of the Social Sciences. Glencoe, IL: The Free Press, 1949.
- Wilensky H. L. The Welfare State and Equality. Berkeley: University of California Press, 1975.

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ В 2000-2004 ГГ.

Синявская Оксана Вячеславовна,

к.э.н., заместитель директора НИСП

Данным материалом мы открываем серию обзоров российского законодательства в различных областях социальной политики. Эти обзоры не претендуют на полноту учета всех изменений, происходящих в законодательной и нормативно-правовой базе изучаемой сферы за определенный период времени. Их цель – не юридические консультации по конкретным вопросам, но экспертный анализ важнейших направлений развития российского законодательства.

Указом Президента от 1 апреля 2003 г. № 383 «О проведении в Российской Федерации Года инвалидов» 2003 год в России был объявлен годом инвалидов. Именно поэтому вопросам социальной защиты данной категории населения посвящен наш первый обзор.

Период, который охватывает обзор (2000–2004 гг.), выбран не случайно: **14 января 2000 г. Постановлением Правительства Российской Федерации № 36** была утверждена новая федеральная целевая программа «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 годы», цели которой включают:

- усиление социальной поддержки и улучшение качества жизни инвалидов;
- повышение эффективности деятельности государственных служб медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов;
- развитие отечественного рынка реабилитационной индустрии;
- усиление государственной поддержки общественных объединений инвалидов.

Исходя из этого, мы включили в обзор документы, принятые на протяжении указанного периода и регулирующие вопросы реабилитации, пенсионного обеспечения и занятости инвалидов, а также особенностей налогообложения доходов общественных организаций инвалидов.

1. Уточнение причин инвалидности. Реабилитация инвалидов

Отправной точкой для многих изменений в законодательстве в отношении инвалидов за последние годы стало новое определение инвалидности, введенное федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Два кардинальных изменения отличают Закон 1995 г. от дореформенного периода. Первое связано с определением самого феномена инвалидности. Если ранее основанием для установления группы инвалидности являлось стойкое нарушение профессиональной трудоспособности, то отныне предусмотрена оценка не только состояния трудоспособности, но и всех других сфер жизнедеятельности человека, включая «способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью» (ст. 1, часть 2 закона 181-ФЗ). Инвалид, согласно закону, – это человек, который «имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» (ст. 1, часть 1).

Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 15 апреля 2003 г. № 17 «Об утверждении разъяснения «Об определении учреждениями государственной службы медико-социальной экспертизы причин инвалидности»» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 19.05.2003, № 4554) уточняет определения причин инвалидности в зависимости от обстоятельств наступления инвалидности и подтверждающих документов, приводя эти определения в соответствие с законодательством Российской Федерации, регламентирующим пенсионное обеспечение инвалидов, выплату им компенсаций и предоставление различных льгот. Данный документ устанавливает следующие **формулировки причин инвалидности**: «общее заболевание; инвалид с детства; профессиональное заболевание; трудовое увечье; военная травма; заболевание получено в период военной службы; заболевание получено при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей) в связи с аварией на Чернобыльской АЭС; заболевание радиационно обусловленное получено при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей) в связи с аварией на Чернобыльской АЭС; заболевание связано с катастрофой на Чернобыльской АЭС; заболевание, полученное при исполнении иных обязанностей военной службы (служебных обязанностей), связано с катастрофой на Чернобыльской АЭС; заболевание связано с аварией на ПО «Маяк»; заболевание, полученное при исполнении иных обязанностей военной службы (служебных обязанностей), связано с аварией на ПО «Маяк»; заболевание связано с последствиями радиационных воздействий; заболевание (травма, увечье, контузия, ранение), полученное при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), связано с непосредственным участием в действиях подразделений особого риска» (п. 2).

Второе изменение, внесенное законом о социальной защите инвалидов, связано с переносом центра тяжести социальной политики в отношении инвалидов с пассивных форм поддержки на реабилитацию и интеграцию инвалидов в общество. **Федеральным законом от 23 октября 2003 г. № 132-ФЗ** были внесены изменения в нормы закона о социальной защите инвалидов, регулирующие процесс реабилитации инвалидов. В русле международных тенденций в отношении к инвалидам не вполне понятное «восстановление социального статуса» как цель реабилитации инвалидов было заменено целью их интеграции в общество. Отныне реабилитация инвалидов трактуется как «система **и процесс** полного или частичного **восстановления способностей** инвалидов к осуществлению бытовой, общественной и профессиональной деятельности. Реабилитация инвалидов направлена на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма, в целях социальной адаптации инвалидов, достижения ими материальной независимости **и их интеграции** в общество» (ст. 9, часть 1; выделены изменения, введенные законом 132-ФЗ).

В 2003 г. расширены формы реабилитации: к медицинской, профессиональной и социальной реабилитации инвалидов добавилась реабилитация посредством физкультурно-оздоровительных мероприятий, спорта.

Федеральным законом № 132-ФЗ в закон о социальной защите инвалидов введена новая статья о технических и иных средствах реабилитации (ст. 11.1), устанавливающая определение и перечень этих средств. Данная статья определяет условия назначения указанных средств инвалидам по медицинским и социальным показаниям, а также источники финансирования расходов на обеспечение ими инвалидов. Основные источники финансирования – средства федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и фонда социального страхования.

Социальная интеграция, нацеленная на создание «общества на всех», неразрывно связана с задачей формирования доступной для инвалидов среды. Внимание к этому фактору отражает перенос акцента с медицинских аспектов инвалидности, ухода за инвалидами, их защиты и оказания им помощи в адаптации к «нормальным» социальным структурам на применение социально-экономических моделей, предусматривающих расширение прав и возможностей

инвалидов, их участие в жизни общества и изменение среды для содействия обеспечению равных возможностей для всех. Поэтому не случайно появление в законе о социальной защите инвалидов следующей нормы, введенной законом 132-ФЗ и увязывающей задачи реабилитации и формирования доступной для инвалидов среды: «Реализация основных направлений реабилитации инвалидов предусматривает использование инвалидами технических и иных средств реабилитации, **создание необходимых условий для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам инженерной, транспортной, социальной инфраструктур и пользования средствами транспорта, связи и информации**, а также обеспечение инвалидов и членов их семей информацией по вопросам реабилитации инвалидов» (выделено мной; ст. 9, часть 3).

Вообще, обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры как одна из задач социальной политики в отношении инвалидов было зафиксировано еще в 1995 г. Но в 2001 г. произошло некоторое уточнение механизмов формирования доступной среды. **Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 123-ФЗ** изменен порядок финансирования государственных и муниципальных расходов на разработку и производство транспортных средств с учетом нужд инвалидов, приспособление транспортных средств, средств связи и информации для беспрепятственного доступа к ним инвалидов и использования их инвалидами, создание условий инвалидам для беспрепятственного доступа к объектам инженерной, транспортной и социальной инфраструктур. Если раньше речь шла о финансировании отдельных мероприятий в данной области в рамках федеральных и территориальных целевых программ, то после введения соответствующих поправок финансирование должно осуществляться «в пределах ассигнований, **ежегодно** предусматриваемых на эти цели в бюджетах всех уровней» (выделено мной, ст. 15, часть 3). Помимо этого, организациям машиностроительного комплекса, осуществляющим производство транспортных средств, а также организациям независимо от организационно-правовых форм, осуществляющим транспортное обслуживание населения, предписано обеспечивать «оборудование указанных средств специальными приспособлениями и устройствами в целях создания условий инвалидам для беспрепятственного пользования указанными средствами» (ст. 15, часть 6).

Принятие в конце 2001 г. **Кодекса об административных правонарушениях (федеральный закон № 195-ФЗ от 30 декабря 2001 г.)** позволило установить единые на всей территории Российской Федерации правила ответственности должностных и юридических лиц, в том числе за нарушение требований об обеспечении доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур (ст. 16 181-ФЗ; ст. 5.43, 9.13, 9.14, 11.24 Кодекса).

2. Права инвалидов в области пенсионного обеспечения

Принятие нового законодательства в области пенсионного обеспечения позволило привести в соответствие определение инвалидности, которое установлено законом о социальной защите инвалидов, и то, которое используется для целей пенсионного обеспечения. Вплоть до 2002 г. инвалидностью для целей пенсионного обеспечения признавалось «нарушение здоровья человека со стойким расстройством функций организма, приводящее к полной или значительной потере профессиональной трудоспособности или существенным затруднениям в жизни» (ст. 23 закона от 20 ноября 1990 г. № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации»). В зависимости от степени нарушений выделялись три группы инвалидности. Условия назначения пенсии по инвалидности дифференцировались в зависимости от причины инвалидности. Лицам от 20 лет и старше для назначения пенсии по инвалидности вследствие общего заболевания в полном размере требовалось ко времени наступления инвалидности иметь трудовой стаж: «гражданам в возрасте до 23 лет – не менее

одного года, а в возрасте 23 года и старше – один год с увеличением его на четыре месяца за каждый полный год возраста, начиная с 23 лет, но не более чем 15 лет» (ст. 29 закона 340-1).

Начиная с 1 января 2002 г., пенсия по инвалидности может быть назначена либо по **закону от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»**, либо по **закону от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»**. Основанием для ее назначения выступает наступление инвалидности при наличии ограничения способности к трудовой деятельности III, II или I степени, определяемой по медицинским показаниям. При этом ограничение способности к трудовой деятельности III степени соответствует I группе инвалидности, II степени – II группе, и I степени – III группе. Так же, как и прежде, инвалиды могут выбирать получение другого вида пенсии – например, пенсии по старости или потере кормильца.

Важно, что трудовая пенсия по инвалидности устанавливается независимо от причины инвалидности (за исключением случаев полного отсутствия у инвалида страхового стажа или наступления инвалидности вследствие совершения им умышленного уголовно наказуемого деяния или умышленного нанесения ущерба своему здоровью), продолжительности страхового стажа застрахованного лица, продолжения инвалидом трудовой деятельности, а также от того, наступила ли инвалидность в период работы, до поступления на работу или после прекращения работы (ст. 8, пп. 3, 4 закона 173-ФЗ).

Если инвалид не может претендовать на получение трудовой пенсии, ему полагается пенсия по государственному пенсионному обеспечению. Закон 166-ФЗ регулирует условия назначения и выплаты пенсии по инвалидности военнослужащим, гражданам, ставшим инвалидами вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также социальной пенсии детям-инвалидам, инвалидам с детства и другим категориям инвалидов, не имеющим прав на трудовую пенсию (ст. 8-11 закона 166-ФЗ).

Трудовая пенсия по инвалидности, как и трудовая пенсия по старости, может состоять из трех частей – базовой, страховой и накопительной. При этом накопительная часть трудовой пенсии по инвалидности устанавливается не ранее достижения 60 или 55 лет мужчинам и женщинам соответственно, а инвалидам с детства, имеющим ограничение способности к трудовой деятельности III и II степени, – независимо от возраста. Лицам, больным гипопизарным нанизмом (лилипутам), и диспропорциональным карликам накопительная часть пенсии выплачивается мужчинам – по достижении возраста 45 лет и женщинам – возраста 40 лет; инвалидам по зрению, имеющим ограничение способности к трудовой деятельности III степени: мужчинам по достижении 50 лет и женщинам – 40 лет; инвалидам вследствие военной травмы: мужчинам по достижении 55 лет и женщинам – 50 лет соответственно (ст. 7, 8, 28 закона 173-ФЗ).

Базовая и страховая части пенсии по инвалидности выплачиваются с момента назначения такой пенсии. В связи с этим размер страховой части пенсии по инвалидности корректируется на специальный коэффициент, фиксирующий «отношение нормативной продолжительности страхового стажа (в месяцах) по состоянию на указанную дату к 180 месяцам. Нормативная продолжительность страхового стажа до достижения инвалидом возраста 19 лет составляет 12 месяцев и увеличивается на 4 месяца за каждый полный год возраста, начиная с 19 лет, но не более чем до 180 месяцев» (ст. 15, п. 3 закона 173-ФЗ). Таким образом, можно видеть, что нормативные размеры страхового стажа, необходимого для получения пенсии в полном объеме, увеличены. Если раньше для получения полной пенсии по инвалидности вследствие общего заболевания 40-летнему инвалиду было необходимо отработать 84 месяца, то теперь нормативная продолжительность страхового стажа при расчете страховой части пенсии в этом возрасте составляет уже 100 месяцев.

В новом законодательстве базой для установления минимальных гарантий в области пенсионного обеспечения является базовая часть пенсии по старости, которая на 1 января

2002 г. составляла 450 рублей. Ранее в аналогичных целях использовался показатель минимальной пенсии по старости.

Размер базовой части пенсии по инвалидности варьируется в зависимости от степени ограничения способности к трудовой деятельности и составляет при III степени – 900 рублей в месяц; при II степени – 450 рублей в месяц; при I степени – 225 рублей в месяц. Так же, как и при получении других видов трудовых пенсий, размер базовой части пенсии по инвалидности может быть увеличен, если на иждивении инвалида находятся нетрудоспособные члены семьи – на 150 рублей на каждого иждивенца, но не более чем на 450 рублей.

В целом новое законодательство не нарушает социальные гарантии, существовавшие в пенсионной сфере прежде. Например, право на одновременное получение двух пенсий (трудовой и по государственному пенсионному обеспечению) сохранено за инвалидами вследствие военной травмы, участниками Великой Отечественной войны, а также некоторыми категориями нетрудоспособных граждан, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС. Кроме того, по сравнению с прежним законодательством повышены минимальные пенсионные гарантии детям-инвалидам до 18 лет, а также инвалидам, получающим социальные пенсии.

3. Занятость инвалидов

Рамки реализации политики занятости в отношении инвалидов определяются в России следующими основными документами: законами «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «О занятости населения в Российской Федерации», «Об образовании», Трудовым и Налоговым кодексами, Федеральной целевой программой «Социальная защита инвалидов на 2000–2005 годы» и др. До сих пор самым слабым местом социальной политики при этом остается ее несогласованность, отсутствие единой стратегии. Фактически мы имеем дело с отдельными социальными мерами, а не с комплексной системной концепцией.

Новый Трудовой кодекс Российской Федерации, введенный в действие федеральным законом от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, сохранил ранее существовавшие гарантии инвалидов в сфере занятости, включая сокращенную продолжительность рабочего времени (ст. 92), максимальную продолжительность ежедневной работы (ст. 94), возможности привлечения инвалидов к работе в ночное время (ст. 96), выходные и праздничные дни (ст. 113) и сверхурочным работам (ст. 99), продолжительность отпуска без сохранения заработной платы (ст. 128) и пр.

Закон о социальной защите инвалидов 1995 г. послужил отправной точкой для развития идеи и реализации **квотирования рабочих мест**. Квота для приема на работу инвалидов устанавливается для организаций с числом занятых более 30 чел. в процентах к среднесписочной численности. **Федеральный закон от 29 декабря 2001 г. № 188-ФЗ** изменил порядок и размер взимаемой квоты (ст. 21 закона о социальной защите инвалидов). Если прежде квота составляла не менее 3% среднесписочной численности с правом субъектов Российской Федерации устанавливать более высокий уровень квоты, то теперь квота может варьироваться в пределах от 2 до 4 %. Основная часть изменений была связана с упразднением с 1 января 2002 г. Государственного фонда занятости населения (ГФЗН). До закрытия ГФЗН в случае невыполнения или невозможности выполнения квоты для приема на работу работодатель выплачивал средства в фонд занятости, которые расходовались целевым образом на создание рабочих мест для инвалидов сверх утвержденной квоты или создание специализированных предприятий (цехов, участков), применяющих труд инвалидов. Теперь механизм установления квоты определяется в субъектах РФ, средства соответственно также поступают в бюджеты субъектов РФ. Уровень регулирования этой

нормы – субъект РФ. Помимо этого, согласно Кодексу об административных правонарушениях, отказ работодателя принять на работу инвалида в пределах установленной квоты влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати до тридцати минимальных размеров оплаты труда (ст. 5.42).

4. Профессиональное образование инвалидов

Политика в области образования инвалидов регулируется законами «О социальной защите инвалидов», «Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Федеральной целевой программой «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 гг.», федеральной программой развития образования, президентской программой «Дети России» (подпрограммы «Дети-инвалиды»), Федеральной целевой программой «Развитие единой образовательной информационной среды (2001–2005)», Государственной научной программой «Университеты России», Федеральной целевой программой «Национальная технологическая база» (базовая технологическая программа «Технологии подготовки кадров для национальной технологической базы»). На протяжении нескольких лет обсуждается, но пока не принят ФЗ «Об образовании лиц с ограниченными возможностями (специальном образовании)».

Законодательные изменения в отношении высшего и среднего профессионального образования инвалидов касались двух вопросов: порядка приема инвалидов в учебные заведения профессионального образования и условий их стипендиального обеспечения. **Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 102-ФЗ** внес изменения в статью 16 закона «Об образовании», в соответствии с которой дети-инвалиды, инвалиды I и II групп, инвалиды боевых действий, а также граждане в возрасте до 20 лет, имеющие только одного родителя – инвалида I группы, имеют право на внеконкурсное зачисление при условии успешной сдачи вступительных экзаменов в государственные и муниципальные образовательные учреждения среднего профессионального и высшего профессионального образования. Аналогичная норма закреплена в статье 11 Федерального закона от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

Согласно **Постановлению Правительства РФ от 27 июня 2001 г. № 487 «Об утверждении типового положения о стипендиальном обеспечении и других формах материальной поддержки студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, аспирантов и докторантов»** государственные (муниципальные) социальные стипендии назначаются в обязательном порядке студентам, признанным в установленном порядке инвалидами I и II групп; пострадавшим в результате аварии на Чернобыльской АЭС и других радиационных катастроф; являющимся инвалидами и ветеранами боевых действий.

В соответствии с **постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 36 «О федеральной целевой программе «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 годы»**, осуществляется создание и оснащение 5 модельных центров среднего и высшего профессионального образования и другие меры по профессиональной реабилитации инвалидов.

5. Налогообложение общественных организаций инвалидов

Усиление государственной поддержки общественных организаций инвалидов – один из приоритетов федеральной целевой программы «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 годы». В основном изменения в условиях налогообложения организаций инвалидов были связаны с принятием части второй нового **Налогового кодекса РФ (Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ)**.

Так, в связи с принятием Налогового кодекса отменены положения, разрешавшие органам власти субъектов РФ и местного самоуправления принимать решения по предоставлению льгот общественным организациям инвалидов (закон 181-ФЗ, ст. 34, части 2-3).

Уточнены определения предприятий с преобладающей численностью инвалидов. Прежде льготы по налогу на добавленную стоимость и налогу на прибыль предоставлялись предприятиям, в которых инвалиды составляют не менее 50 процентов от общей численности работников. В новом кодексе налоговые льготы по этим и некоторым другим налогам (например, ЕСН) распространяются на (1) общественные организации инвалидов (в том числе созданные как союзы общественных организаций инвалидов), среди членов которых инвалиды и их законные представители составляют не менее 80 процентов; (2) организации, уставный капитал которых полностью состоит из вкладов указанных выше общественных организаций инвалидов, если среднесписочная численность инвалидов среди их работников составляет не менее 50 процентов, а их доля в фонде оплаты труда – не менее 25 процентов; (3) учреждения, единственными собственниками имущества которых являются указанные выше общественные организации инвалидов, созданные для достижения образовательных, культурных, лечебно-оздоровительных, физкультурно-спортивных, научных, информационных и иных социальных целей, а также для оказания правовой и иной помощи инвалидам, детям-инвалидам и их родителям.

Помимо этого, не подлежит налогообложению налогом на добавленную стоимость реализация протезно-ортопедических изделий, сырья и материалов для их изготовления и полуфабрикатов к ним; технических средств, включая автотранспорт, материалы, которые могут быть использованы исключительно для профилактики инвалидности или реабилитации инвалидов; а также услуг по уходу за больными, инвалидами и престарелыми, предоставляемых государственными и муниципальными учреждениями социальной защиты лицам, необходимость ухода за которыми подтверждена соответствующими заключениями органов здравоохранения и органов социальной защиты населения (ст. 149, п. 2).

Одной из особенностей нового налогового кодекса стала унификация налоговых норм, в том числе в части ставок. В связи с этим отменена ранее действовавшая норма о понижении ставок налога на прибыль организациям инвалидов. Вместо этого, в состав расходов на оплату труда для целей налогообложения включаются доплаты инвалидам, предусмотренные законодательством Российской Федерации (ст. 255). А в состав прочих расходов, связанных с производством и реализацией, относятся, в частности, следующие расходы налогоплательщика:

«38) расходы, осуществленные налогоплательщиком – организацией, использующей труд инвалидов, в виде средств, направленных на цели, обеспечивающие социальную защиту инвалидов, если от общего числа работников такого налогоплательщика инвалиды составляют не менее 50 процентов и доля расходов на оплату труда инвалидов в расходах на оплату труда составляет не менее 25 процентов (в ред. Федерального закона от 29 мая 2002 г. № 57-ФЗ).

Целями социальной защиты инвалидов признаются улучшение условий труда инвалидов, создание рабочих мест для инвалидов (включая закупку и монтаж оборудования и организацию труда рабочих-надомников), обучение (в том числе новым профессиям и приемам труда) и трудоустройство инвалидов, защита прав и законных интересов инвалидов, мероприятия по их реабилитации (включая приобретение и обслуживание технических средств реабилитации, собак-проводников, путевок в санаторно-курортные учреждения), обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей (включая транспортное обслуживание инвалидов, организацию отдыха детей-инвалидов) в соответствии с законодательством Российской Федерации о социальной защите инвалидов, включая взносы на содержание общественных организаций инвалидов (в ред. Федерального закона от 29 мая 2002 г. № 57-ФЗ).

При определении общего числа инвалидов в среднесписочную численность работников не включаются инвалиды, работающие по совместительству, договорам подряда и другим договорам гражданско-правового характера;

39) расходы налогоплательщиков – общественных организаций инвалидов, а также налогоплательщиков – учреждений, единственными собственниками имущества которых являются общественные организации инвалидов, в виде средств, направленных на осуществление деятельности указанных общественных организаций инвалидов и на цели, указанные в подпункте 38 настоящего пункта» (ст. 264).

* * *

Использованные документы

Закон Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 (ред. от 30 июня 2003 г.).

Письмо Фонда социального страхования Российской Федерации «О некоторых вопросах назначения и осуществления обеспечения по обязательному социальному страхованию в зависимости от степени утраты профессиональной трудоспособности, устанавливаемой учреждениями медико-социальной экспертизы» (вместе с письмом Министерства труда и социального развития РФ от 7 августа 2001 г. № 2151-15) от 8 ноября 2001 г. № 02-18/07-7930.

Письмо Фонда социального страхования Российской Федерации от 5 января 2004 г. № 02-18/07-15 «О предоставлении льгот общественным организациям инвалидов».

Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 15 апреля 2003 г. № 17 «Об утверждении разъяснения «Об определении учреждениями государственной службы медико-социальной экспертизы причин инвалидности»» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 19 мая 2003 г., № 4554).

Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации «Об утверждении временных критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, формы программы реабилитации пострадавшего в результате несчастного случая на производстве и профессионального заболевания» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 15 августа 2001 г., № 2876) от 18 июля 2001 г. № 56 (с изм. от 15 июля 2003 г.).

Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке признания граждан инвалидами» от 13 августа 1996 г. № 965 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 21 сентября 2000 г. № 707, от 26 октября 2000 г. № 820).

Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 16 октября 2000 г. № 789 (с изм. от 8 апреля 2003 г.).

Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года инвалидов» от 1 апреля 2003 г. № 383.

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ, от 4 января 1999 г. № 5-ФЗ, от 17 июля 1999 г. № 172-ФЗ, от 27 мая 2000 г. № 78-ФЗ, от 9 июня 2001 г.

№ 74-ФЗ, от 8 августа 2001 г. № 123-ФЗ, от 29 декабря 2001 г. № 188-ФЗ, от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ, от 29 мая 2002 г. № 57-ФЗ, от 10 января 2003 г. № 15-ФЗ, от 23 октября 2003 г. № 132-ФЗ).

Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 25 июля 2002 г. № 116-ФЗ, от 31 декабря 2002 г. № 198-ФЗ, от 29 ноября 2003 г. № 154-ФЗ).

Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ (ред. от 23 декабря 2003 г.).

Федеральный закон «О государственном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 25 июля 2002 г. № 116-ФЗ, от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ, от 11 ноября 2003 г. № 141-ФЗ).

Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 17 июля 1999 г. № 181-ФЗ, от 25 октября 2001 г. № 141-ФЗ, от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ, Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, Федеральных законов от 26 ноября 2002 г. № 152-ФЗ, от 22 апреля 2003 г. № 47-ФЗ, от 7 июля 2003 г. № 118-ФЗ, от 23 октября 2003 г. № 132-ФЗ, от 23 декабря 2003 г. № 185-ФЗ, с изм., внесенными Федеральными законами от 2 января 2000 г. № 10-ФЗ, от 11 февраля 2002 г. № 17-ФЗ, от 8 февраля 2003 г. № 25-ФЗ, от 8 декабря 2003 г. № 166-ФЗ).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23 декабря 2003 г.) (принят ГД ФС РФ 20 декабря 2001 г.).

Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 36 «О федеральной целевой программе «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 годы».

Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 123-ФЗ «О внесении изменений и дополнения в статьи 15 и 16 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в российской федерации» (принят ГД ФС РФ 27 июня 2001 г.)

Федеральный закон от 29 декабря 2001 г. № 188-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 20 декабря 2001 г.).

Приказ Министерства образования РФ от 14 января 2003 г. № 50 «Об утверждении порядка приема в государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования (высшие учебные заведения) Российской Федерации, учрежденные федеральными органами исполнительной власти» (зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 6 февраля 2003 г., № 4188).

Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 102-ФЗ «О внесении изменения и дополнения в статью 16 Закона Российской Федерации «Об образовании» (Принят ГД ФС РФ 28 июня 2000 г.).

Федеральный закон от 23 октября 2003 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам реабилитации инвалидов» (принят ГД ФС РФ 8 октября 2003 г.).

Федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 139-ФЗ «О внесении дополнения в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и внесении изменения и дополнения в статью 20 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации», а также признании утратившими силу актов законодательства Российской Федерации в части налогов и сборов».

Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в

ред. Федеральных законов от 5 мая 2000 г. № 118-ФЗ, от 29 декабря 2000 г. № 166-ФЗ, от 30 мая 2001 г. № 71-ФЗ, от 6 августа 2001 г. № 110-ФЗ, от 7 августа 2001 г. № 118-ФЗ, от 8 августа 2001 г. № 126-ФЗ, от 27 ноября 2001 г. № 148-ФЗ, от 29 ноября 2001 г. № 158-ФЗ, от 28 декабря 2001 г. № 179-ФЗ (ред. 31 декабря 2002 г.), от 29 декабря 2001 г. № 187-ФЗ, от 31 декабря 2001 г. № 198-ФЗ, от 29 мая 2002 г. № 57-ФЗ, от 24 июля 2002 г. № 104-ФЗ, от 24 июля 2002 г. № 110-ФЗ (ред. от 31 декабря 2002 г.), от 25 июля 2002 г. № 116-ФЗ, от 27 декабря 2002 г. № 182-ФЗ, от 31 декабря 2002 г. № 187-ФЗ, от 31 декабря 2002 г. № 190-ФЗ, от 31 декабря 2002 г. № 191-ФЗ, от 31 декабря 2002 г. № 193-ФЗ, от 31 декабря 2002 г. № 196-ФЗ, от 6 мая 2003 г. № 51-ФЗ, от 22 мая 2003 г. № 55-ФЗ, Таможенного кодекса РФ от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ, Федеральных законов от 6 июня 2003 г. № 65-ФЗ, от 23 июня 2003 г. № 78-ФЗ, от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ, от 7 июля 2003 г. № 105-ФЗ, от 7 июля 2003 г. № 110-ФЗ, от 7 июля 2003 г. № 117-ФЗ, от 11 ноября 2003 г. № 139-ФЗ, от 11 ноября 2003 г. № 147-ФЗ, от 11 ноября 2003 г. № 148-ФЗ, от 8 декабря 2003 г. № 163-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 24 декабря 2002 г. № 176-ФЗ, определением Конституционного Суда РФ от 14 января 2003 г. № 129-О, Федеральными законами от 23 декабря 2003 г. № 178-ФЗ, от 23 декабря 2003 № 186-ФЗ).

Постановление Правительства РФ от 27 июня 2001 № 487 «Об утверждении типового положения о стипендиальном обеспечении и других формах материальной поддержки студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, аспирантов и докторантов».

Новое в аналитике

Мы размещаем перечень основных работ по социальной тематике, опубликованных в российских научных периодических изданиях в 2003 г. В большинстве случаев указание на статью сопровождается аннотацией; если материал носит преимущественно информационный характер, содержание которого очевидно из названия, аннотации не дается. Статьи сгруппированы по журналам (расположенным по алфавиту) и приводятся в обратном порядке (от последнего номера к первому).

Обращаем внимание, что на сайте журнала (<http://spero.socpol.ru>) собраны также полезные публикации из ключевых газет («Ведомости», «Известия», «Коммерсант»); имеются возможности поиска публикаций специальным разделам в рамках социальной политики.

Вопросы экономики

Хмыз О. Реформирование российской системы пенсионного обеспечения: pro et contra // Вопросы экономики. 2003. № 12.

Текущее реформирование должно привести к построению в России надежной и прозрачной пенсионной системы. В нем принимают участие преимущественно работники моложе 45 лет. Новая формула расчета пенсий в большей степени связана с размером взносов и ожидаемой продолжительностью жизни. В результате пенсионная система будет характеризоваться большей гибкостью и минимизировать эффект старения населения. В настоящее время работники должны выбрать государственную или частную управляющую компанию пенсионного фонда. Однако еще не ясно, будет ли пенсионная реформа эффективной в долгосрочной перспективе.

Токсанбаева М. По каким «адресам» идет адресная помощь малоимущим // Вопросы экономики. 2003. № 10.

Адресная помощь малоимущим в России базируется на двух подходах: федеральном и региональном. Федеральный подход на основе бюджетного выравнивания реализуется в практике выплат пособия на ребенка. Региональный подход, опирающийся на использование ресурсов местных бюджетов, применяется при назначении жилищных компенсаций и социальной помощи. В условиях значительной неравномерности экономического развития регионов и поселений оба подхода противоречат принципам адресной помощи. Для преодоления этих недостатков необходимы меры не столько социальной, сколько экономической политики, нацеленной на выравнивание уровней территориального развития.

Ракитская Г. Необъявленная реформа социально-трудовых отношений в 1990-е годы // Вопросы экономики. 2003. № 9.

В статье анализируются факторы, обусловившие современное состояние социально-трудовых отношений в России. Раскрыты основные направления социально-структурных (революционных) преобразований, необходимых и возможных при переходе от тоталитаризма к демократии. Показано, что реальные перемены в социально-трудовых отношениях и в положении трудящихся в современной России выступили следствиями социально-структурных реформ и что эти перемены расходятся с объективными возможностями демократических преобразований. Охарактеризованы перспективы социально-трудовых отношений в увязке с возможными вариантами развития российского общества в целом.

Маслова И., Бараненкова Т. Неформальная занятость в России // Вопросы экономики. 2003. № 9.

В статье излагаются методологические подходы к определению понятия «неформальная занятость» и оценке ее масштабов. Исследуются факторы, обусловившие рост масштабов неформальной занятости в постсоветской России. Рассматриваются экономические и социальные последствия неформальной занятости и обосновываются меры государственной политики в данной области.

Кириченко О., Кудюкин К. Правовое регулирование на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2003. № 9.

Авторы анализируют влияние российского трудового законодательства на состояние рынка труда. Рассматриваются изменения законодательства, произошедшие в переходный период, а также Трудовой кодекс 2002 г. Авторы доказывают, что российское трудовое законодательство характеризуется чрезмерной жесткостью норм, не соответствующей современной социально-экономической ситуации. Кроме того, стремление к высокой степени правовой защищенности работников или их отдельных групп часто приводит к ухудшению положения рабочей силы на рынке труда.

Гребнев Л. Российское образование в зеркале демографии // Вопросы экономики. 2003. № 7.

В статье анализируются данные о динамике ряда демографических показателей России: детских и подростковых возрастных когорт за период с 1970 по 2010 гг., продолжительности жизни за период с 1970 по 1995 гг., миграционных потоках между федеральными округами в период между переписями населения 1989 и 2002 гг. Высказываются гипотезы о связи этих показателей с состоянием образования в узком и широком смысле: в образовательных заведениях и в обществе в целом соответственно. Делается оценка перспектив развития региональных высших учебных заведений в условиях отсутствия планового распределения специалистов и двукратного циклического уменьшения количества выпускников средних учебных заведений. Высказываются предложения по развитию двухступенчатой (двухуровневой) системы высшего образования, ориентированной на международные интеграционные процессы.

Капелюшников Р. Российская модель рынка труда: что впереди? // Вопросы экономики. 2003. № 4.

Статья посвящена анализу специфической модели рынка труда, которая сложилась в российской переходной экономике в «шоковые» 1990-е годы. Автор обращает особое внимание на огромный разрыв между нормативными и фактическими характеристиками этой модели. Если правовые рамки российского рынка труда являются жесткими и зарегулированными, то реальные механизмы его функционирования отличаются достаточно высокой степенью гибкости и мобильности. Существование такого разрыва объясняется доминированием неформальных институтов, норм и практики, а также неэффективностью системы принуждения к исполнению законов, действующей на российском рынке труда.

Гимпельсон В. Политическая экономия дерегулирования занятости // Вопросы экономики. 2003. № 4.

Статья посвящена политике реформирования трудовых отношений, направленного на дерегулирование занятости и снижение издержек увольнения. Такая реформа в принципе сулит выгоды большей части населения и обещает позитивные последствия для экономики.

В то же время реформы институтов рынка труда относятся к наиболее сложным с политической точки зрения. Автор обсуждает два взаимосвязанных вопроса: почему они политически столь сложны и какие меры могут помочь в преодолении имеющихся политических ограничений?

Вишневецкая Н. Законодательство о защите занятости и рынок труда (международный опыт) // Вопросы экономики. 2003. № 4.

В статье исследуется эволюция законодательства о защите занятости в контексте общеэкономической политики в странах с развитой рыночной и переходной экономиками. Рассмотрены основные элементы этого законодательства и опыт трудовых реформ, влияние законодательства о защите занятости на основные параметры рынка труда: занятость, безработицу, экономическую активность населения.

Иванов Ю. О показателях экономического благосостояния // Вопросы экономики. 2003. № 2.

В статье рассматриваются вопросы совершенствования статистики уровня жизни и благосостояния населения. Ввиду многоаспектности категории благосостояния для анализа, как правило, применяется система показателей. Однако отсутствие единого синтезирующего показателя уровня жизни серьезно ограничивает анализ социальных процессов. В этой связи в статье рассматривается и обсуждается предложение двух канадских исследователей Ларса Осберга и Эндрю Шарпа о новом индексе экономического благосостояния.

Мир России

Радаев В. В. Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса // Мир России. 2003. №4. С. 89–119.

Как формируются циклы освоения инновационных практик в повседневной социально-экономической деятельности россиян? Каким образом российский средний класс участвует в освоении и распространении подобных инновационных практик? Автор пытается ответить на эти вопросы, используя данные общероссийского исследования домохозяйств «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии», проведенного в рамках проекта Московского центра Карнеги.

Шишкин С. В. Формальные и неформальные правила оплаты медицинской помощи // Мир России. 2003. №3. С. 104–130.

Публикация посвящена одной из актуальных социальных проблем – обеспечению населения современной России качественным медицинским обслуживанием и расходам домохозяйств по оплате медицинской помощи.

Барсукова С. Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 2. С. 81–122.

Людам свойственно делиться с ближними. Семьи, регулярно помогающие друг другу продуктами, трудом, деньгами, советами, образуют сети. Данная статья посвящена ответам на вопросы, насколько важны эти сети для жизни россиян, на каких принципах они строятся, каковы закономерности сетевой взаимопомощи. В теоретической части статьи обсуждается отличие экономики дара от товарного обмена, а также от отношений, возникающих в патрон-клиентских сетях. Анализируются научные направления, в рамках которых изучается сетевая проблематика и экономика дара. В эмпирической части излагаются результаты исследования взаимобменом 12 городских и 17 сельских домохозяйств. Проверяются гипотезы,

проясняющие общий характер функционирования сетей, а также положение ее отдельных участников. Сетевой мир российской взаимопомощи предстает в количественных данных и свидетельствах интервью.

Бойко О. В. Сомнение и надежда: зарубежные образы социальной политики России // Мир России. 2003. №1. С. 85–97.

Предлагается обзор зарубежных исследований социальной политики новой России. Приводятся экспертные оценки ключевых исследователей социальной политики России и государства всеобщего благосостояния других стран. Анализируется российская модель социального государства, рассматриваются репрезентации динамики социально-политических решений 1990-х годов, соотносятся различные подходы к экспертизе социальной реформы. Привлекаются публицистические иллюстрации узловых проблем социальной политики. В работе особо анализируются гендерное измерение постсоветской социальной политики.

Общественные науки и современность

Титов В. Н. Межкультурная коммуникация как фактор адаптации иммигрантов к городской среде // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 128–139.

Статья посвящена выявлению роли социально-культурных факторов в процессе взаимодействия основного населения и иммигрантских групп в урбанистическом окружении. На материалах, собранных автором в г. Москве во время социологических опросов приезжих из стран «ближнего» и «дальнего зарубежья», показано, что складывание сложных, нередко конфликтных взаимоотношений между новоселами и старожилами обусловлено не только и не столько конкуренцией за ограниченные экономические ресурсы. Решающее значение имеет этнокультурная дистанция (различие в системе социальных ориентиров, ценностей и представлений о желательном порядке вещей), которая разделяет доминирующую в регионе группу и представителей меньшинств.

Петухов В. В., Пахомова Е. И., Седова Н. Н. Права человека и дискриминационные практики в современной России // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 40–48.

Авторы на основе социологического исследования доказывают существование в России ограничений в правах человека, прежде всего по возрасту (49%) и по национальной принадлежности (29%). Опрос экспертов выявил проблему ущемления прав по социально-экономическим основаниям. Но, как выяснилось, права человека в массовом сознании находятся на периферии интересов россиян. Наиболее актуальными и «болевыми» точками становятся уровень жизни населения и безопасность граждан. Альтернатива «права и свободы порядок» делит сегодня общество почти поровну. Исследование выявило негативное отношение россиян к милиции, которую они не считают субъектом защиты их прав и интересов. Аналогичное отношение респонденты продемонстрировали и к судебной системе. Более того, в общественном сознании формируется опасный стереотип, согласно которому обращение в суд влечет серьезные материальные, моральные и другие издержки.

Сабуров Е. Ф. Образование и ноосферная экономика // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 5–14.

Автор рассматривает современный кризис системы образования прежде всего как общемировой процесс, связанный с переходом к информационному обществу, когда объемы необходимой информации переросли возможности усвоения их человеком, а сама

усваиваемая информация постоянно устаревает и тем самым обесценивается. Предлагаются принципы построения новой системы образования, соответствующие новым реалиям, как принципы интеллектуальной игры. Человеку надо показать, что такое успех, пробудить в нем жажду компетенции, научить строить аргументацию и читать тексты. Отмечается важность в достижении этого расширения гуманитарного цикла знания и изучения математических дисциплин, роль внесистемного образования.

Якобсон Л. И. Модернизация образования: от логики выживания к реинтеграции в общество // *Общественные науки и современность*. 2003. № 4. С. 15–28.

Автор излагает свое видение реформы системы образования в России. Анализируя инфраструктуру планового образования, показывает, что она могла существовать лишь в советских условиях, когда действительно соответствовали друг другу те приоритеты и ориентиры, которые общество задавало системе образования, и те способы, которыми она отвечала на нужды общества. Разрушение старой системы образования вылилось прежде всего в то, что многие учебные заведения, будучи формально зависимыми от государственных органов, на практике превратились в самостоятельные хозяйствующие субъекты, не желающие поступаться независимостью, но требующие субсидиарной ответственности государства как учредителя, от которой оно нередко самоустранялось. Выход видится в новом распределении ответственности между государством и учебными заведениями, что позволит подойти к воссозданию системности. Рассматриваются ограничения, прежде всего ресурсные (бюджетные), обуславливающие реальные возможности успешного формирования новой системы образования, а также разные подходы к образовательной политике.

Типенко Н. Г. Экономика образования и образовательная политика // *Общественные науки и современность*. 2003. № 4. С. 29–36.

В статье показана тесная связь экономики и образовательного уровня населения. Именно общее образование формирует гражданина в демократическом обществе. Поэтому так важны инвестиции государства в систему образования. Непродуманная образовательная политика способна привести к серьезным экономическим последствиям. Автор считает, что в образовании, как и в других сферах, должны быть задействованы разные уровни власти и управления. По ее мнению, финансирование образования прерогатива субъекта Федерации, а предоставление образования задача муниципального уровня. Но для этого у них должна быть соответствующая доходная база.

Тихонова Н. Е. Специфика семейного положения и семейных ролей женщин из бедных слоев городского населения // *Общественные науки и современность*. 2003. № 4. С. 182–192.

В статье приводится сравнительный анализ данных нескольких социологических исследований последних лет о семейном положении и семейных ролях женщин. Сравнивается положение женщин из бедных городских домохозяйств, а также женщин из более благополучных слоев населения. Причем в расчет берутся еще несколько параметров, как то: образование, наличие детей, мужа, представления о счастливой (идеальной) семье и т.д. Автор приходит к печальному выводу, что дискриминация женщин из бедных слоев городского населения по отношению к другим группам общества будет и дальше нарастать опережающими темпами.

Проблемы прогнозирования

Коровкин А. Г., Подорванова Ю. А., Долгова И. Н. Взаимосвязь номинальной заработной платы и безработицы: региональные особенности // Проблемы прогнозирования. 2003. № 6 (81). С. 78–94.

В статье исследуется взаимосвязь номинальной заработной платы, уровня безработицы, роста потребительских цен в регионах России. Проанализирована динамика изменений заработной платы и уровня безработицы, построены адекватные модели их взаимосвязи в регионах. Определена градация субъектов РФ с учетом специфики этой взаимосвязи. Рассмотрены сценарии формирования заработной платы на перспективу.

Галецкий В. Ф. Социально-экономические последствия демографической глобализации // Проблемы прогнозирования. 2003. № 6 (81). С. 128–138.

В статье рассматривается содержание понятия демографической глобализации, ее интегрирующая и дестабилизирующая роли в социально-экономической сфере, дается возможная схема предполагаемой автором стратификации человечества под влиянием демографической глобализации.

Коровкин А. Г., Полежаев А. В. Анализ динамики российского рынка труда с учетом затрат рабочего времени // Проблемы прогнозирования. 2003. № 5 (80). С. 99–114.

В статье приводятся оценки функций занятости в отраслях экономики и промышленности России в сравнении с результатами предшествующих исследований. Представлена модель спроса и предложения труда в отраслях экономики России. Обосновывается использование человеко-часов отработанного времени в качестве более адекватного измерителя затрат труда. Приводятся эконометрические оценки модели. Анализируются некоторые экспериментальные прогнозно-аналитические расчеты.

Прохоров Б. Б., Горшкова И. В., Тарасова Е. В. Условия жизни населения и общественное здоровье // Проблемы прогнозирования. 2003. № 5 (80). С. 128–139.

В статье рассматривается корреляционная связь между ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ) и социально-экономическими и природными факторами в регионах России. Среди рассмотренных факторов, имеющих положительную или отрицательную связь с продолжительностью жизни, приводятся: показатели уровня жизни (доходы и потребление), удельный вес убыточных предприятий, состояние жилой среды (площадь и благоустройство жилья), число преступлений, состояние автомобильных дорог, дискомфортность природных условий.

Петухова О. В. Охрана и условия труда в малом предпринимательстве // Проблемы прогнозирования. 2003. № 4 (79). С. 102–110.

В статье на основе анализа статистики травматизма дается косвенная оценка условий труда работающих на малых предприятиях по сравнению со средними и крупными в разрезе отраслей, форм собственности, регионов. Показано, что механизмы экономического управления поведением работодателей в области охраны труда не действенны на уровне малых предприятий, не включенных в отраслевую систему управления охраной труда.

Флоринская Ю. Ф. Проблемы нового российского приграничья (на примере омского участка российско-казахстанской границы) // Проблемы прогнозирования. 2003. № 4 (79). С. 111–122.

В статье рассматриваются проблемы приграничных территорий и приграничных миграций на омском участке российско-казахстанской границы, оценивается отношение к ним различных уровней власти и местного населения. Исследование базируется на проведенных социологических опросах и экспертных интервью с руководителями разного уровня (от районных до областных), литературных источниках, прессе.

Коровкин А. Г., Королев И. Б. Динамика и структура занятого населения России по полу: опыт макроэкономической оценки // Проблемы прогнозирования. 2003. № 3 (78). С. 83–98.

В статье анализируются направления и интенсивность структурных сдвигов в занятости по полу. Приводится опыт построения функций занятости с учетом фактора пола для экономики в целом и отдельных ее отраслей. Исследуется влияние макроэкономических и социальных факторов на численность занятых мужчин и женщин. Проводится анализ масштабов сегрегационных процессов в экономике России. Дается вариантный прогноз численности мужской и женской занятости на перспективу.

Давидкова О. Б., Емельянов С. С., Суворов Н. В. Проблемы вступления России в ВТО: соотношения цен мирового и внутреннего рынков // Проблемы прогнозирования. 2003. № 3 (78). С. 143–155.

В статье рассматриваются позитивные и негативные стороны вступления России в ВТО для ее экономики. В контексте сопоставления уровней цен мирового и внутреннего рынков описано влияние на экономику девальвации 1998 г. и последовавшего за ней замещения импортных товаров отечественными. Анализ возможностей снижения отрицательных последствий вступления России в ВТО опирается на изучение способности российской промышленности производить конкурентоспособную продукцию.

Красильникова М. Д. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. 2003. № 2 (77). С. 124–134.

Рассматриваются методы построения интегральных характеристик изменений социальных настроений населения России на баз данных массовых социологических опросов. Моделирование динамики макроэкономических показателей уровня жизни с учетом этих индикаторов показывает наличие самостоятельного влияния изменения настроений людей на динамику потребительских расходов на товары и услуги.

Барсукова С. Ю. Теневая занятость: проблемы легализации // Проблемы прогнозирования. 2003. № 1 (76). С. 136–147.

В статье рассматриваются возможности сдерживания теневых процессов в сфере труда в разных вариантах трудового законодательства, представленных властью и профсоюзами. Анализируется позиция работников по отношению к теневым практикам занятости на основе результатов специального обследования, отразившего противоположные взгляды на пути легализации теневого рынка со стороны занятых в организованном (промышленность, бюджетная сфера) и неформальном секторах экономики.

Социологические исследования

Тихонова Н. Е. Последствия реформ 90-х годов для женщин из бедных городских семей // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 67–77.

Автор статьи делает вывод о том, что сам образ жизни бедных семей дополнительно порождает такие формы депривации женщин, которые не характерны или характерны в меньшей степени для женщин из более благополучных семей или для мужчин из бедных семей. К сожалению, этот факт пока не учитывается ни в государственной социальной политике, ни женскими организациями, борющимися за права женщин. Статья основана на данных двух общероссийских опросов: «Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян» (октябрь 2001 г.) и «Женщина новой России: какая она? Как живет? К чему стремится?» (январь 2002 г.)

Барсукова С. Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 3–15.

Отсутствие доверия к институту контракта – центральному элементу любой капиталистической системы, согласно представлениям большей части экономистов, является одним из существенных недостатков, препятствующих формированию эффективных отношений на рынке труда. Известно, что двумя самыми массовыми практиками трудоустройства в современной России является официальный найм (контракт) и работа по устной договоренности. Но настолько ли велики различия между этими формами трудоустройства, как об этом говорят экономисты? Основываясь на данных эмпирического исследования нескольких проблемных групп, автор полагает, что между указанными сегментами рынка труда есть ряд парадоксальных сходств. (1) Контракт далеко не всегда определяет реальные условия трудовой сделки; (2) найм формален, а каналы поиска работы и критерии оценки потенциального работника зачастую неформальны; (3) неформально нанятые проявляют недовольство и фиксируют ситуацию в терминах нарушения своих прав не чаще, чем, чем официально трудоустроенные; (4) у представителей неформального и формального найма примерно одинакова готовность защищать свои трудовые права; (5) вероятность соблюдения условий первоначального договора практически не зависит от степени формализации трудовой сделки; (6) формальная занятость не реже, чем неформальная, допускает компромиссы между работником и работодателем, позволяющие компенсировать невысокие заработки работников. Итак, слухи о различиях формального и устного найма сильно преувеличены. В сегодняшних условиях эти практики стремительно сближаются. С одной стороны, это связано со значительными издержками подчинения закону, так и слабостью механизма принуждения его исполнять. В свою очередь неформальный найм тянется в сторону контрактного права. Так происходит деформализация формального и институционализация неформального, которые размывают границу между формальными и неформальными рынками труда.

Удальцова М. В., Воловская Н. М., Плюснина Л. К. Социально-трудовые ожидания незанятых людей и их отношение к самостоятельной занятости // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 16–25.

В статье представлены результаты двух исследований проблем безработицы, проведенных в 1995 и 2002 гг. Результаты исследований показали, что только треть незанятых готовы перейти на самозанятость. Сравнительный анализ данных двух исследований показал инертность сознания незанятых в интернализации ценностей рыночной культуры. В силу этого за годы реформ у групп незанятых «не сложились каналы социальной мобильности», у них не восстанавливаются адекватные связи с реальным миром, они в основном пассивны и не предпринимают самостоятельных шагов для выхода из ситуации безработицы. Многие из

этой группы переходят в состояние самозанятости от безысходности, к открытию собственного дела их зачастую толкает исчезновение прежних жизненных опор. Поэтому для таких людей самостоятельная занятость – это прежде всего средство выживания, а не свободный выбор.

Бадышова И. М. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа) // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 38–47.

Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 88–96.

Депривационный подход в стратификационных исследованиях стремительно набирает популярность. С одной стороны, это обусловлено неадекватностью традиционных методов оценки бедности, многие из которых, к сожалению, до сих пор лежат в основе официальной статистики, с другой – необходимостью выработки более точного и строгого измерителя социального статуса негативно привилегированных слоев населения. Демонстрируя, со ссылкой на западные и отечественные стратификационные исследования, достоинства и недостатки абсолютных и относительных концепций бедности, автор статьи описывает специфику депривационного подхода. Последний требует учета целого ряда не только материальных, но и социальных индикаторов с целью определения качественного «порога», ниже которого недостаточность душевых доходов приводит индивида или домохозяйство на грань выпадения из привычных социальных связей и общепринятого образа жизни большинства населения, что рассматривается автором как одна из форм социального исключения. Использование депривационного подхода предполагает решение трех методологических задач: 1) как определить индикаторы депривации; 2) в какой мере они свидетельствуют о снижении общепринятого для данного сообщества уровня жизни; 3) существуют ли качественные «пороги» депривации, позволяющие давать оценку жизненным стандартам того или иного индивида или той или иной семьи. Используя данные исследования «Бедность и социальная эксклюзия в России» (ИКСИ РАН, рук. Н.Е. Тихонова), проведенного в 1999-2001 гг., автор статьи демонстрирует количественную и качественную специфику депривации, которая характерна для непривилегированных групп современного российского общества.

Ярская-Смирнова Е. Р., Лошакова И. И. Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 100–196.

В статье с учетом опыта зарубежных стран рассматриваются некоторые проблемы инклюзивного образования детей-инвалидов с акцентом на особенности их обучения в общеобразовательной школе, а также перспективы указанной формы образования в современной России.

Лапин Н. Н. Влияет ли безработица на вселяемость вынужденных мигрантов в восточные регионы России? // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 72–77.

Лоншакова Н. А. Региональный вуз и рынок труда: проблемы адаптации (на примере Читинской области) // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 68–72.

Баранов А. А., Иванова Н. Г. Влияние социальной дифференциации на образовательные ориентации молодежи // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 72–78.

Осинский И. И., Хабаева И. М., Балдаева И. Б. Бездомные – социальное дно общества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 53–58.

Снежкова И. А. Этнические аспекты гендерного социального неравенства // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 67–72.

Решетников А. В. Социальный портрет потребителя медицинских услуг в России в период перехода к рыночной экономике // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 92–102.

Экономист

Карагусова Г. Пенсионная система Республики Казахстан: опыт реформирования // Экономист. 2003. № 11. С. 99–103.

Министр труда и социальной защиты населения Республики Казахстан анализирует ход реформирования и направления совершенствования пенсионной системы республики.

Ильшев А., Лаврентьева И. Эффективность социальной поддержки в сферах занятости и репродукции // Экономист. 2003. № 10. С. 41–50.

В статье рассматривается опыт передовых предприятий в сфере социальной поддержки репродуктивных работников, преимущества социальной поддержки и ее формы. Анализируется экономическая эффективность инвестирования в сферы занятости и репродукции.

Мурджикнели М. Субсидия как один из механизмов социальной защиты населения // Экономист. 2003. № 10. С. 50–51.

Мищенко Л., Листопад М. Роль предпринимательских сетей и альянсов в обеспечении рыночной устойчивости предприятий // Экономист. 2003. № 10. С. 67–70.

Емельянов А. Продовольственная бедность населения: истоки и пути преодоления // Экономист. 2003. № 10. С. 78–85.

Бачурин А. Экономическая и социальная политика государства по улучшению условий жизни // Экономист. 2003. № 8. С. 23–27.

Тимаков В. Малый бизнес в региональной экономике (на примере Московской области) // Экономист. 2003. № 7. С. 50–52.

Канаузов М., Вокина С. Ценообразование и экономическая эффективность платных медицинских услуг // Экономист. 2003. № 7. С. 53–58.

В статье анализируется опыт поликлиники Минэкономразвития РФ в установлении цен на медицинские услуги.

Новикова В. Возможно ли справедливое распределение доходов? // Экономист. 2003. № 4. С. 61–67.

Костецкий Н., Федотов В. Условия модернизации жилищного фонда // Экономист. 2003. № 4. С. 68–75.

Липатова Л. Оплата труда на российских предприятиях // Экономист. 2003. № 3. С. 72–77.

Иванова В., Безденежных Т. Муниципалитеты управляют занятостью // Экономист. 2003. № 2. С. 60–64.

Ольбикова Е. И. Влияние образовательных различий на характер трудовой мобильности работников (на российском рынке труда) // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 72–94.

Основная цель работы – выявить влияние уровня образования на характер межфирменной трудовой мобильности работников. Базовое предположение заключалось в том, что уровень образования существенным образом влияет на сегментацию на рынке труда, следовательно, образование также должно влиять и на характер трудовой мобильности. Однако анализ данных РМЭЗ дает достаточно противоречивую картину: с одной стороны, уровень образования действительно определяет шансы попадания в группу безработных или экономически неактивных. С другой стороны, уровень образования влияет на склонность к межфирменной трудовой мобильности только в подгруппе мужчин от 22 до 45 лет. Более того, восходящую мобильность в отношении оплаты труда за исследованный период совершили также только мобильные мужчины – при этом уровень образования не определял шансы на повышение оплаты труда.

Балабанова Е. С., Балабанов А. С. Процессы накопления преимуществ и углубления депривации: к постановке исследовательской проблемы // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 4. С. 62–78.

Радикальные экономические реформы последнего десятилетия привели к интенсивному социальному и экономическому расслоению населения России. Последствия этого видны уже сейчас – формирование взаимоисключающих интересов «верхов» и «низов», «геттоизация» больших групп населения на низших уровнях социальной иерархии без перспектив улучшения их положения. Социальная поляризация в значительной степени обусловлена кумулятивным характером социальных процессов. По мнению авторов, есть основания утверждать, что Россия находится в самом начале стихийного процесса накопления преимуществ / углубления депривации в масштабах общества в целом. В работе анализируется возможность разработки теоретической модели такого рода процессов, возможность их эмпирического изучения. Рассматриваются факторы прогрессирующего неравенства, а также факторы, препятствующие социальной поляризации.

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: понятие, структура // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 4. С. 15–36.

Неформальная экономика стала фаворитом научной тематики. Публикации на эту тему растут как снежный ком. Однако остаются неопределенными границы этого понятия, его внутренняя структура. Общеизвестность термина служит оправданием вольного обращения с ним. Между тем термин имеет свою историю, обязывающую соотносить его понимание со сложившимися традициями. При этом очевидно, что прямой перенос определений и смыслов вряд ли оправдан. Неформальная экономика – понятие мировой науки, однако ее концептуализация имеет массу национальных версий. Западный мир акцентировал иные качественные характеристики неформального экономического порядка, нежели исследователи развивающихся стран. Иначе и быть не могло. Это ставит перед нами двуединую задачу – систематизировать подходы к определению и сегментированию неформальной экономики, с одной стороны, и выработать концептуальную схему неформальной экономики, адекватную российским условиям, с другой.

Балабанова Е. С. Социально-экономическая зависимость женщин // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 106–119.

На основе данных эмпирических исследований автор делает вывод о том, что социально-экономическая зависимость женщин многофакторна. Зависимость в семье обусловлена, помимо экономического, такими факторами, как неэкономические ресурсы, конвенциональные отношения супругов в семье, эмоциональная привязанность. Утверждается, что в рамках существующей культуры женщина, имеющая детей, может менять сферы своей зависимости - однако гораздо более сложно выйти из зависимого состояния. Финансовая зависимость женщины оборачивается зависимостью социальной, прежде всего, в процессе ее взаимоотношений с мужчиной. Экономическая зависимость от родителей и государства меньше ограничивает свободу женщины. Экономическая зависимость оказывается ключевым звеном цепочки, воспроизводящей гендерное неравенство: домашние обязанности женщины ограничивают ее возможности на рынке труда и обуславливают более низкую заработную плату, что закрепляет сложившееся разделение труда внутри семьи. Открытым остается вопрос о возможностях преодоления женской зависимости. Наиболее обоснованными автору представляются аргументы, доказывающие, что только изменения в культуре, сознании, менталитете смогут разрешить данную ситуацию.

Рощина Я. М. Формальные и неформальные издержки поступления в вуз: сколько мы готовы платить? // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 1. С. 13–20.

В статье обобщаются результаты эмпирического исследования, исходный тезис которого заключается в том, что поступление в вуз сопряжено с определенными издержками. Автор выделяет несколько видов таких издержек, предпринимает попытку объяснить выбор соотношения между величиной различных издержек и установить, являются ли эти издержки альтернативными друг другу или, напротив, взаимодополняющими. Рассматриваются факторы формирования различных видов издержек и готовности родителей их нести. Работа основывается на данных специального опроса, проведенного в апреле и сентябре 2001 г. в московском, псковском, ростовском и пермском регионах России.

Петрова Л. Е. Объединения работодателей: потенциал в социальном партнерстве // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 1. С. 64–80.

В задачи анализа входит характеристика общероссийских и региональных объединений работодателей, а также особенностей их взаимоотношений с профсоюзными органами в практике социального партнерства. Рассматриваются отношения между тремя партнерами: работодателями, профсоюзами и государством.

Календарь событий

21 января 2004 г. состоялся семинар, посвященный новому проекту НИСП **«Социальный атлас российских регионов»**. Проект преследует несколько целей:

- исследователям он поможет выбрать регионы разного типа с учетом особенностей социальной проблематики.
- инвесторам – оценить социальную напряженность, человеческий капитал, социальную инфраструктуру для оптимальной стратегии развития бизнеса в регионах.
- политикам – получить количественные и качественные оценки остроты существующих проблем для разработки социальных программ.
- преподавателям и студентам – ознакомиться с современными тенденциями развития регионов и увидеть, насколько велика дифференциация социального развития в такой большой стране с переходной экономикой, как Россия.

Первые результаты проекта представлены на сайте НИСП и включают: тематические обзоры (расселение, экономическое состояние и бюджетная политика; демографическая ситуация и миграции; рынок труда и занятость; социально-экономическое положение домохозяйств; здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство); типологию регионов; социально-экономические портреты регионов; интегральные индексы. Аналитические тексты иллюстрируются *картами, графиками, рисунками*. Работа над проектом продолжается, сайт постоянно пополняется новыми материалами. *Все материалы находятся в открытом доступе на сайте: www.socpol.ru/atlas.*

2-3 февраля 2004 г. (Москва). Международная конференция **«Гражданская служба в России и Германии»**. Организаторы конференции: Московское представительство фонда им. Генриха Бёлля (Германия) и Коалиция общественных организаций «За демократическую альтернативную гражданскую службу» под эгидой Форума «Петербургский диалог» и при поддержке Комиссии по правам человека при Президенте РФ.

13-14 февраля 2004 г. (Санкт-Петербург). Круглый стол **«Сообщество независимых экономических аналитических центров Северо-Западного региона: современное состояние и перспективы развития»**. Организаторы: Московский общественный научный фонд, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», Центр институциональных реформ неформального сектора (IRIS).

13 февраля 2004 г. (Москва). Семинар **«Преодоление бедности и реформы в социальной сфере»**. Организатор: Центр стратегических разработок.

25-26 февраля 2004 г. (Москва) Вторая научная конференция Независимого института социальной политики **«Социальная политика: вызовы XXI века».**

1 сессия. Социальные факторы и социальные последствия экономических реформ

Председатель: Т.И. Заславская, Академик РАН, АНХ при Правительстве РФ

Выступающие:

М.Э. Дмитриев (Первый заместитель Министра экономического развития и торговли РФ) «Современный этап российских социальных реформ»

М.Ю. Зурабов (Председатель правления пенсионного фонда Российской Федерации) «Ход и перспективы пенсионной реформы в России»

А. Ослунд (Директор Евразийской программы Фонда Карнеги за международный мир) «Российские социальные реформы: сравнительный анализ с другими переходными странами»

О.Ю. Голодец (Заместитель Генерального директора ОАО «ГМК «Норильский никель» по персоналу и социальной политике) «Динамично развивающиеся предприятия: трудовые отношения и социальные гарантии»

2 сессия. Финансирование и институциональное развитие здравоохранения

Председатель: А.Г. Аганбегян (Академик РАН, АНХ при Правительстве РФ, зав. кафедрой экономической теории и политики)

Выступающие:

Я. Бултман (Эксперт Всемирного банка) «Проблемы уточнения гарантий медицинской помощи населению в странах с переходной экономикой»

Дж. Катцын (Региональный Советник, Программа Финансирования систем здравоохранения, Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения) «Может ли реформа финансирования здравоохранения повлиять на неформальные платежи?»

С.В. Шишкин (Директор научных программ НИСП) «Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет»

3 сессия. Социальная политика и проблемы социального неравенства

Председатель: Л.А. Хахулина (Заместитель директора Аналитического центра Ю. Левады)

Выступающие:

А.Е. Суринов (Первый заместитель Председателя Госкомстата РФ) «Бедность в России: количественное измерение»

Т.М. Малева (Директор НИСП) «Социальные страты и социальная политика в современной России»

Л.Н. Овчарова (Директор научных программ НИСП) «Социальные последствия реформ в области электроэнергетики и жилищно-коммунальной сферы»

Д.О. Попова (координатор научной программы НИСП) «Факторы доходного неравенства в переходных экономиках»

Н.В. Зубаревич (Директор региональной программы НИСП) «Социальная ситуация в российских регионах на фоне экономического роста»

4 сессия. Социальные проблемы современного рынка труда

Председатель: Л.Н. Овчарова (Директор научных программ НИСП)

Выступающие:

М.А. Топилин (Заместитель Министра труда и социального развития РФ) «Государственная политика занятости: задачи нового этапа»

Р.И. Капелюшников (Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, заместитель директора Центра трудовых исследований ГУ-ВШЭ) «Занятость в хозяйствах населения: уровень, структура, динамика»

М.В. Москвина (Генеральный директор НП «Аналитический центр развития социального партнерства», КСОПР) «Политика занятости и социальные программы крупных промышленных корпораций»

О.В. Синявская (Заместитель директора НИСП) «Неформальная занятость в России: методологические подходы и эмпирические оценки»

5 сессия. Проблемы доступности высшего образования

Председатель: А.Р. Марков (Ведущий специалист, руководитель социальных программ Московского представительства Всемирного банка)

Открытие сессии: С.В. Шишкин (Директор научных программ НИСП)

Вступительное слово: В.А. Болотов (Первый заместитель министра образования РФ), Е.Ф. Сабуров (Директор института проблем инвестирования, научный руководитель института развития образования)

Выступающие:

А.Г. Левинсон (Зав. отделом качественных исследований Аналитического центра Ю. Левады) «Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты»

Г.А. Чередниченко (Ведущий научный сотрудник Института социологии РАН) «Дифференциация доступа к высшему образованию и отношение к ней населения»

Е.М. Аврамова (Зав. лабораторией хозяйственной деятельности населения ИСЭПН РАН) «Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики»

Н.П. Васильева (кафедра психологии развития Красноярского государственного университета) «Исследование основательности ожиданий старшеклассников как фактора доступности высшего образования»

5 сессия. Проблемы доступности высшего образования (продолжение)

Председатель: А.Р. Марков (Ведущий специалист, руководитель социальных программ Московского представительства Всемирного банка)

Выступающие:

Т.Л. Клячко (Директор Центра экономики непрерывного образования АНХ при Правительстве РФ) «Механизм единого государственного экзамена и доступность высшего образования»

А.Е. Чирикова (Ведущий научный сотрудник Института социологии РАН) «Анализ влияния трансформации механизмов приема в вузы и финансирования обучения на доступность высшего образования»

П.В. Романов (Саратовский государственный технический университет) «Доступность высшего образования для инвалидов»

Л.М. Мухарямова (проректор по контрактному обучению российских и иностранных граждан; зав. кафедрой истории и социологии Казанского государственного медицинского университета) «Нерусский язык обучения в школе как дифференцирующий фактор в системе доступности высшего образования (на примере Республики Татарстан)»

И.Г. Телешова (доцент кафедры макроэкономического регулирования и планирования МГУ им. М. В. Ломоносова) «Социальные и экономические факторы доступности получения завершеного высшего образования в элитном вузе»

6-8 апреля 2004 г. (Москва) V Международная научная конференция **«Конкурентоспособность и модернизация экономики»**. Организатор: Государственный университет – Высшая школа экономики при поддержке Всемирного банка и Международного валютного фонда.

В числе секций и выступлений, связанных с социальной тематикой, следующие.

Круглый стол «Окно возможностей – 2»

Ведущий А.Н.Шохин, Председатель Наблюдательного Совета компании «Ренесанс-капитал», Президент ГУ-ВШЭ.

- Главный доклад – Шувалов И.И., Помощник Президента Российской Федерации;
- Реформа здравоохранения – М.Ю.Зурабов, Министр здравоохранения и социального развития Российской Федерации, С.В.Шишкин (Независимый институт социальной политики);
- Реформа образования – Л.И. Якобсон (ГУ–ВШЭ), В.М.Филиппов (Министерство образования и науки Российской Федерации);
- Создание рынка доступного жилья – Н.Б.Косарева (Фонд «Институт экономики города»), П.В.Крашенинников (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации), С.В.Ящечкин (ОАО «Российские коммунальные системы»).

Секция III. «Социальная политика»

Руководители Л.И.Якобсон (ГУ–ВШЭ), С.Н. Смирнов (ГУ–ВШЭ)

Сессия 1. Социология и психология российского общества

Ведущие: Л.И.Якобсон (ГУ–ВШЭ), С.Н.Смирнов (ГУ–ВШЭ)

- Markku Kivinen (Aleksander Institute, Finnish Center for Russian and East European Studies) «Препятствия формирования среднего класса в России»
- Л.А.Хахулина (Аналитический центр Юрия Левады) «Легитимность неравенства: динамика массовых представлений о бедности и богатстве»
- Н.Е.Тихонова (Институт комплексных социальных исследований РАН) «Социально-психологические факторы бедности»
- Е.Ф.Сабуров (ГУ–ВШЭ)
- А.К.Болотова (ГУ–ВШЭ) «Человек и время в ситуации социальной нестабильности»
- К.А.Абульханова (ГУ–ВШЭ) «Психология современной личности и проблема социальной справедливости»

Сессия 2. Теневая занятость и бедность – актуальные проблемы российского общества

Ведущие: Л.И.Якобсон (ГУ–ВШЭ), С.Н.Смирнов (ГУ–ВШЭ)

- Т.М. Малева (НИСП) «Экономический рост и социальная стратификация»
- Л.Н.Овчарова (НИСП) «Декомпозиция факторов неравенства в условиях становления рыночных отношений в России»
- С.Ю.Барсукова (ГУ-ВШЭ) «Возможно ли уменьшить теневую занятость в современной России?»
- О.В.Синявская (НИСП) «Современный рынок труда: кто такие неформально занятые?»
- С.Н.Смирнов (ГУ-ВШЭ) «Перспективы неперспективных – государственная политика социально-экономической реабилитации лиц без определенного места жительства»

Сессия 3. Реформы и модернизация в образовании и здравоохранении

Ведущий: И.М.Шейман (ГУ–ВШЭ)

- Joan Marie Nelson (Woodrow Wilson Center of the Smithsonian Institution, and School of International Service, American University) «Неотложные потребности и слабые стимулы: политика реформ здравоохранения и образования в Латинской Америке»
- А.Г. Эфендиев (ГУ–ВШЭ) «Социальные последствия ЕГЭ»
- Н.Е. Покровский (ГУ–ВШЭ) «Глобализация и тенденции высшего образования в России»
- И.М. Шейман (ГУ–ВШЭ) «Проблемы реформирования здравоохранения»

Сессия 4. Формирование рынка доступного жилья в России

Ведущий: Н.Б.Косарева (Фонд «Институт экономики города»)

- К.Н. Апрелев (Российская гильдия риэлторов) «Ценовая ситуация на рынке недвижимости и ее влияние на изменение доступности жилья»
- В.В. Цветков (Центр исследований Российской ассоциации маркетинга) «Жилищные предпочтения населения и платежеспособный спрос»
- Л.М. Фрейнкман (Всемирный Банк), С.Б. Сиваев (Фонд «Институт экономики города»), И.В. Стародубровская (ИЭПП) «Среднесрочное влияние комплексной реформы ЖКХ на состояние бюджетной системы и населения: некоторые варианты многовариантных расчетов»
- Э.К.Трутнев (Фонд «Институт экономики города») «Административные барьеры на пути формирования рынка доступного жилья»

8 апреля 2004 г. Председатель Правительства Российской Федерации М.Е. Фрадков подписал Постановление № 153 от 6 апреля 2004 г. «Вопросы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации», определяющее компетенции Министерства здравоохранения и социального развития РФ. Постановление опубликовано на сайте Правительства Российской Федерации (<http://www.government.gov.ru>). Министерство будет координировать деятельность Пенсионного фонда России, а также фондов социального страхования и обязательного медицинского страхования.

Согласно Постановлению, Министерство осуществляет регулирование в следующих сферах: здравоохранение, включая организацию медицинской профилактики и медицинской помощи, фармацевтическую деятельность; качество, эффективность и безопасность лекарственных средств; курортное дело; санитарно-эпидемиологическое благополучие; уровень жизни и доходов населения; оплата труда; пенсионное обеспечение; социальное страхование; условия и охрана труда; социальное партнерство и трудовые отношения; занятость населения и безработица; трудовая миграция; альтернативная гражданская служба; социальная защита; демографическая политика; физическая культура и спорт; туризм; защита прав потребителей.

Министром здравоохранения и социального развития назначен М. Ю. Зурабов.